

КАМИЛЛА
ЛЭКБЕРГ

ХЕНРИК
ФЕКСЕУС

КАМИЛЛА ЛЭКБЕРГ

ХЕНРИК ФЕКСЕУС

МЕНТАЛИСТ

A dark wooden block sits on a dark surface. Four knives are stuck into the block. One knife stands upright in the center. Two knives are stuck into the front corners, lying flat on the surface. Two more knives are lying on the floor in front of the block, one on the left and one on the right, both with blood smeared on their blades. The background is dark blue with vertical folds, suggesting curtains.

НОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЦИКЛ КАМИЛЛЫ ЛЭКБЕРГ
В СОВАТОРСТВЕ СО ЗНАМЕНИТЫМ МЕНТАЛИСТОМ
ПРАВА ПРОДАНЫ В 36 СТРАН

Около 30 миллионов экземпляров книг Камиллы Лэкберг
вышло более чем в 60 странах на более чем 30 языках

Камилла Лэкберг Хенрик Фексеус Менталист

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67258949
Менталист: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-159794-8

Аннотация

НОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЦИКЛ КАМИЛЛЫ ЛЭКБЕРГ.
В СОАВТОРСТВЕ СО ЗНАМЕНЫТЫМ МЕНТАЛИСТОМ.
ПРАВА ПРОДАНЫ В 36 СТРАН.

Около 30 миллионов экземпляров книг Камиллы Лэкберг вышли более чем в 60 странах на более чем 30 языках.

Чтобы остановить чужое безумие,

Надо самому стать безумцем...

Уникальный дуэт следователей – менталиста-профайлера и сотрудницы полиции – в темном мире иллюзий, обмана, ментальных загадок и страшных убийств.

Кто мог убить в Стокгольме молодую девушку, заперев ее в ящик и пронзив мечами? Полицейские, сделавшие жуткую находку, поначалу считают, что это – результат неудачного фокуса. Поэтому офицер Мина Дабири привлекает к расследованию известного менталиста, иллюзиониста и мастера психологических опытов Винсента Вальдера. Тот хорошо знаком

с миром фокусов, и она надеется, что он сможет составить профиль убийцы. Но, как и сама Мина, Винсент не очень ладит с людьми, сотрудничество идет плохо. Тем временем, происходит новое загадочное убийство. Похоже, в Стокгольме объявился маньяк, имитирующий знаменитые смертельные трюки...

«Серийный убийца, который любит фокусы и имитации знаменитых иллюзий, просто создан для триллера». – Göteborgs-Posten

«От романов Лэкберг бросает то в жар, то в холод». – Sun

«Лэкберг – эксперт в деле смешивания милых домашних сцен с останавливающим кровь ужасом». – Guardian

Содержание

Февраль	10
Март	19
Квибилле, 1982 год	86
Квибилле, 1982 год	146
Апрель	182
Конец ознакомительного фрагмента.	197

Камилла Лэкберг, Хенрик Фексеус Менталист

Camilla Läckberg, Henrik Fexeus

BOX

Copyright © 2020 Camilla Läckberg First published by Bokförlaget Forum, Sweden Published by arrangement with Nordin Agency AB, Sweden.

© 2020 Camilla Läckberg First published by Bokförlaget Forum, Sweden Published by arrangement with Nordin Agency AB, Sweden

© Боченкова О.Б., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2022

* * *

IX

Романы Камиллы Лэкберг:

Ледяная принцесса (Isprinsessan)

Проповедник (Predikanten)

Вкус пепла (Stenhuggaren)

Запах соли, крики птиц (Olycksfågeln)

Железный крест (Tyskungen)

Письмо от русалки (Sjöjungfrun)

Призрачный маяк (Fyrvaktaren)

Ангелотворец (Änglamakerskan)

Укротитель (Lejontämjaren)

Ведьма (Häxan)

Золотая клетка (En bur av guld)

Серебряные крылья (Vingar av silver)

КАМИЛЛА
ЛЭКБЕРГ

ХЕНРИК
ФЕКСЕУС

МЕНТАЛИСТ

Февраль

Тува нервно постукивает пальцами по столешнице. Она все еще на работе, в кафе, где ее уже не должно быть. Посетитель, только что устроившийся за столиком в углу, смотрит на нее с раздражением, и Тува отвечает ему не менее убийственным взглядом. Она его запомнила. В следующий раз он вряд ли сможет рассчитывать на сердечко в своем капучино.

Тува всегда в плохом настроении, когда задерживается на работе, а сегодня она припозднилась как никогда. Заводит за ухо светлую прядь. Скоро полчаса, как нужно было забрать Линуса из детского сада.

К кислым минам воспитателей Тува давно привыкла, но только не к грустным глазам двухлетнего сына. Она ненавидит огорчать детей, Линуса особенно. Тува уже не помнит, сколько раз повторила, что готова умереть за него. Но в действительности не все так просто, как Тува ни старается.

Она снимает передник и бросает в переполненную корзину с грязным бельем в хозяйственном шкафчике. Остается дожидаться сменщика. Где же он, черт его возьми?

В тот день, когда родился Линус, Мартина не было рядом с ней. И Тува не винила его в этом, поскольку уехала в роддом на «Скорой» на две недели раньше положенного срока. Правда, ей показалось странным, что Мартин ни ра-

зу не навестил в больнице их с сыном. Роды прошли не без осложнений, но Тува помнила только докторов, которые время от времени наведывались, чтобы удостовериться, что у нее и Линуса все в порядке. Мартин ограничился короткими СМС-сообщениями. «Я скоро приеду, – писал он. – Вот только улажу кое-какие дела». А Тува в полузабытьи представляла себе опустевшую квартиру, куда ей предстоит вернуться с Линусом. Мартин собрал вещи и ушел, пока она рожала их общего сына. Это и были «дела», которые он собирался «уладить». Просто взял и исчез, и с тех пор Тува ничего о нем не слышала.

Так они с Линусом остались вдвоем против всего мира. Не говоря о том, что этот «мир» так часто вклинивался между ними. Вот как сейчас, например. Даниэль сегодня выходит в вечернюю смену и уже с час как должен быть здесь. Но его нет, и Туве приходится звонить ему, чтобы поднять с постели. Половина второго пополудни. Была ли она такой безответственной в двадцать один год? Возможно. Ничего удивительного, что рабочие отношения не складываются. Тува смотрит на наручные часы.

Черт...

Она надевает пуховик, шапку и делает два двойных эспрессо – один в фарфоровой чашке, другой в бумажном стаканчике.

Должно быть, Матти опять дожидается ее в детском саду. Матти – воспитатель, которого Линус уже называет папой.

И каждый раз, когда такое случается, Матти смотрит на Туву с упреком. Похоже, он хочет сказать, что Тува должна уделять больше внимания сыну, вместо того чтобы днями напролет пропадать на работе. *Спасибо, Матти, за то, что пробуждаешь во мне нечистую совесть. Как будто недостаточно слез в глазах сына, который вот уже в который раз не может дожидаться мамы...*

Тува разливает эспрессо, когда в дверь врывается взъерошенный Даниэль вместе с порывом холодного февральского ветра. Несколько человек в зале демонстративно ежатся, но Даниэлю все равно. Во всяком случае, он не подает вида.

– Вот, – Тува протягивает ему дымящуюся фарфоровую чашку, – тебе это будет кстати, а я убегаю.

Не дожидаясь ответа, она хватая бумажный стаканчик и выбегает на снег, который еще и не думает таять. У дверей едва не сбивает с ног хрупкую пожилую пару.

– Простите, – бормочет Тува, – я опаздываю. Нужно забрать ребенка из детского сада.

– Вот как, но... знаете, дети иногда проявляют поразительную самостоятельность. Они ведь только кажутся такими беспомощными.

Голос ласковый, ни тени упрека.

Тува не отвечает, но радуется, что ее неловкость не вылилась в конфликт. Люди бывают обидчивы до смешного. Сколько раз посетители, на которых она пролила немного кофе, требовали не только оплаты химчистки, но и солидной

денежной компенсации. Тува смущенно улыбается пожилой паре. Кофе выплескивается на руку, напоминая, что времени на разговоры нет. Тува извиняется еще раз и спешит в сторону метро, на ходу опорожняая стаканчик. Напиток обжигает рот, желудок. Это как лекарство. Тува чувствует химический привкус, отмечая про себя, что кофейную машину пора чистить. Очень может быть, что в помещении кофе не показался бы ей таким горячим.

Пожалуй, имеет смысл вернуться в кафе после детского сада. Даниэль не пожалеет для Линуса булочек, и это действительно так. К черту макароны с фрикадельками. Завтра утром Тува уезжает, но сегодняшней вечер – их с Линусом.

Она спускается в метро, чувствуя, как подгибаются колени, и хватается за перила, чтобы не упасть. Спотыкается. Тува, конечно, спешит, но не настолько. Совсем не обязательно заявляться в детский сад с синяками. Нужно подниматься, но ноги обмякли, как будто из них вынули кости. Голова кружится. К горлу подступает тошнота, и Тува чувствует, как теряет сознание. Примерно то же было с ней в роддоме после приема лекарств.

Линус. Я иду.

Тува ищет руками перила, но те парят где-то высоко над ее головой. Руки вытянулись почти на километр, и Тува больше не помнит, зачем ей нужны перила. В глазах пляшут темные пятна, а потом все вокруг кружится, и внутренний голос говорит Туве, что она падает с лестницы. А потом все обры-

вается.

* * *

Боль – вот первое, что чувствует Тува, очнувшись. Если она лежит, то очень неудобно. Тува сглатывает и прокашливается. Во рту сухость. В следующий момент она понимает, что больше не лежит, а стоит на коленях, слегка наклонившись вперед. Стены давят со всех сторон. Сверху – потолок, касающийся ее голого затылка. Туву как будто заперли в тесном ящике.

И это слишком больно, чтобы быть сном. Это не может быть явью, но тем не менее... Запах древесины слишком реален. Свет проникает сквозь короткие узкие отверстия и ложится прямоугольниками на ее голые руки и ноги... Голые? С какой стати? Куда подевалась одежда? На Туве нет больше не только пуховика, но и шерстяного пуловера и джинсов.

Ее разделы, оставили в одной майке и трусах, и это, конечно, не всерьез. И этот химический привкус во рту... Должно быть, в кофе что-то добавили, а она так нервничала, что ничего не заметила. Выпила все без остатка.

Нагнетание адреналина по всему телу ощущается покалываниями в коже. Она должна отсюда выбраться. Тува кричит и давит на стенки ящика изо всей силы.

– Выпустите меня отсюда! Что вы делаете?

Ответа нет, но Тува чувствует чье-то присутствие. Слы-

шит дыхание. Она снова кричит; тишина остается все такой же непроницаемой и зловещей.

Покальвания распространяются по всему телу, и Тува бьет в деревянную стенку с новой силой. Насколько это возможно в такой тесноте.

– Чего ты хочешь? – Глаза застилают слезы. – Выпусти меня, пожалуйста, давай поговорим. Мне нужно забрать Линуса.

Тува косится на свои руки. Стекло на часах разбито, и стрелки показывают почти три часа. Матти, наверное, уже звонил. Ищет и не может понять, куда она запропастилась. Он скоро объявится здесь и найдет ее в этом ящике... или... Тува ведь приезжала за Линусом и позже, поэтому Матти может ничего не заподозрить.

Никто не ищет и не знает, что ее похитили.

Похитили – это слово быстро заполняет собой ее мысли, так что становится трудно дышать. Металлический звук сразу за деревянной стенкой заставляет Туву вздрогнуть.

– Эй! – зовет она.

В нижней прорези слева появляется что-то блестящее. Это похоже на лезвие меча, и оно медленно входит в ящик. Тува пытается отодвинуть бедро от стенки, но здесь слишком тесно. Острие касается бедра и давит на кожу. Это довольно больно, хотя на ощупь оно и не такое острое, каким выглядит.

– Эй, что ты делаешь? – кричит Тува. – Прекрати!

Острие продолжает давить, а потом протыкает кожу, и на ней проступает капелька крови. Это пробное движение. Тува снова кричит, не разбирая собственных слов. А потом давление внезапно ослабевает, и лезвие отступает на несколько сантиметров.

Такой звук, будто заводится мотор. Лезвие начинает вибрировать, снова продвигается вперед и на этот раз не останавливается, коснувшись ее ноги. У Тувы темнеет в глазах, когда оно вонзается ей в бедро. Потом лезвие входит в мышечную ткань – и крик заглушает шум мотора.

В глазах сплошной взрыв цветных пятен. Нервные окончания горят. Мир вокруг исчезает, остается только боль.

Лезвие снова подходит к бедру, и его вибрации передаются позвоночнику, а потом и всему телу. Тува тошнит – на бедро и окровавленное лезвие, которое скользит по кости, разрывая толщу мышц, и выходит с другой стороны. Кровь пульсирует, проталкиваясь фонтанчиками из новых отверстий. Стекает, обволакивая кость, и собирается в лужу внизу. Но оно не останавливается. Лезвие медленно продвигается к другой ноге.

Тува все еще не может двигаться.

– Прекрати, прошу тебя, – всхлипывает она. – Мне нужно забрать Линуса из детского сада. Я опоздала. Он совсем один.

Когда лезвие достигает другой ноги, Туве кажется, что она готова к боли. Но к этому нельзя быть готовой, и она хрипит

и хочет сойти с ума, впасть в беспамятство – только бы ничего этого не чувствовать. Это продолжается несколько секунд – целую вечность. Тува больше ничего не видит. Искромсав обе ее ноги, лезвие исчезает в отверстии в противоположной стене. Вибрации прекращаются, но гул мотора остается.

Что-то колет сзади в плечо, и та часть Тувы, которая была ее сознанием, умирает. В мозгу что-то взрывается, Тува ощущает это почти физически. Потому что, конечно же, отверстия есть и у нее за спиной. Тува пытается нагнуться, увернуться от лезвия, но при малейшем движении боль в бедрах вспыхивает с новой силой. Тува больше не здесь. Она в роддоме... или в кафе, где чудом получила работу. Флиртует с Даниэлем, смотрит в глаза Мартину, который признается ей в любви. Она слышит, как рвутся на спине мышцы и хрящи, и думает о том, что Линус называет Матти папой.

Опустив глаза, Тува видит, как натягивается кожа под ключицей, прежде чем лезвие выйдет со стороны груди. Это похоже на трюк. Как будто Тува – ассистентка иллюзиониста, и зал вот-вот разразится аплодисментами. Она не раз видела такое по телевизору.

Кровь заливает грудь, пропитывая майку, и лезвие исчезает в отверстии в противоположной стенке ящика. Пространство заполняет собой металлический запах.

Голубые глаза Линуса – *мама, где ты?*

Когда Тува пытается ответить, из горла вырывается что-

то похожее на писк.

– Я опоздала, милый... опоздала...

За стенкой что-то шевелится. В одном из отверстий темнеет, а потом появляется третье лезвие и останавливается сантиметрах в двадцати от ее головы.

– Только не это... – шепчет Тува.

Лезвие движется медленно, но расстояние слишком мало. Тува видит, как блестит острие, которое приближается к глазам, мешая сфокусироваться.

Линус, прости. Мама любит тебя.

Она вздрагивает, когда лезвие касается внутреннего угла правого глаза. Что-то стекает по щеке, и Тува понимает, что правого глаза больше нет. Но это неважно. Главное, ей больше не больно.

Почему здесь так пахнет паленым?

Это последняя мысль Тувы.

А потом лезвие входит в мозг.

Март

Винсент изо всей силы хлопнул ладонью по столу. Публика затаила дыхание. Он наморщил лоб, выдержал паузу и повернулся к залу. Рука снова поднялась и опустилась, с хрустом сминая бумажный конверт, который Винсент с нервным смешком смахнул на пол.

– Номер пять, – объявил Винсент. – И здесь его тоже нет.

Луч прожектора вырывал из погруженной в темноту сцены стол, за которым сидел Винсент, и стоящую перед ним женщину. Контраст света и тени подчеркивал драматичность момента. В зале стало тихо.

Шоу вступило в последний этап, на котором не предполагалось даже музыки. Тишина нагнетала нервозность. С самого начала на столе лежали пять пронумерованных конвертов, два из которых, смятые, уже валялись на полу.

– Еще три. – Винсент поднял глаза на женщину. – Не смотрите на них, Мадалена, иначе я буду следовать движениям ваших глаз. Лучше подумайте о том, под каким из них может быть гвоздь. Вы ведь одна это знаете. Публика не видела, куда вы его спрятали, я тем более. Три конверта, Мадалена, три. Вспомните, каким острым был этот гвоздь, когда вы трогали его пальцем. Вспомните – не более того.

Женщина вспотела. В луче прожектора жарко, а она нервничает не меньше, чем зрители. Если не больше. Винсент

вглядывается в ее лицо.

– Вы не отреагировали на слово «три», хотя я повторил его трижды. Так что, думаю, он не там.

Винсент хлопнул по конверту под номером «три» прежде, чем публика успела понять, в чем дело. Несколько человек вскрикнули, не выдержав напряжения.

Оставалось еще два, и шансы Винсента причинить себе боль возросли до пятидесяти на пятьдесят. Он все еще не знал, зачем продолжает выступать с этим номером. Все, кто это делал, рано или поздно плохо заканчивали. Это было неизбежно, если повторять номер много раз. Но публика не видела, что Винсент взволнован по-настоящему. Иллюзия полного контроля – важная часть трюка.

– Остались номера два и четыре. – Винсент посмотрел на женщину. – Представьте себе этот гвоздь... все двадцать сантиметров.

Женщина прикрыла глаза и кивнула.

– Вспомните, как он блестит, если поставить его вертикально. И он под одним из этих конвертов. Под тем, по которому я не должен ударить.

– Я уже не уверена, что помню это точно, – прошептала женщина.

Винсент изогнул бровь. Тишина в зале достигла такой плотности, что ее можно было резать ножом. Два конверта. Винсент занес руку над одним из них, потом над другим. Какой-то из них означал бурные овации. Другой – пронзенную

гвоздем ладонь и срочную госпитализацию на «Скорой».

– Откройте глаза, – обратился он к женщине.

Та, неохотно подчинившись, сощурилась на конверты. Винсент вглядывался в ее лицо. Потом снова занес руку для удара, но, заметив, как расширились глаза женщины, в последний момент изменил направление движения и хлопнул по другому конверту.

Женщина закричала одновременно с хлопком. Винсент замер на несколько секунд, склонившись над столом. После чего торжествующе смял конверт и поднял оставшийся.

Направленный острием вверх, гвоздь блеснул, как копье, в холодном свете прожектора. Публика загудела и вскочила с мест. Грянула музыка. Подписав гвоздь перманентным фломастером, Винсент протянул его женщине, лицо которой выражало явное облегчение. Она удалилась, ведомая под руки помощником, а Винсент встал на краю сцены и хлопнул в ладоши. Радость его была неподдельной.

Представление в театре Евле завершилось громовыми аплодисментами. Винсент раскланялся и устремил взгляд куда-то поверх зала, в дальний его конец.

Движущийся свет над морем аплодисментов ослепил его. Винсент не видел зрителей, но вел себя так, будто различал каждого в отдельности. Трюк состоял в том, чтобы, направив взгляд прямо перед собой, сфокусировать его, будто смотришь кому-то в глаза. Там, в темноте, невидимые, стояли 415 человек и аплодировали ему, Винсенту Вальдеру, масте-

ру-менталисту.

– Спасибо, что пришли, – прокричал он, перекрывая шум. Аплодисменты усилились. Переполненный до краев зал бушевал.

Хороший вечер. Ее не было, поэтому Винсент и оставался таким спокойным. Вечера, когда ее лицо не мелькало среди публики, давались ему легче, нежели он сам решался себе в этом признаться.

Винсент поборол искушение загородиться от света ладонью, чтобы их видеть. В конце концов, он трудился в поте лица только ради таких моментов. Не говоря о том, что его тело все еще держалось в вертикальном положении только благодаря адреналину. 415 мест, 41 и 5–46, – ровно столько, сколько ему исполнится лет через несколько недель.

Хватит.

Сегодня он едва не напоролся на чертов гвоздь, и это был последний номер почти двухчасового шоу. Пот бежал по спине ручьями, мозги вскипали.

Секрет, как уже говорилось, состоял не в том, чтобы предсказать поведение публики или создать впечатление, будто он умеет читать их мысли. Главная иллюзия состояла в том, чтобы выглядеть невозмутимым, когда мозги крутятся на полную катушку. Театральная афиша представляла его как «мастера-менталиста», и он жалел, что в свое время не потребовал изменить текст. Слишком неумно... вульгарно. С другой стороны, это то, за чем так удобно прятаться. Мож-

но представить себя вымышленным персонажем. Не каждому захочется лежать на спине в течение десяти минут, прислушиваясь к звуку собственного дыхания. А теперь, когда все позади, важно взять под контроль свои мысли, прежде чем они успеют ускользнуть в собственном направлении. Сегодня это заняло у него больше времени, чем обычно.

«Контроль» – слово из восьми букв. Ровно столько, сколько рядов на балконах.

Хватит, прекрати.

Винсент поднял глаза к первому балкону, где сидели те четверо, которых он заставил забыть собственные имена в первом акте. 23 места на каждом уровне – всего 184.

На балконе кто-то засвистел.

Стоп, Винсент. Дыши глубже и не додумывай эту мысль до конца. 184 места. Восемнадцатое в четвертом ряду. Восемнадцатое апреля – последний день гастролей.

По 23 места в ряду. 8 рядов. $2+3+8 = 13$ – столько вечеров ему осталось отработать.

Прекрати, прекрати, прекрати...

Винсент прикусил язык. Поклонился в последний раз и пошел со сцены. Остановился за бархатной кулисой, напротив боковой комнаты, и начал отсчитывать про себя. Один... Если на счет «десять» аплодисменты не стихнут, он снова выйдет на поклон. Два... В полумраке боковой комнаты мелькнула тень – женщина лет тридцати с небольшим. Три... Струйка пота на спине стала ледяной. Она все-таки пришла.

Четыре... Просто на этот раз не стала дожидаться окончания представления, чтобы выбежать на сцену. Пять... Но как она пробралась за кулисы? Никто не может находиться здесь во время выступления. Тому, кто пустил ее сюда, придется за это ответить.

Винсент просил присматривать за этой женщиной, но с тем, чтобы мешать ей, а не помогать. Шесть... Теперь он, по крайней мере, знает, как она выглядит. Темные волосы убраны в «хвост». Пуловер... Семь. Глаза, приоткрывшиеся еще на несколько миллиметров перед тем, как она собиралась заговорить. Винсент понятия не имел, насколько она опасна... Восемь. Он делает ей знак замолчать и показывает большим пальцем в сторону сцены, давая понять, что еще не закончил. Может, здесь есть какой-то другой выход? Девять... Винсент пытается не думать о ней. Делает глубокий вдох, улыбается... Десять – и он снова выходит под лучи софитов.

– Спасибо, спасибо, дорогие мои... Понимаю, что вам хотелось бы оставаться здесь как можно дольше, но, боюсь, пора возвращаться. Действительность ждет вас. И если у вас возникнут проблемы со сном после сегодняшнего вечера, помните – это шутка, и не более того... – Винсент сделал паузу. – Можно сказать и так.

Публика рассмеялась – громко и немного нервно. Винсент тоже не смог сдержать улыбки. Это срабатывало каждый раз. Винсент поспешил за кулисы – хотя это было последнее, что ему хотелось сделать, – прежде чем зрители устремились в

проходы между рядами. Артисту не годится задерживаться на сцене, когда публика уже покидает зрительный зал. А если они оставили в гардеробе зимние куртки – как сегодня, например, – то сорвутся с мест еще раньше в наивной попытке избежать ожидания в очереди.

Когда Винсент вошел в боковую комнатку, женщина уже была там.

– Она здесь, – тихо проговорил он в микрофон. – Приведите охранника... немедленно.

Скорее всего, микрофоны давно выключили. Мастера по звуку могли его услышать разве по счастливой случайности. Фанаты Винсента по большей части были вполне адекватные люди, но он боялся сюрпризов. А в этой женщине, имевшей привычку бросаться на сцену сразу после выступления, чувствовалось что-то нездоровое. До сих пор Винсенту удавалось избегать встречи с ней лицом к лицу – но только не на этот раз.

Ему удалось с трудом собраться с мыслями. После шоу требовалось время, чтобы расслабиться, дать мозгу возможность вернуться в нормальный режим. Винсент просто не мог достаточно четко проанализировать ситуацию. Ему не оставалось ничего другого, как быть с ней приветливым – по крайней мере, до появления охранника. И держать дистанцию.

Чтобы выиграть время, он указал на короткую лестницу, ведущую в зеленую комнату. Женщина пошла впереди. Семь

ступенек. На последнюю Винсент ступил дважды, чтобы количество шагов стало четным. Женщина впереди как будто ничего не заметила.

Он привел ее в помещение, меблированное под обычную гостиную. Где же охранник? Винсент снял жакет, бросил его на диван. Повернул бутылку по полке, чтобы все этикетки смотрели в одну сторону. Женщина осталась в куртке.

Винсент промокнул лицо влажной салфеткой, удаляя остатки театрального грима. Женщина поморщилась – почти незаметно. Отлично. Все, что могло заставить ее как можно быстрее покинуть помещение, было ему на руку. Винсент надеялся, что достаточно пропах пóтом.

– Не хочу показаться невежливым, – начал он, – но сюда нет хода посторонним. – Открыл бутылку с водой, налил в стакан, подозрительно разглядывая пузырьки. – Вы не можете здесь оставаться. Сценическое пространство закрыто для всех, не участвующих в постановке, и...

– Мина, – представилась женщина, оборвав его на середине фразы. – Мина Дабири. Я из полиции.

Потом поправила бутылку на полке, которая чуть развернулась после того, как Винсент взял соседнюю – теперь все этикетки снова смотрели в одну сторону, – и протянула Винсенту руку. Менталист слегка опешил.

Мина смотрела на мужчину в кресле по другую сторону темно-коричневого стола. Винсент Вальдер. Ей пришлось подождать, пока он сменит сценический синий костюм на джинсы и черную рубашку на белую. Хотя на улице стоял март и зима все еще держала Евле в холодных объятиях, менталист не надел ни пиджак, ни жакет.

К своему удивлению, Мина поймала себя на чувстве, что находит Винсента Вальдера привлекательным. Такое бывало с ней не так часто. «Стильный» – пожалуй, так. В нем чувствовалась благородная старомодная строгость, даже в обычной повседневной одежде, не говоря о сценической.

Винсент предложил ресторан, хотя она предпочла бы более приватную обстановку. Не в обычае Мины было менять планы, но она с самого начала решила оставить этот выбор за ним. В конце концов, это она пришла к нему. И поэтому щекотливый разговор, связанный с полицейским расследованием, пришлось продолжать «У Харри» – в единственном заведении, которое работало в Евле после десяти вечера.

После выступления Винсент выглядел более измотанным, чем она рассчитывала, и еда могла ослабить напряжение. Менталист не должен был ни на что отвлекаться, в том числе на голод. Сама Мина сразу расслабилась при звуках, доносящихся со стороны прилегающего к залу бара. Здесь говори-

ли по-сконски¹ и носили белые бейджи на ленте вокруг шеи. Похоже, какая-то конференция в одном из ближайших отелей. Но Мине подумалось, что эти люди похожи на школьников с висящими на груди ключами.

Витавший в воздухе запах пива и феромонов едва не заставил ее надеть маску, но эту мысль Мина тут же отогнала, полностью сосредоточившись на Винсенте. Она не нашла о нем ничего в полицейских базах. Пришлось искать другие источники информации. Согласно «Википедии» и другим сайтам через месяц менталисту исполнялось сорок семь лет, и фамилию «Вальдер» он носил не с рождения.

Его профессия – «менталист» – состояла в том, чтобы при помощи психологических приемов, гипноза и тому подобного создавать иллюзию медиальных способностей, прежде всего чтения мыслей. При этом, если верить одному из интервью, менталист не был чужд и иллюзионным трюкам. Они были здесь как нельзя кстати, особенно с учетом того, что лежало у Мины в папке. Информации о том, чем он занимался раньше и где родился, она не нашла. «Википедия» сообщала только, что Винсент Вальдер практикует вот уже пятнадцать лет, но известность получил совсем недавно, благодаря фильму, который прошел на четвертом канале.

В нем он, в частности, демонстрировал один психологический эксперимент со скрытой камерой. Винсент наугад выбрал человека, которому на протяжении дня делал внуше-

¹ Сконе – провинция Швеции. По-сконски – то есть на сконском диалекте.

ния и подавал неуловимые гипнотические команды, при том, что бедная жертва ни о чем таком не подозревала. Под конец мужчина поднялся с постели посреди ночи, взял баллончик с краской и на стене в промышленной зоне написал большими буквами «Винсент Вальдер». Около сотни раз, что заняло несколько часов времени.

Когда охранник, которого ни о чем не предупредили, спросил несчастного, чем он тут занимается, тот не понял, о чем речь. Мужчина не отдавал себе отчета в собственных действиях на протяжении последних часов и был немало удивлен, увидев пятна краски на своих руках и одежде. Мина ничего этого не видела, но о фильме много говорили. Этическая сторона эксперимента вызвала особенно много споров.

Сам Винсент объяснял, что темой эксперимента был фанатизм. Он всего лишь хотел продемонстрировать, как самые абсурдные идеи внедряются в подсознание и управляют нашим поведением совершенно незаметно для нас. Идея со стеной, похоже, была навеяна одним эпизодом из шоу британской группы комиков «Монти Пайтон». А когда Винсента спросили о содержании надписи, он ответил, что этот вариант показался ему наименее безобидным из всех, какие только могли прийти в голову. Кроме того, художнику не возбраняется подписывать свои работы. Последняя цитата имела широкое хождение в «Инстаграме» на протяжении нескольких месяцев, прежде чем все стихло.

Запах пережаренного масла достиг ноздрей Мины в тот

момент, когда официантка поставила перед Винсентом тарелку с гамбургером и открытые емкости с майонезом и кетчупом. У Мины перехватило дыхание. Что угодно могло попасть в эти чашки на пути из кухни. Просто невероятное легкомыслие. Она инстинктивно достала пузырек с антисептиком, выдавила каплю на ладонь и протерла руки.

– После концерта мне нужны углеводы, – пояснил менталист извиняющимся тоном. – Иначе я плохо соображаю.

Он взял кусочек картофеля фри, обмакнул в майонез и отправил в рот. Мина внимательно следила за его действиями. Если б менталист обмакнул картофель и в майонез, и в кетчуп, ей пришлось бы вычеркнуть его из той части человечества, куда она успела его определить. Но Винсент Вальдер ограничился майонезом, и это вселяло надежду.

– Прошу прощения за свое поведение, – продолжал он, – я принял вас за одну из своих поклонниц, у меня бывали проблемы с ними... Мне очень неловко.

Он развел руками.

Официантка поставила колу zero перед Миной и пиво перед Винсентом. Мина достала из кармана одноразовую соломинку и сняла защитную пленку. Винсент поднял бровь, но промолчал. Когда она повернулась сказать пару слов официантке, та была уже вне досягаемости, и Мина остановила взгляд на Винсенте.

– Мне рекомендовали вас как профессионала, – негромко начала она. – Вы хорошо разбираетесь в человеческой психи-

ке, насколько я понимаю, и практикуете иллюзионные трюки. Это то, что нам нужно.

Винсент кивнул и сделал глоток пива.

– Трюками я увлекался в молодости, – поправил он. – Но в двадцать с небольшим понял, что карточные фокусы – не то, на что следует полагаться в жизни.

– Оставить оказалось достаточно?

– Я принял решение. Месяц спустя познакомился с первой женой, после чего трюки окончательно перешли в разряд хобби. Но с какой стати это интересует полицию?

Винсент взглянул на часы и продолжил, не дожидаясь ответа:

– ...что касается жены... прошу прощения, я должен ей позвонить. Мы всегда разговариваем в это время... Всего пара минут.

Мина начинала беспокоиться. Не первый раз за время их короткого знакомства Винсент Вальдер заставлял себя ждать. Коллеги часто упрекали Мину в излишней напористости, советовали быть терпимее к собеседнику, если она хочет расположить его к себе. Сама Мина не была уверена, что все это так важно. Эффективность расследования зависит от чего угодно, только не от ее дружелюбия. Об этом Мине говорил ее вот уже почти десятилетний опыт работы в полиции. Тем не менее...

– Конечно, нет проблем, – ответила она, поудобнее устраиваясь на жестком стуле.

Опустив глаза в стакан с колой и мысленно отключив голос Винсента, пока тот разговаривал с женой, Мина вспомнила ящик, который они нашли почти с неделю тому назад. Он выглядел как реквизит для иллюзионного шоу в Лас-Вегасе – не хватало блессток, серебряных звезд или что там еще такое полагается. Так легко было представить ассистентку – женщину, потому что именно это их обычно сажают в такие коробки, – и мужчину-фокусника с длинными мечами в руке. И то, как он просовывает лезвия в сквозные отверстия под полные ужаса вздохи публики...

Мина, конечно, «прогуглила» и эту тему. Фокус с ящиком и ножами называли женоненавистническим. «*Sword casket*», «*sword basket*»² – у этого шоу было много названий. В первоначальном варианте это вообще был не ящик, а небольшая корзина с ребенком. Какая мерзость... Похоже, трюк давно стал классикой циркового искусства. Женщины и дети – вечные жертвы.

Но Мина согласилась на ужин в этом ресторане вовсе не из-за какого-то впопыхах сколоченного ящика. Причиной было скорее его содержимое – тело, которое им до сих пор не удалось опознать. Коллеги крепко увязли. Они испробовали все, что обычно делалось в таких случаях, и ничего не добились. Не сразу шеф Мины Юлия решила прибегнуть к нетрадиционным методам.

Мина глотнула колы и перевела взгляд на участников кон-

² «Ящик с мечами», «корзина с мечами» (англ.).

ференции. Все, что угодно, лишь бы хоть на время отстраниться от ужасных воспоминаний, которые тем не менее ее не оставляли. Никто не мог упрекнуть Мину в излишней впечатлительности, просто случай и вправду был особый. Из одной стенки ящика торчали рукоятки мечей, из другой – кончики лезвий. Тело молодой женщины внутри походило на пронзенную насквозь марионетку. Мина зажмурилась – слишком поздно...

Следствие до сих пор не установило, кто она. Подозреваемых также не было. Ящик с телом отправили Мильде Юрт, но Мина не верила в успех судмедэкспертизы. Тут требовался иной подход.

Внезапно Мина обнаружила, что Винсент на нее смотрит. Очевидно, он уже закончил говорить с женой. Мина прокашлялась, прогоняя навязчивые образы.

– Прошу прощения еще раз, – сказал он. – Теперь я ваш. Судя по выговору, вы не местная. Похоже, работаете в Стокгольме. И приехали сюда, в Евле, в этот поздний, непогожий вечер, чтобы поговорить о трюках и человеческой психике с менталистом? Вам меня рекомендовали, вы сказали? Чертовски любопытно узнать, что все это значит.

Винсент склонился над столом, подперев щеку рукой, но Мина решила на этот раз выдержать паузу. Дать ему возможность заглотить приманку как следует.

– Видела, как вы ставили автограф на гвозде, – улыбнулась она. – Художнику не возбраняется подписывать свои работы,

так?

Менталист как будто смутился, а потом рассмеялся:

– Гвоздь? Должно быть, это выглядело невероятно пошло, но что мне на это сказать? Это то, чего ожидает от меня публика, особенно после того телешоу. Я всего лишь не хотел их разочаровывать. В конце концов, они заплатили за этот вечер деньги и потратили время.

Плечи Винсента опустились, он как будто расслабился. Похоже, градус напряжения и в самом деле несколько понизился, пусть ненадолго.

– И вы правильно заметили, – продолжала Мина. – Я не сидела бы здесь, если б это не было так важно. Мы расследуем одно дело, в котором я ничего не понимаю. До сих пор нам удавалось держать прессу на расстоянии, но это, так или иначе, вопрос времени.

Винсент отрезал кусочек гамбургера. То, что он воспользовался ножом и вилкой, несказанно обрадовало Мину. Возьми он этот жирный бургер в руку, она совсем не была бы уверена в том, что сможет продолжать эту беседу.

– Простите, – Винсент помахал вилкой с нанизанным на нее кусочком гамбургера, – но какое отношение это имеет ко мне?

Вместо ответа Мина достала из папки бежевый конверт и вытащила из него несколько фотографий. Те, на которых запечатлено пронзенное ножами тело, пролистала. Положила нужное сверху и зафиксировала кипу скрепкой. Большого

менталисту видеть не нужно. Пока, во всяком случае.

– Вам знаком этот предмет?

Вилка зависла в паре сантиметров от его рта.

– *Sword casket*, – кивнул Винсент. – «Ящик с мечами».

И все-таки... я все еще ничего не понимаю...

Кусок гамбургера наконец отправился в рот.

– Я тоже, – вздохнула Мина. – Просто хотела сказать... – быстро поправилась она, – мы с коллегами совершенно не понимаем этого преступника. И надеемся, что вы увидите здесь больше. Ну, с учетом ваших возможностей, я имею в виду... Это и заставило меня обратиться к вам за помощью. Скажем так, этот ящик, который обнаружили мои коллеги, не был пустым. Нам потребовалось время, чтобы снять ее с лезвий.

Винсент прекратил жевать и побледнел.

– Нам все еще неизвестно, кто эта жертва, – продолжала Мина. – И я думаю, единственный способ хоть как-то продвинуться в этом расследовании – понять, что творилось в голове злоумышленника. Не скажу, что изуродованные трупы – такая уж редкая находка. К сожалению, нет. Не настолько редкая, по крайней мере, как того хотелось бы. Но в ящике для фокусов?.. Такого в моей практике действительно не бывало. Кому могла прийти в голову такая мысль? Зачем? Об этом я и хотела с вами поговорить. Я видела ваше шоу. Вы и в самом деле умеете читать мысли других людей. Лучше, по крайней мере, чем это делает большинство из нас.

Помогите нам понять, кто он.

Винсент откинулся на спинку стула и прищурил глаза.

– Но у вас ведь наверняка есть психологи-криминалисты. Что я, по-вашему, могу сделать такого, чего не могут они? Профиль преступника – не то, чем я занимаюсь каждый день.

Он обмакнул картофельную «соломинку» в майонез.

– Но вы ведь не только психолог, но и маг, а это то, чего в полиции уж точно никто не умеет. И потом... – Мина огляделась и понизила голос, – в последний раз преступник, которого наш психолог определил как «этнического грека средних лет из высшего общества», оказался женщиной-шведкой, работницей склада.

Тут Винсент рассмеялся так, что остаток картофельного ломтика выпал у него изо рта, и приложил салфетку к губам.

– И все-таки ваша просьба кажется мне странной, – произнес он наконец. – Полицейское начальство, насколько мне известно, не одобряет вмешательство в расследование гражданских лиц. И у меня нет никакого специального образования. Я и в самом деле изучал механизмы человеческого поведения, но моя наука основывается на базовой психологии, общих статистических моделях и моих собственных наблюдениях.

– А как, вы думаете, работают психологи-криминалисты?

– Я шоумен, мое дело развлекать публику. Никто не пострадает, если я где-то ошибусь в выводах.

– Кроме вас самого, – поправила Мина. – Вы достаточно доверяете своим способностям, чтобы рисковать собственной ладонью, которая в случае ошибки будет проткнута гвоздем.

Он слабо улыбнулся:

– И это то, чего я не должен делать... Но бог с ним, продолжайте... даже если я все еще не понимаю, чем могу быть вам полезен.

– Мы... – Мина запнулась, – наша группа занимает особое положение в полиции. Мы несколько выпадаем из обычной организационной схемы.

– В смысле?

– Ну... мой шеф Юлия – дочь начальника отделения, и...

– Понятно... – Менталист заговорщически изогнул бровь.

– Вы неправильно меня поняли, – поспешила объяснить она, подавив приступ внезапной злобы, которую Винсент, похоже, заметил. – Совсем не в этом смысле... Юлия – очень компетентный полицейский, прирожденный руководитель. И я не удивлюсь, если со временем она займет отцовское кресло. Но она, как и все мы, страдает из-за излишней жесткости, негибкости организации полицейского ведомства, скажем так... Если ей и удалось создать группу на особом положении, то, скорее, вопреки родственным связям.

– Только лучшие из лучших? – улыбнулся Винсент.

– Ну... – сухо протянула Мина, – было бы из чего выби-

рать.

– Специальная группа без специалиста нужной компетенции.

Мина все еще не знала, как ему это объяснить, и предприняла еще одну попытку.

– Каждый из нас по-своему талантлив. Но люди есть люди, и у любого полицейского начальника найдется тысяча причин, чтобы выставить за дверь неугодного человека.

– И за что же выставили вас? – Он все еще улыбался одними уголками губ.

– Я правда не знаю. Я напориста, умею мыслить нестандартно...

– Но?.. – Винсент потянулся за следующим картофельным ломтиком.

– Но группе, где я работала, было со мной некомфортно... не могу понять, в чем здесь дело. – Кашлянув, Мина продолжила: – Так или иначе, Юлия не возражает против вашего вмешательства в расследование. Что касается платы за ваши услуги, боюсь, она будет скромной. Зато вы получите возможность участвовать в действительно нужном деле.

– Более нужном, чем кривляние на сцене перед публикой, вы имеете в виду? – Винсент отодвинул от себя фотографии. – Вы путаете фантазии и действительность. Все мои трюки не всерьез, и мне жаль, что вы зря проделали этот путь. Но вы должны понять одну вещь. Я – шоумен, как я уже сказал. Я развлекаю народ. «Менталист» – вымышлен-

ный персонаж, не более того. То, что я делаю на сцене, там и остается. Со стороны может показаться, что я обладаю какими-то уникальными способностями, но на самом деле это может развить в себе каждый. Вы говорите о профиле преступника, убийцы к тому же. Но я ничего не знаю об убийцах. Повторюсь, что этим должны заниматься специалисты. Люди, которые, как вы выразились, «участвуют в действительно нужном деле».

Он избегал встречаться с ней взглядом, и Мина совсем не рассчитывала на такой поворот. Она ожидала чего угодно – того, что он сошлется на нехватку времени или на более важные дела. Она подготовилась к тому, чтобы поиграть на его профессиональной гордости, и никак не ожидала, что он станет лгать ей в лицо.

– Я все поняла. – Мина поднялась со стула.

Пришло время пустить в ход новую стратегию.

– Выходит, я ошиблась. Неудивительно, ведь вы были так убедительны на сцене... Прошу прощения. Я оплачу счет, и не будем больше об этом. Похоже, я оставила его на барной стойке возле сконцев...

– Они из Хельсинборга, – поправил Винсент, возвращаясь к гамбургеру. – Участники конференции по противопожарной безопасности. И я не стал бы мешать им, будь на вашем месте. Высокая женщина спиной к нам только что заговорила с мужчиной. В кои веки ей не приходится изгибать спину, чтобы собеседник не чувствовал себя слишком малень-

ким рядом с ней. Жаль только, что именно этот мужчина женат. Некоторые полагают, что для перехода в разряд холостяков достаточно снять кольцо. Никогда не понимал их логики. Женатого мужчину видно за сотню миль – по множеству разных признаков. Но эти двое не хотят, чтобы их разоблачили, и ей, похоже, это нужно не меньше.

Мина, как могла, сдерживала улыбку. Винсент словно не вполне осознавал, о чем только что говорил.

– И потом, счет нам больше не нужен. Я давно его оплатил.

– Сколько ступенек отделяют сцену от зеленой комнаты в театре Евле? – быстро спросила Мина.

Он сразу посерьезнел.

– Восемь. Но почему вы об этом спрашиваете?

– Их семь. Если не ступать на одну дважды.

Менталист разинул рот. Эта особа из полиции становилась все более интересной. Винсент не привык к тому, что люди разгадывают его секреты. Мина села, уже не скрывая улыбки.

– Профессиональный прием, не более того. – Она снова придвинула ему фотографии.

– Хорошо, вы победили, – отозвался Винсент. – Пока, во всяком случае.

Верхний снимок в кипе съехал в сторону, и глазам Винсента открылось нечто более интересное. Мина не успела его остановить.

– Черт... – Лицо менталиста исказила гримаса.

– Именно так.

Он сощурил глаза, словно стараясь привыкнуть к тому, что увидел.

– А это что? – Ткнул пальцем в предмет в пластиковом пакете рядом с телом.

– Часы жертвы. Стекло разбито. Стрелки показывают три часа, и смерть, похоже, наступила именно в это время. То есть в три пополудни...

Винсент замотал головой:

– Нет, не часы, вот это...

Он показал на линии на бедрах жертвы, как раз под тем местом, куда вошел клинок. Две длинные линии пересекались с короткими, образуя узор, похожий на лестницу. Как казалось Мине, по крайней мере.

– Порезы, – ответила она, – ножевые, похоже. Возможно, таким образом преступник рассчитывал терроризировать жертву. В предвкушении того, что должно было последовать за этим.

– Но с какой стати такая точность? – удивился Винсент. – И это настолько не согласуется с тем, как он искромсал ее потом... Не думаю, что это ради лишних мучений. Эти линии – символ.

– Символ чего?

– Ну... этот образ имеет символическое значение во многих религиях. В Библии, к примеру, где Иаков поднимается на небо по лестнице. Фрейд связывал лестницу непосред-

ственно с половым актом. Только не спрашивайте меня, как именно. Хотя... думаю, здесь все проще.

Винсент повернул снимок на девяносто градусов и продолжал разглядывать «лестницу» в новом, горизонтальном положении. А Мина поймала себя на том, что больше не видит ступенек. Теперь линии образовывали римскую цифру «три».

Повисла пауза. Голоса из бара перебивали мысли.

Молчание нарушил Винсент:

– Не хотел об этом спрашивать, но...

Мина кивнула.

– Догадываюсь, о чем вы подумали. Если есть третий номер, то где первый и второй?

* * *

С утра голова работала плохо. Слепящий солнечный луч, прилегающая к коже мягкая поверхность простыни и слабое послевкусие снотворного – вот и все, что обычно воспринимал Винсент в эти первые секунды между сном и пробуждением. Блаженный вакуум и полная невозможность локализовать себя в какой-либо точке вселенной. Ощущение пространства, времени – это приходило позже.

Действительность вторгалась в его сознание постепенно. Звон фарфоровой посуды из кухни. Птица, защebetавшая, вопреки зиме, в домике, который соорудила для нее Мария.

Голос сына Астона, то высокий, то низкий, так легко меняющий радостные интонации на гневные.

Винсент сел, откинув одеяло. Медленно, начиная с левой, опустил ноги на пол. Потом надел брюки и вчерашнюю рубашку, которую до того хотел бросить в стирку, хоть и носил всего один вечер. Верхнюю пуговицу проигнорировал, застегнулся на оставшиеся шесть. Так оно и должно быть. Он никогда не понимал, зачем на рубашки нашивают семь пуговиц. Похоже, эту модель разрабатывал психопат.

Когда Винсент вышел на кухню, там уже собрались все, кроме Ребекки.

– Иди пригласи к завтраку свою любимую доченьку, – сказала Мария, не глядя на мужа.

Как Винсент ни пытался, не мог вспомнить, когда слова, которые они говорили друг другу, не были нагружены таким множеством дополнительных смыслов и намеков. Ссоры, бытовые неурядицы и вечная подозрительность незаметно разрушили то, что некогда действительно было. Но когда именно это случилось, теперь установить невозможно.

Мария нарезала яблоки для Астона, озлобленно мешавшего ложкой йогурт. Зеленый чай в ее чашке давно остыл. Сонный Бенъямин сосредоточенно чистил яйцо, второе лежало перед ним на тарелке. Две тарелки – одна для яиц, другая для скорлупы.

Винсент постучался в комнату Ребекки.

– Ребекка? Выходи, завтрак накрыт.

Он сделал это, хотя заранее знал, каков будет ответ.

– Я не голодна, – послышался голос из-за двери.

– Тебе надо поесть. Выходи...

Уже сев за стол, Винсент услышал, как открылась дверь за его спиной, а потом со стуком закрылась. Бенъямин поднял глаза в направлении комнаты сестры, но ничего не сказал.

– Мама-а-а! – захныкал Астон. – Это слишком большие куски.

И оттолкнул от себя чашку с такой силой, что немного йогурта пролилось на стол.

– Но это не так, дорогой, кусочки такие же, как обычно. Сам посмотри...

Мария пальцем выудила из йогурта кусочек яблока. Она глядела на Астона сердито, но тот неожиданно рассмеялся:

– Йогурт не едят пальцами, мама. Это заняло бы слишком много времени.

– Но они и в самом деле слишком большие, – заметил Винсент, заглянув в чашку.

Он взял нож и принялся мельчить липкие кусочки яблока. Покосился на жену – та все еще злилась, облизывая палец. Винсент долго думал, что ему на это сказать. С Марией все зависело от того, насколько она в данный момент вменяема. Что успела подключить, приемник или передатчик. Иногда у Винсента получалось угадать, иногда нет.

– Чай стынет. – Винсент кивнул на чашку Марии.

Ответом ему был испепеляющий взгляд. Очевидно, сего-

дня угадать не получилось.

– Пусть мама режет. – Астон хлопнул ладонью по столу. – У нее кусочки красивее.

– Ты уже не маленький и сам можешь нарезать себе яблоко, – ответил сыну Винсент. – И тогда кусочки получатся такие, какие ты хочешь.

– Готовить завтрак – это ваша обязанность, – напомнил Астон.

– Уф, какой же ты еще малыш... – Ребекка плюхнулась на стул, демонстративно сложив руки на груди.

– Сама ты малыш! – закричал Астон, побагровев лицом. – Сама малыш!

– Мне пятнадцать, а тебе восемь, я почти вдвое старше тебя, – возразила Ребекка. – Поэтому малыш ты.

– Не-е-ет!

Астон сделал движение подняться, но Мария положила руку ему на плечо.

– Ребекка и вправду старше тебя, – сказала она, – но это означает только, что яблоки она нарезает себе сама. Она вообще все должна делать сама, а ты пока нет.

– Кто вообще ест яблоки на завтрак? – фыркнула Ребекка. – Верный гастрит.

Винсент покосился на плод раздора. Девятнадцать кусочков. Если каждый уполовинить, будет тридцать восемь. Сделать нечетное четным – такое всегда было ему по душе. Винсент понимал толк в символах. Когда бесформенному полу-

чается придать цельность, это вселяет надежду. Винсент любил свою семью, но ему трудно было жить в хаосе.

И еще он любил порядок – структуру, четные числа.

– Ешь, зануда...

Винсент подвинул чашку Астону, который еще некоторое время как будто раздумывал, что ему еще такого сказать про кусочки яблока. Но поскольку он не знал, кто такой «зануда», решил на этом успокоиться. Ограничился тем, что сердито посмотрел на отца и приступил к еде.

– Возьми хотя бы бутерброд, – уговаривала Мария Ребекку. – Или йогурт. Что угодно – тебе надо поесть.

– У мамы мне совсем не обязательно завтракать, – возразила Ребекка. – И сама она ест не раньше двенадцати, если ест вообще. Организм должен отдыхать от переваривания пищи. Наши тела не созданы для того, чтобы так много есть. В каменном веке люди ели время от времени, иногда сутками обходились без пищи.

– Это слова твоей матери, не твои. И мы живем не в каменном веке. Винсент, скажи ей...

– Но Ребекка права. – Винсент налил себе кофе. – Наши тела и в самом деле плохо приспособлены под современные пищевые привычки, и последние исследования показали, что...

Мария резко встала и взяла блюдо со своим любимым бутербродом – авокадо на ломтике ржаного хлеба, – густо присыпанный кокосовой стружкой. Цена – как за килограмм

золота, зато какой противовоспалительный эффект! А в глазах Марии – так и вообще источник вечной жизни.

– Неужели так трудно хотя бы раз встать на мою сторону? – возмутилась она. – Ребекка должна есть – о чем здесь спорить? Она растет, ее тело только формируется. У девочек ее возраста от нехватки питательных веществ прекращаются месячные.

– Черт возьми, – выругался Беньямин. – Вы можете не говорить о месячных, когда я ем?

– Тебе девятнадцать лет, Беньямин, – напомнил Винсент. – Пора перестать быть таким брезгливым. В конце концов, речь идет о естественных жидкостях организма...

Беньямин глянул на отца, поднялся, взял оставшееся яйцо в руку и удалился в свою комнату, качая головой.

– У тебя ЛСД, папа, – сухо констатировала Ребекка.

– Запомни раз и навсегда, – возвысил голос Винсент, – эта болезнь называется а-эс-дэ... иначе говоря, высокофункциональный аутизм... понятно?

Проигнорировав их спор, Мария продолжала гнуть свою линию:

– Ты все время ссылаешься на свою маму. Но, Ребекка, ты должна понять, что в каждой семье приняты свои правила. И то, что вы делаете дома с Ульрикой, совсем не обязательно повторять здесь, у нас.

– Конечно, тетя Мария.

Ребекка тоже встала, захватив кусок хлеба из корзинки

на столе, с торжествующим видом пронесла его мимо «тети Марии», проследовала в свою комнату и хлопнула дверью.

– Отлично. Спасибо, мама! Теперь мы пойдем кормить едошек. – Астон быстро задвинул стул и побежал в гостиную к аквариуму.

– Евдошек! – крикнул ему вслед Винсент. – Рыба называется «американская евдошка».

– Я знаю! – отозвался Астон, щедро рассыпая корм по поверхности воды в аквариуме. – Они такие классные, эти едошки!

Потом взял айпэд, лежавший на зарядке на кухонном диванчике, и удалился к себе.

– Пять минут, Астон! – крикнул ему вслед Винсент. – Потом мы отправляемся в школу!

Мария прислонилась к кухонному диванчику и сложила руки на груди – точь-в-точь, как это только что делала Ребекка.

– Она назвала меня тетей только для того, чтобы позлить, – вздохнула она.

Винсент посмотрел на жену с недоумением:

– Но ты и есть ее тетя. Ты ведь сестра ее матери, если я не ошибаюсь? Ребекка правильно тебя назвала. Как ты можешь на это сердиться?

Винсент никогда не понимал, зачем некоторые люди тратят столько энергии на опровержение объективных фактов. Он потянулся за кусочком ржаного хлеба и старательно раз-

мазал по нему масло. Никаких комков, особенно по краям.

– Дело, конечно, не в этом, – продолжала Мария. – Неужели ты действительно ничего не понимаешь? Боже мой, за какого робота я вышла... Нет, ты говоришь так мне назло.

Винсент наморщил лоб. Он и в самом деле хотел понять, но реакция Марии оставалась для него непостижимой. Факты – это факты. Насколько эмоционально человек их воспринимает – другой вопрос, но отворачиваться от фактов как таковых – последнее дело.

– Кстати, с кем это ты обедал позавчера? – снова послышался голос Марии. – Неужели с Ульрикой?

Винсент повернул к ней удивленное лицо. Он только что откусил от бутерброда и должен был прожевать, прежде чем ответить. Десять движений жевательными мышцами. Он чуть было не сделал одиннадцатое, но вовремя спохватился.

– С какой стати я должен обедать с бывшей женой? – спросил он.

– Я видела счет из ресторана в мобильном банке и нашла чек в твоем кошельке. Ты кого-то приглашал в ресторан в Евле. А потом вернулся с ней в отель, да? У вас был секс?

Голос Марии сорвался на фальцет. Винсент выругался про себя. Он должен был это предвидеть. Мария ревновала его – в последнее время все чаще и совершенно необоснованно. Это тоже разрушало их брак, точнее, то, что от него осталось.

– Это была женщина из полиции, – ответил он. – Она при-

ехала в Евле, чтобы обсудить со мной убийство, которое рас-
следует.

– Убийство...

– Да. Дело в том, что это связано...

Мария подняла руку, останавливая его:

– Объяснишься позже. Астону пора в школу.

– Но...

Она развернулась и направилась к комнате сына.

– Астон! А ну быстро! Оставь в покое подушку, вы выхо-
дите через пять минут.

И удалилась в направлении спальни.

Винсент озадаченно смотрел на бутерброд. Мина – жен-
щина из полиции – не шла у него из головы. Где-то в глу-
бине души Винсент надеялся, что она объявится. Он разгла-
дил ножом масло, потому что после первого укуса по краю
бутерброда образовались «бортики». Шесть кусочков – это
хорошо. Но теперь их оставалось пять, и это нравилось Вин-
сенту гораздо меньше.

За недолгое время их знакомства Мина продемонстриро-
вала уникальную способность видеть его насквозь. Винсент
делал то же, что и всегда, – разыгрывал перед ней Велико-
го Артиста. Он привык к этой маске, до сих пор защищав-
шей его от журналистов, и не только. Как правило, им это-
го хватало. Все они ожидали увидеть его именно таким, по-
этому проблем не возникало. Но Мина заметила, как он счита-
л ступени на лестнице, как поправлял бутылки на полке,

чтобы этикетки смотрели в одну сторону. И заставила его высказаться насчет публики в баре. Одно это было гораздо больше, чем то, что знали о нем Мария или Ульрика. А ведь с каждой из них он прожил по многу лет.

Винсент откусил от бутерброда – один, два, три – и проглотил все, что осталось после третьего укуса.

Мина должна быть очень толковым полицейским. Она не просто внимательна. То, с какой легкостью она разоблачала его секреты, льстило Винсенту и одновременно пугало его. Но и он тоже кое-что в ней понял.

Последнее не было для него нормой, и Мария первой подписалась бы под этой истиной. Одно дело – читать мысли людей на сцене; в этой среде Винсент контролировал себя и других по всем нужным ему параметрам. Но в обычной жизни другие оставались для него тайной за семью печатями. Иногда Винсенту казалось, что в тот день, когда в школе раздавали инструменты социальной гибкости, он заболел. Поэтому и понадобилась эта маска Великого Артиста, который насквозь видит публику. Вне сцены Винсент не чувствовал в себе этой силы.

– Астон! – позвал он.

Сын вышел из комнаты с рассеянным видом и планшетом в руке. Похоже, он и в самом деле забыл о школе.

– Надевай куртку и обувайся. Мы уходим.

Винсент взял светло-серую кофту с капюшоном. Астон обнял мать, появившуюся в прихожей с рюкзаком в руке, и

она ответила ему поцелуем в щеку.

В том-то и дело, что Мина не была для Винсента загадкой. Не такой, по крайней мере, как другие люди. Он заметил ее привычки, – то, как она убирала волосы с лица правой рукой, как избегала открывать ему больше самого необходимого. В кармане ее куртки лежал кубик Рубика. И не какой-нибудь, а спидкуб, приспособленный для быстрого вращения.

Что и говорить, было бы интересно еще раз с ней встретиться. С другой стороны, Винсент надеялся, что Мина больше не объявится. Он не чувствовал особенного желания впутываться в расследование, почти гарантировавшее ему ночные кошмары. Мир Винсента и без того грозил в любой момент развалиться на куски, и незачем было населять его изуродованными женскими трупами.

* * *

Под струями обжигающе горячей воды кожа пошла красными пятнами, зато Мина сразу почувствовала себя чистой. Как будто окунулась в кипяток, уничтоживший на ее теле все микроорганизмы.

Теперь она была как белый холст без единого пятнышка – именно так это ощущалось. После душа Мина сразу почувствовала себя сильнее. В выходные она, бывало, часами стояла под струями, пока кожа не становилась красно-фиолетовой, как изюм. Но сегодня больше десяти минут не получи-

лось. Мысли в голове никак не давали успокоиться.

Винсент Вальдер. Мина все еще не была уверена в том, что нуждается в его услугах. Что такого, в самом деле, мог он добавить к тому, что умели их штатные психологи? Вся эта затея – чистое безумие, и это совсем не похоже на Мину. Не в ее обычае попусту тратить рабочее время и ресурсы. Плюс неприятные объяснения с коллегами. Но дело, так или иначе, сделано. Время покажет, на что годится этот менталист. Вообще, Винсент Вальдер – крепкий орешек. Мина не сомневалась, что тот Винсент, с которым она сидела в ресторане, – лишь малая часть настоящего. О, это человек с очень глубоким подтекстом... И его снисходительные намеки – последнее, что нужно Мине.

Соломинку он, конечно, заметил. Вопрос, что он заметил еще. С другой стороны, если он ничего не сказал, стоит ли озадачиваться его мыслями? Вот если б Винсент стал ее жалеть или проявлять сострадание, в том или ином его виде, как это делают другие, тогда Мина точно не приняла бы от него помощи и Юлии пришлось бы искать кого-нибудь другого.

Мина выключила кран, осторожно шагнула из ванны и тщательно вытерлась. Полотенце было выстирано при девяноста градусах, с порошком и отбеливателем, и пахло чистой, как и ее кожа. Это ненадолго тем не менее. В квартире ощущение стерильности сохранялось круглые сутки, но стоило Мине выйти на улицу, как город укутывал ее своим

грязным покрывалом.

Мина оделась и только после этого вышла из ванной. Белый бюстгальтер, майка, джинсы, черные носки. Трусы, как всегда, новые. Те, что были на Мине до душа, она выбросила. Стирать их – не лучшая идея. Никакие моющие средства не вернут свежесть ношенным трусам. Мина знала место, где можно было задешево купить обыкновенные хлопковые трусы, и брала их большими партиями. С некоторых пор эта статья расходов вошла у нее в разряд необходимых.

Сегодня Мина встала рано, так что в ее распоряжении оставался еще целый час. В желудке заурчало. Мина выдвинула ящик и посмотрела на упаковку тонких одноразовых перчаток. Так ли они ей нужны? В конце концов, никто еще не умер от того, что взял голыми руками упаковку йогурта. Мина знала это, но одна мысль о том, чтобы вот так, не имея на себе никакой защиты, открыть холодильник с продуктами, заставляла желудок болезненно сжиматься.

Мина вздохнула и осторожно, чтобы не порвать, натянула пару перчаток. Коллеги в отделении одно время смеялись над ее странностями, пока на Рождество все, кроме нее, не слегли с гастроэнтеритом. Тогда настала очередь Мины смеяться.

Мина быстро оценила возможные варианты и остановилась на ванильном творожке. Осмотрела упаковку и, убедившись, что та не повреждена, осторожно открыла. Потом достала чистую ложку, вымыла, взяла с посудного столика бу-

тылочку медицинского спирта, капнула на ложку и осторожно растерла. При этом представляла себе, как дезинфицирующее средство убивает вирусы и бактерии – отвратительные микроскопические микроорганизмы, которые так стремятся проникнуть в ее тело.

В этом нет никакой необходимости. Ты чистая, только что вымылась под душем.

Возможно. Но как можно быть уверенной, что бактерий больше не осталось, если ложка не продезинфицирована как следует? В конце концов, Мина сунет ее в рот.

Последняя мысль заставила ее еще раз схватить бутылочку со спиртом.

Ну нет. Это уже паранойя. Немедленно поставь бутылку на место. Ложка чистая.

Но на это Мина не находила в себе сил. В очередной раз открывая пластиковую бутылочку, почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Она должна была это сделать. Долго терла ложку, рискуя оставить в ней дыру.

Сев за стол, Мина еще некоторое время смотрела на пластиковый стаканчик с творогом. Она старалась не думать ни о всех тех, через чьи руки он прошел, ни о миллиардах различных микросуществ, которыми кишели эти руки. Уверяла себя, что на фабрике с гигиеной не менее строго, чем у нее в квартире, – и все-таки не решалась. Но не могла же она ничего не есть.

Брезгливо морщась, Мина зачерпнула ложкой творог и

поднесла ко рту. Сначала ощутила на языке дезинфицирующее средство и только потом вкус творога. Съев все, почувствовала себя героиней. Каждый прием пищи оборачивался для Мины маленькой победой над собой. Выбросив упаковку, она вскипятила кофе. С ним оказалось проще, Мина сама не поняла почему. Хотя чашку все-таки протерла.

Оставалось еще полчаса, и Мина приступила к утренней уборке.

Это не было манией – предусмотрительность, и не более того. Она не убиралась со вчерашнего дня. Из шкафчика под посудным столиком достала большое ведро со всем необходимым. Жидкость для помывки окон, мыло, каустическая сода, универсальный порошок, гель для кухни, для посуды, спиртосодержащий для дезинфекции, «утенок» для туалета. А также множество тряпок, губок, щеток, салфеток из микрофибры, «ежиков» и вантузов – одноразовых, конечно, потому что все, кроме моющих средств, выбрасывалось после каждой уборки и тоже закупалось в известном Мине месте по оптовой цене большими партиями. В маленькой комнате, задуманной как кабинет, но служившей складом, виселись пирамиды картонных ящиков с щетками и губками.

Покончив с уборкой, Мина почувствовала, что вспотела. Понюхала у себя под мышками – и тут же пожалела об этом. До выхода десять минут. Юлия просила ее как можно скорее представить Винсента группе. Мина собиралась подождать еще один день, но менталисту не терпелось принять оконча-

тельное решение – с ними он или нет. Мина надеялась, что он все-таки согласится им помочь. Винсент пробудил ее любопытство, несмотря ни на что. Она взглянула на часы. Времени впритык – быстро принять душ и переодеться.

* * *

– То есть я могу выбрать что захочу?

Стеффо Тёрнквист тыкал пальцем в то, что лежало перед ним.

Винсент кивнул и замигал на свет яркой лампы в студии утренних новостей четвертого канала. Пора привыкнуть, он здесь не впервые. Тем не менее каждый раз они умудряются направить луч прямо ему в глаза.

Винсент откинулся на спинку стула и как будто расслабился. Попытался забыть о снимках, которые Мина показывала ему на прошлой неделе. С тех пор они не общались. Не исключено, что она давно отказалась от этой затеи. Винсент сделал все возможное, чтобы убедить эту женщину в том, что он не тот, кто ей нужен. Слишком большая ответственность. Не говоря о том, что он до сих пор мучился вопросом, каким способом она собирает этот чертов кубик.

Фокус, Винсент.

Ты должен быть здесь и сейчас. В конце концов, это прямая трансляция.

– Выбирайте что хотите, – ответил он Стеффо, – но делай-

те это не раздумывая. И попытайтесь сформулировать свои чувства.

Стеффо смотрел на стол. Там лежали автомобильные ключи Йенни, булочка, позаимствованная Винсентом с завтрака, который накрыли для гостей студии, мобильник Стеффо и потертый кожаный бумажник Винсента, украшенный портретом Че Гевары.

– Тогда это. – Стеффо взял бумажник. – Я чувствую... в общем, это то, что мне понравилось.

– Бумажник, значит... – медленно проговорил Винсент. – И вы действовали по собственной воле?

– Именно так. – Стеффо рассмеялся. – В здравом уме и твердой памяти.

– Но, скажем, вот эта булочка, – вмешалась Йенни и моргнула в камеру, – чертовски аппетитно выглядит, вы не согласны?

– Что ж, вольному воля. – Винсент криво улыбнулся и кивнул на бумажку на столе.

– Вслух, пожалуйста, – попросила Йенни.

Но Стеффо отдал бумажку ей, и Йенни сама зачитала текст хорошо поставленным дикторским голосом:

– «Мои действия определяются двумя факторами – моими собственными предпочтениями и системой ценностей и влияниями окружающих. Все вместе это означает, что я выберу кошелек с вероятностью девяносто процентов, даже если сам не понимаю почему».

Йенни перевела взгляд на Стеффо, который выглядел сильно раздраженным. Винсент отпил воды. Йенни снова повернулась к камере, за которой качал головой удивленный оператор.

– Для тех, кто еще не выключил телевизор, повторяю, что Винсент Вальдер снова в студии четвертого канала, чтобы объяснить, как работают наши мозги и, возможно, еще больше их запутать.

Винсент посмотрел на монитор рядом с камерой. Красные цифры продолжали вести обратный отсчет. 04:14 – на все про все четыре минуты. 414 – четвертая, первая и снова четвертая буквы в алфавите; образуют слово DAD. То есть «папа». Наверное, ему не следовало привозить Астона на прямой эфир, но восьмилетний сын так обрадовался при виде булочек и бутылок с апельсиновым соком в комнате для отдыха... Главное теперь – не опоздать в школу.

– То есть, – неуверенно начал Стеффо, – звучит так, как будто я не осознаю мотивов собственных действий. Но как я могу не осознавать собственные предпочтения и систему ценностей?

Судя по голосу, он был возмущен до глубины души. Винсент пережил секунду замешательства, прежде чем мысли вернулись в нужное русло.

– Вы не полностью их осознаёте, в том все и дело, – объяснил он. – Сильное потрясение в детстве, психическая травма могут и спустя много лет заставить человека вести себя

определенным образом. Вы сами не будете это осознавать, но ваше поведение в определенной ситуации будет предсказуемо почти на сто процентов.

– Неужели все так просто? – удивилась Йенни. – То есть если в детстве я упала с велосипеда, буду ненавидеть велосипеды всю жизнь?

– На тебя, во всяком случае, это похоже. Я имею в виду порчу мебели в студии и то, как ты совсем недавно чуть не устроила здесь пожар.

Йенни холодно посмотрела на Стеффо. Он намекал на то, как она недавно пыталась поджарить сырные палочки в прямом эфире, а они загорелись. Эпизод имел широкое хождение в социальных сетях.

– Не уверен насчет велосипеда, – ответил Винсент, – но если на вас наедет синяя «Ауди», вы будете долго испытывать стресс при виде синих машин. Если, конечно, вообще останетесь живы. Хотя... совсем не обязательно, чтобы все было настолько драматично. Главное – пережить сильный эмоциональный всплеск. Эмоции...

Еще минута. Нужно поторопиться.

Фокус, Винсент, фокус...

– Это примерно то, что я пережил в «Давайте танцевать», – оживился Стеффо. – Черт, как там было весело! Вот где сильные эмоции. Помню как сейчас...

– О, только не это... – Йенни закатила глаза.

А Винсент понял, что Стеффо приблизился к нужной точ-

ке.

– Очень может быть, что здесь и кроется разгадка, – объявил он. – Сильные положительные впечатления в сочетании с событиями вашего прошлого. Эти воспоминания вызывают у вас приятные ощущения, поэтому вы и возвращаетесь к ним снова и снова. Помните, что было на вас в тот день, Стеффо?

– Очень даже хорошо помню. Белая куртка с капюшом... – Он замолчал и испуганно уставился на Винсента: – Но... вы ведь не всерьез, да?

– Что такое? – Йенни повернулась к нему. – В чем дело? Часы на мониторе показывали 00:10. Еще десять секунд, и начнется реклама. Винсент уложился почти идеально.

– Белая куртка с портретом Че Гевары. – Стеффо озадаченно мял в руке бумажник, на котором оператор увеличил изображение знаменитого революционера.

– Неужели все так просто? – продолжала удивляться Йенни.

Винсент улыбнулся:

– Иногда.

Трансляция была прервана из-за рекламы спустя секунду после того, как он перевел глаза на камеру. Что бы там ни говорили, а с прямыми эфирами у него всегда полный порядок.

Винсент положил руку на плечо Стеффо:

– Спасибо за участие. Бумажник можете оставить себе.

И вышел из студии первым. За спиной участники программы оживленно обсуждали эфир. Винсент надеялся, что Астон оставил для них хотя бы половину булочки. На пути к комнате отдыха включил мобильник и посмотрел не принятые за время эфира звонки. Их было три, и все от Мины.

* * *

Мина спустилась по узкой лестнице в короткий коридор с зеркалом на стене над туалетным столиком. Коридор заканчивался комнатой с двумя диванами, столом, на котором стояли блюдо с фруктами и вазочка с конфетами, и стеклянным холодильником, до отказа набитым бутылками с газированной водой.

– В прошлый раз вы говорили, что сюда нет хода посторонним, – напомнила она.

– Для тех, кого я не знаю, – да, – ответил Винсент. – В любом случае это не распространяется на блюстителей закона.

Мина огляделась.

– Довольно уютно, – заметила она. – Я представляла себе это иначе – застарелый запах пива, обшарпанные стены с газетными коллажами...

Честно говоря, поначалу Мине не понравилось его предложение встретиться за кулисами «Риваля», где у Винсента было выступление. При ней были пара латексных перчаток и салфетка, чтобы расстелить на стуле, перед тем как сесть.

– Бывает и такое, – ответил Винсент. – «Риваль» – лучшая площадка в городе, вы должны быть довольны. Кроме того, под сценой идеальная звукоизоляция. Здесь нас никто не может слышать.

Он был прав. Помещение и в самом деле выглядело чистым и недавно отремонтированным. Мина вздохнула и опустилась на один из диванов. Судя по поведению пружин, она была первой, кто его использовал. То есть никаких взъерошенных поклонниц с барабанщиком группы в обнимку и бутылкой пива в другой руке. А значит, салфетку для сидения можно не доставать.

– Спасибо, что согласились со мной встретиться, – продолжала Мина. – Что вы решили с нашим предложением? Завтра утром я могла бы представить вас нашей группе. Расскажите ваши идеи насчет порезов на бедре жертвы. Это очень интересно.

Винсент удивленно смотрел на гостью:

– Но... разве вы этого сами не увидели?

– Мы... как вам сказать... искали другое. Прежде всего хотели идентифицировать ее и найти хоть какой-то подход к преступнику. И в этом, как я уже говорила в Евле, мы не слишком далеко продвинулись. Но то, что порезы на теле жертвы могут иметь символическое значение, для нас из области фантастики.

Винсент вздохнул. На лицо набежала тень, как будто он вдруг закрылся от собеседницы.

– Повторюсь, я не профессионал... Из области фантастики, вы сказали? Хм... В таком случае вы правы. Мои услуги вам не нужны. Угощайтесь...

Он подвинул ей вазочку с конфетами. Мине понравилось, что все они были в бумажных обертках. Значит, оставались защищены, даже если в вазочке рылась чужая грязная рука. Мина задалась вопросом, специально ли Винсент подобрал такие конфеты. Успел ли разглядеть эту ее особенность? Если да, оставалось ждать, когда начнутся неприятные намеки. Большинство людей, ступив на эту дорожку, не могли остановиться. Но Мина надеялась, что Винсент – не большинство.

С другой стороны, ей было неприятно, что малознакомый человек читает ее, как открытую книгу. На дне вазочки лежала «Думикола» – ее любимая конфета. Жаль, что так далеко. Прежде чем до нее добраться, Мина успела перебрать слишком много конфет в обертках, которых касались чужие грязные руки. Она посмотрела на «Думиколу» и покачала головой, отказываясь от угощения.

– Думаю, вы все-таки не ошибаетесь насчет порезов. Поэтому я и хотела, чтобы вы рассказали об этом остальным. Я считаю, что вы правы. Мы должны были сами увидеть эту цифру. Но мы ее не увидели, и поэтому нам нужна ваша помощь.

– С удовольствием, если смогу хоть чем-то быть вам полезен, – ответил Винсент. – Но, боюсь, я неэффективен в

группе. Просто чтобы вы знали.

А кто эффективен? Группа – это всего лишь чужие люди, которые думают, что знают тебя, только потому, что ты работаешь с ними в одном месте. Мина никогда не понимала, почему в таких коллективах принято грузить людей рассказами о поездках на выходные и сколько зубов появилось у ребенка во рту. Как будто это кому-то интересно.

– Значит, завтра в девять утра в отделении полиции. – Мина встала. – Встретимся у главного входа. А теперь возвращаю вас публике. Она, похоже, в нетерпении.

Винсент возвел глаза к потолку и в следующий момент снова превратился в «мастера-менталиста».

– У меня для вас сюрприз, – сказал он. – Вот здесь...

Затем исполненным загадочности движением фокусника достал из холодильника бумажный пакет и протянул Мине.

«Думикола» – полная непечатая коробка.

– Увидимся завтра. – И он кивнул.

* * *

Отделение полиции на Кунгсхольмене, на Польшемсгатан, легко было узнать по большим гербовым щитам на воротах. День выдался сырой и туманный, серое небо вот-вот грозило разразиться осадками – мокрым снегом, на лету переходящим в дождь. Похлопывая себя руками, чтобы хоть как-то согреться, Винсент присматривался к людям, входившим

и выходявшим из стеклянной двери, но Мины среди них не было. Март явно не его месяц. Плюс неприятное ощущение, как будто бабочка бьется крыльями о стенки желудка, – нарастающее разочарование из-за грозившей сорваться встречи. Похоже, менталиста здесь и в самом деле не очень ждали.

Наконец она появилась – в красном пуловере. Винсент не мог не обратить внимания на то, как одета Мина, – вызывающе и в то же время сдержанно. Разумеется, он отдавал себе отчет, что красный автоматически запускает секрецию адреналина, – у Винсента, как и у всех остальных представителей рода человеческого на протяжении многих сотен тысяч лет. Потому что это цвет крови. И наши лица краснеют в гневе. Чем больше адреналина в теле, тем больше шансов убежать.

– Все искала, куда вы запропастились... – Она улыбнулась. – Почему стоите на улице? Уж не надумали ли дать задний ход?

– И такая мысль тоже приходила мне в голову.

Мина озорно взглянула на него, и Винсент почувствовал хороший всплеск кортизола, гормона стресса, вкупе с дофамином, «веществом радости». Все это способствовало секреции серотонина и заставляло тем самым мозг крутиться на полную катушку. Но и уровень тестостерона поднялся процентов на сорок. Типичный коктейль гормонов в ситуации, когда встречаются два человека. Вступают, так сказать, в химическую реакцию, даже если на расстоянии. Никто в ученом мире не может найти объяснение этому явлению, при

этом все уверены, что именно так все и происходит. Винсент задался вопросом, чувствовала ли Мина то же самое. По правде говоря, он с самого начала не рассматривал побег в качестве одного из возможных вариантов. Для этого Мина была ему слишком интересна.

– Вы тысячу раз выступали перед незнакомыми людьми, – сказала она. – В принципе здесь то же самое. Пойдемте.

* * *

Винсент с любопытством оглядывался, когда Мина вела его по коридорам здания полиции. Все выглядело в точности так, как он и ожидал увидеть, – строго, даже казарменно. Маленькие кабинеты, до потолка заваленные бумагами, полки с длинными рядами папок. Открытые офисные ландшафты, разделенные перегородками на рабочие места, и повсюду чашки с полицейскими логотипами. Они подошли к стеклянной двери, изнутри задрапированной шторой, и Мина остановилась.

– Ну что? Готовы войти в клетку со львами?

Это обычное выступление – не более того. Ему не о чем беспокоиться. Если что и вызывает тревогу, так это красный пуловер Мины. И способствует еще большим выбросам кортизола в кровь.

Винсент не мог не заметить, что и она нервничает, и попытался угадать, чем это вызвано. Сомневалась ли Мина в

правильности своей идеи относительно Винсента или же до сих пор не вполне ясно представляла себе его роль и потому не знала, как объясниться с коллегами? Вполне понятное беспокойство. Только им обоим нервничать ни к чему. Винсент стал подыскивать слова, чтобы ее успокоить.

– Мне все равно, перед кем выступать, здесь вы были правы, – сказал он. – Это групповая динамика – не более. Устоявшиеся группы всегда реагируют на введение нового элемента. Фрейд был одним из тех, кто уделял много внимания изучению психологии группы. Он ввел понятие «групповой души» – разновидности коллективного сознания. Идея в том, что группа в целом склонна действовать иначе, чем каждый из ее участников по отдельности.

Мина посмотрела на него с удивлением:

– Зачем вы мне это рассказываете?

– Ну... я тоже практикую его групповую психологию в своих шоу. Подход к большой аудитории совершенно иной, чем к отдельному человеку. Разные реакции, разные модели поведения – и я должен учитывать этот фактор, чтобы управлять публикой. В значительной части я опираюсь на теорию поля Курта Левина. В основе ее лежит положение о трех полевых параметрах. Первый – энергия, то есть то, что, если можно так выразиться, причиняет и мотивирует действия. Второй – напряжение, которое определяется разницей двух состояний – желаемого и исходного. Наконец, третий – физическая или психическая потребность, вызывающая внут-

ренное напряжение.

Не отрывая глаз от Винсента, Мина покачала головой. Он видел, что ее нервозность прошла. Переключение внимания – один из простейших трюков из имевшихся в его арсенале. Как правило, это срабатывало. Причем в обоих направлениях, в чем Винсент давно успел убедиться. Вот и на этот раз его волнение улеглось. Не совсем, но заметно.

– Расскажите о вашей группе, – попросил Винсент. – Я имею в виду структуру, организацию и тому подобное.

– Все это не так важно, – коротко ответила Мина. – Структура полицейских учреждений сложная, и эта тема займет у нас слишком много времени. Вообще, преимущество нашей группы и состоит в том, что на нас не распространяется обычная иерархия. Но окончательное решение остается за Юлией, и это все, что вы должны знать.

Мина открыла дверь, и оба переступили порог. Три пары глаз уставились на вошедших. Их должно было быть четыре, но один мужчина из находящихся в комнате спал.

– Всем привет. Это Винсент Вальдер. Юлия уже рассказала вам, что он приглашен в качестве консультанта по некоторым касающимся расследования вопросам.

Тишина, изнутри нарушаемая негромким храпом. Спать на работе, да еще и во время совещания? Винсент подыскивал возможные объяснения этому феномену. Нарколепсия – вот первое, что приходило в голову. Или же мужчина недавно стал папой. Последнее статистически более вероят-

но. Пятно рвоты на плече спящего также свидетельствовало в пользу этой версии.

– Добрый день, – поздоровался Винсент. – Меня зовут Винсент, как уже сказала Мина. Я менталист, то есть моя профессия связана с изучением возможностей манипуляции человеческой психикой и поведением. Но я не психолог и не психотерапевт и использую эти знания главным образом для развлечения публики.

Мужчина с сединой в волосах презрительно фыркнул.

Он неплохо выглядел, но в его серьезном взгляде чувствовалось отчаяние по поводу надвигающейся старости. При этом он, безусловно, знал себе цену. Рубашка, расстегнутая на одну лишнюю пуговицу, тоже кое о чем говорила. Красные высыпания на видимой части груди свидетельствовали о недавно сделанном вощении. Винсенту пришло в голову, что он, пожалуй, из тех, кто любит подкреплять раздутое самомнение победами на любовном фронте. Такому не нужно спрашивать разрешения, чтобы получить то, что хочется. Подтверждение тому – развитая *pectoralis major*, большая грудная мышца. Забавно, что грудь – то, что привлекает женщин в мужчинах и мужчин в женщинах, но по разным причинам. Большая женская грудь говорит о хороших возможностях вскармливания потомства, а большая мужская – о физической силе. При условии, конечно, что это не пустышка, накачанная стероидами.

– Простите, – прервала его мысли Мина. – Я не предста-

вила коллег. – Она начала с мужчины с завышенной самооценкой: – Это Рубен Хёк. Далее – Кристер Бенгтсон, наш старейшина...

– Ну, не такой уж я и старый, – пробурчал Кристер.

Винсент про себя улыбнулся. Очевидно, для Кристера стакан был наполовину пуст.

Винсент не знал точно, какие разочарования формируют жизненные воззрения престарелого полицейского, но подозревал нечто вроде самоисполняющегося пророчества. И нет кольца на пальце, то есть живет, скорее всего, один. Полнота и затрудненное дыхание указывали на нездоровую пищу и малоподвижный образ жизни. Другими словами, домашнего любимца, которого нужно выгуливать, тоже нет. Типографская краска на кончиках пальцев – значит, все еще читает бумажные газеты. Винсент был готов поспорить на любую сумму, что у Кристера дома хранится непригодный к использованию бакелитовый телефон с диском.

– Кто-нибудь, разбудите Педера.

Винсент не услышал в голосе Мины ни раздражения, ни недовольства. Похоже, Педер был всеобщим любимцем, а значит, с известной долей вероятности, симпатичной личностью. Иначе ему не позволили бы спать во время рабочего совещания, сколько бы детей у него ни было.

– Педер, проснись! – Рубен потряс его за плечо.

– Что? Кто?

– Вот. – Мина поставила перед Педером банку энергети-

ческого напитка и встретила его благодарный взгляд. – Это и есть наш Педер Йенсен.

Она не смогла сдержать улыбки.

– Я не датчанин, – на удивление бодро отозвался Педер, словно оправдываясь. – Датчанин – мой папа, а я вырос в Брумме.

Он излучал приветливость и открытость, но прежде всего – усталость.

– У Педера и его жены три месяца назад родилась тройня, – пояснила Мина.

Тройня? Винсент присвистнул. Неудивительно, что парень спал на работе.

– Ну и, наконец, я, – сказала женщина, сидевшая во главе стола, – Юлия Хаммарстен. Я руковожу расследованиями в этой разношерстной группе. Не только руковожу, но и принимаю в них непосредственное участие. Как и все остальные – вне зависимости от ранга. С этим у нас проще, чем где бы то ни было.

Юлия сделала жест в сторону коллег:

– Все мы вышли из разных полицейских подразделений. Эта группа – эксперимент в прямом смысле. Она создана по инициативе моего отца, начальника Стокгольмской полиции, о котором Мина, наверное, уже успела вам рассказать. Цель – сделать более гибкой связь между отдельными полицейскими структурами. Поэтому от нашей эффективности многое зависит. Можем запросто исчезнуть, если не оправ-

даем надежд. Нас просто прикроют.

Голос Юлии дрогнул, и она опустила глаза.

Хорошо контролируемый язык тела свидетельствовал о непроницаемой стене вокруг всего, связанного с личной жизнью. Плюс окружавшая Юлию аура безнадежности. Ее как будто тяготило что-то, что постоянно занимало ее мысли. Винсент был почти уверен, что к эксперименту с группой это не имеет никакого отношения. Большинство людей даже если и следят за выражением своего лица, забывают о его верхней части. Поэтому скрытые эмоции, чувства легко вычитать, взглянув на лоб, брови или даже веки. Но Юлия контролировала все лицо, что сильно затрудняло аналитическую работу. Кроме мелькнувшей у Винсента слабой догадки о пережитом болезненном расставании с кем-то, кто был ей близок.

Винсент заметил, что тишина стала напряженной, как будто все ждали его слова, и прокашлялся.

– Я догадывался об этом, когда шел сюда, – ответил он на последние слова Юлии, – и надеюсь, что мои специфические знания и навыки могут пригодиться в вашей работе. Поначалу я очень в этом сомневался, но потом нам с Миной удалось прийти кое к каким... выводам.

Тут Винсент и Мина переглянулись, и она кивнула.

– Предлагаю сделать небольшую разминку, – сказала Юлия, – а потом продолжим. Всем нам нужно взбодриться. Педер, глотни «Ред Булла».

Суставы Кристера затрещали, когда он поднимался со стула. Рубен в коридоре боксировал с невидимым противником, что со стороны смотрелось забавно. Педер припал к специально купленной для него банке энергетического напитка. Полевая теория Курта Левина торжествовала. Винсент снова почувствовал внутреннюю напряженность, связанную с желанием привлечь внимание Мины. По правде говоря, он очень хотел ей понравиться.

Разминка закончилась, и все вернулись на свои места. Рубен нетерпеливо барабанил пальцами по столу. Судя по всему, он не был в восторге от этой идеи Юлии. Внешний консультант, да еще с непонятной профессией... Смешно. Сейчас этот менталист стоял у доски рядом с Миной и пытался что-то изобразить. Делал вид, что он – один из них.

Руководство право. Этот эксперимент пора сворачивать, раз уж дело дошло до фокусов. Вот что значит работать с женщинами. Кто будет следующим – какой-нибудь медиум? Или, может, цыганка с колодой Таро подскажет им, кто убийца? Смешно.

– Я видел вас по телевизору, – обратился Педер к Винсенту. – То, что вы делаете, впечатляет.

– Я тоже узнал вас, – подхватил Кристер более мрачным тоном. – Прошу прощения, но разве вы не фокусник? И разве у нас нет штатного психолога-криминалиста?

– Я менталист, – поправил Винсент. – А что касается психолога, я что-то слышал о случае с греком средних лет...

Тут Юлия откашлялась, а Педер засмеялся:

– Да, что и говорить, Ян дал маху.

– Хочу подчеркнуть еще раз, что я не маг и не фокусник, хотя по-своему тоже иллюзионист, – повторил Винсент. – Я занимался этим в молодости и имею кое-какой опыт, но... манипуляции с игральными картами – вот, пожалуй, и все, на что я способен сегодня из области фокусов. Теперь меня больше интересуют психологические процессы, определяющие поведение людей.

– Винсент не просто знает механизмы поведения людей, – подхватила Мина. – Он замечает закономерности, шаблоны.

Она сложила руки на груди, всем своим видом выражая готовность в любой момент ринуться в бой. Рубен выглядел особенно раздраженным. Мина провоцировала его всеми возможными способами. Во-первых, она в отличие от других женщин в упор не замечала его мужского шарма, что самому Рубену казалось верхом легкомыслия. Никогда прежде он не сталкивался ни с чем подобным. Рубен нравился всем женщинам, вне зависимости от возраста, культурной принадлежности, внешности, жизненного опыта и политических убеждений. И только одна Мина оставалась к нему равнодушна. Не то чтобы она имела что-то против Рубена, просто для нее он ничем не отличался от остальных. Что в понимании Рубена было гораздо хуже.

Поначалу он пытался ее соблазнить всеми мыслимыми способами. Но ни одна уловка из его богатого арсенала

не сработала. Нравилась ли ему Мина? Строго говоря, она вообще была не в его вкусе. Скорее, Рубена раздражало, что Мина указывала на границы его возможностей. Страсть охотника – вот что им двигало. Или рыбака. Секс как таковой был менее интересен. Пока дело доходило до него, Рубен нередко уставал и переключался на другую женщину. При возможности выбора предпочитал пышных блондинок. Но, соблазнив жертву, Рубен всегда доводил дело до логического конца. Это был вопрос чести. Он никогда не понимал тех, кто ловит рыбу только затем, чтобы потом снова отпустить ее в море. Это противоречит самой природе рыбалки.

Так или иначе, Мина оставалась к нему холодна.

Но сегодня она умудрилась разозлить Рубена еще больше. Сейчас Мина стояла у доски, что-то писала и крепила магнитами какие-то снимки. В темно-синих джинсах, красном пуловере, из-под которого выглядывал кусочек белого бюстгальтера, с волосами, убранными в «хвост» и зачесанными так гладко, что ни одна волосинка не торчала и не выбивалась. На чистом лице, как всегда, ни грамма косметики. Идеальность образа нарушали только красные, потрескавшиеся руки, которые Мина слишком часто протирала алкоголем. Пузырек всегда стоял у нее на столе.

Рубен задался вопросом, что скрывается под этой аккуратной оболочкой. Он был мастер угадывать марку белья по внешнему виду женщины. Так что там? Дорогуший комплект жемчужного цвета от «Ла Перла»? Или красный, с

кружевами от «Викториас секрет» – по цене, можно сказать, эконом-класса, но уж точно не в ущерб сексуальности. А может, там черные стринги или что-то из тех штучек с отверстием в деликатном месте, какие продаются онлайн на порнографических сайтах?

Рубен вздохнул. Вне сомнений, Мина носила обыкновенные хлопковые трусы.

– Уже когда я вводила Винсента в курс дела, он успел разглядеть кое-какие детали, которые мы упустили.

Мина замолчала и повернулась к Винсенту, который сделал шаг вперед по направлению к публике.

– Это касается фотографий, – пояснил он. – Я только сказал, что порезы на теле жертвы могут значить больше, чем кажется. Думаю, преступник начертал таким образом римскую цифру «три».

– Цифру? – удивился Кристер.

Рубен громко фыркнул, и Мина повернулась к нему:

– Что скажешь, Рубен?

Ледяной тон и изогнутая дугой бровь. Чертова зазнайка! Рубен притворился, что не понял ее.

– О чем? – переспросил он.

Вышло, пожалуй, даже слишком агрессивно. Юлия посмотрела на него с укором. Педер заинтересованно перегнулся через стол, а Кристер пробормотал что-то невнятное, почесывая в седеющих волосах.

– Винсент увидел в порезах на теле жертвы римскую

«три». Каково твое профессиональное мнение на этот счет?

Рубен всплеснул руками – вот чушь так чушь! – и шумно вздохнул.

– Слишком надуманно, – ответил он. – Когда вы слышите за окном стук копыт, то представляете себе лошадь, а не зебру. Преступник вошел во вкус и нарезал лишнего – сколько раз мы с этим уже сталкивались? Не понимаю, почему в данном случае нужно искать какие-то другие объяснения.

Винсент подался вперед и соединил руки кончиками пальцев. Рубен не мог взять в толк, откуда такая самоуверенность. Его тело буквально чесалось от раздражения. Неужели Мина на это поведется? Женщины... он никогда их не понимал.

– В том все и дело, что здесь прослеживается точное следование сценарию, – объяснила она. – С самого начала. Некто хорошо потрудился, сделав копию ящика, какие используют иллюзионисты, и повторил классический трюк – во всех деталях, исключая благополучную концовку. Мы говорим о потраченном времени. О тщательном планировании действий. Наконец, о выдержке, терпении. Разве это похоже на «вошел во вкус и нарезал лишнего»?

Рубен пожал плечами:

– Ну... может, не совсем...

– Непохоже, чтобы это получилось у него случайно, – подтвердила Юлия и подошла к доске.

«Ла Перла», белый комплект», – мелькнуло в голове у Ру-

бена. И на этот раз он не угадывал. Рубен видел нижнее белье Юлии после рождественской вечеринки в полицейском отделении пять лет тому назад. Тогда она набралась в стельку и совокупилась с ним, как животное в своей берлоге. Все произошло задолго до того, как она познакомилась с этой ходячей вешалкой, со своим Торкелем, который, поди, и не знает ничего, кроме миссионерской позы. В те дни у Юлии были месячные, поэтому наутро постель напоминала поле битвы. Сама она успела улизнуть к тому времени, как Рубен проснулся. Да... такие вот вещи случаются с полицейскими на праздники. И то, что Юлия стала его шефом, несколько смущало Рубена.

Правда, никто из них с тех пор и словом ни помянул тот случай. Да и Торкель не представлял собой никакой угрозы. Рубен не был влюблен в Юлию, и все-таки... ему почему-то было приятно осознавать, что ее муж тоже был на том празднике.

Мина отступила в сторону, давая Юлии место у доски. Юлия задела ее локтем, и Рубен заметил, как исказилось лицо Мины, словно по ее телу пробежал электрический разряд.

– Линии порезов строго симметричны, – заметила Юлия. – Совершенно очевидно, что это не случайность. Но совсем не обязательно видеть в этом цифру. Мы ведь не знаем контекста.

Юлия повернулась к Педеру и Кристеру. Педер устало кивнул.

– А что известно о месте, где ее нашли? – спросила Юлия.

Тишина. Рубен бросил ручку, так что та упала прямо перед Педером, и тот вздрогнул.

– Что такое? – Он заспанно оглядел коллег.

– Место, где нашли тело, – повторила для него Мина. –

Что мы знаем о нем, что говорят криминалисты?

Педер встряхнулся, как мокрая собака, и потянулся к папке, которая лежала перед ним на столе.

– Ее нашли неподалеку от входа в парк «Грёна Лунд»³, но это не похоже на место преступления. Слишком мало крови. Ее убили где-то в другом месте и уже потом перевезли туда ящик.

– Свидетели есть? – спросил Винсент.

– Там почти нет жилых домов, но мы поговорили с сотрудниками музея «АББА» и ближайшего ресторана. Никто ничего не видел.

– А что нам известно о жертве?

Кристер мрачно покачал головой, что само по себе ничего не значило: к любому делу он всегда приступал с мрачным видом.

– Ничего. Мы проверили всех подходящих по возрасту женщин, которые на сегодняшний день объявлены пропавшими без вести. Ни единого совпадения. Есть опасность, что о ее пропаже вообще никто не заявит, и в этом случае у нас вряд ли получится ее идентифицировать. Блондинка тридцать

³ «Грёна Лунд» – парк развлечений в Стокгольме.

цати с небольшим – что это за приметы?

– Будем искать тем не менее, – вздохнула Юлия с безнадежной иронией. – Не сдаваться же сразу только потому, что у нее нет характерной родинки на подбородке.

Кристер вздрогнул, но покорно пожал плечами, и Юлия повернулась к группе. Она сделала движение в сторону Мины, и Рубен заметил, как та попятилась, словно из опасения столкнуться с Юлией еще раз. Он задался вопросом, как Мина занимается сексом. Или проблема решается без постороннего вмешательства, при помощи какой-нибудь стерильной бактерицидной штуки? А может, заставляет парня предварительно вымыться в каустической соде? Надеть такой хрустящий комбинезон, в каких ходят медики, но с маленькой дырочкой спереди... Рубен громко фыркнул – и осекся под строгим взглядом Юлии.

Он выпрямился на столе, но в воображении продолжал видеть Мину в объятиях любовника в пластиковом комбинезоне. По какой-то непонятной причине у парня было лицо Винсента.

– Кристер, ты будешь заниматься установлением личности жертвы. Педер с лупой пройдет по бумагам криминалистов. Тебе не нужно объяснять, что нам важна малейшая деталь. – Юлия повернулась к Винсенту: – Педер – виртуоз работы с бумагами. В считанные часы просматривает списки, которые у любого другого из нас отняли бы недели времени. И ничего при этом не пропускает.

Педер слегка покраснел, но, похоже, остался доволен комплиментом.

– Рубен... – начала Юлия, но тот перебил ее:

– Я возьму на себя ящик.

– Именно. Нас интересует информация о материалах, производителях, конструкции – все, что может дать нам хоть какую-нибудь подсказку о том, кто мог его купить или сделать. Насчет мечей тоже выясни... и прекрати на меня пялиться.

Рубен поднял глаза к потолку и лукаво улыбнулся. «Ла Перла»...

– Поговоришь с судмедэкспертами, Мина, – продолжила Юлия. – Что они думают насчет порезов и всего остального. Я уже обсуждала с экспертом трещины на ее часах. Ну а вы, Винсент, попытаетесь дать нам профиль преступника.

– «Попытаетесь» – правильное слово, – заметил Винсент. – Я, как уже говорил, не имею специального образования. Только некоторый опыт, совершенно из другой сферы, который иногда позволяет мне делать верные наблюдения.

– В любом случае мы будем признательны, если вы дадите нам хоть какую-нибудь зацепку.

Итак, она всерьез решила взять менталиста в работу. Допустить к секретным полицейским базам, что уже слишком. Чаша терпения Рубена переполнилась.

– Ну всё, хватит, – сказал он. – Парень – шоумен, его работа – развлекать публику. А мы полицейские. Неужели бу-

дем его слушать?

Все притихли и разом повернулись к Рубену. Нависшую тишину можно было резать ножом.

– У нас остается совсем немного времени, прежде чем об этом узнает пресса, – сдерживая возмущение, проговорила Юлия. – И мы должны испробовать все возможные способы...

Рубен снова всплеснул руками. «Сдаюсь, – вот что это могло означать на этот раз. – Так оно бывает, когда всем управляет женщина».

– В таком случае, – объявил он, вставая, – я отправляюсь в лабораторию судмедэкспертизы. Вот только заскочу в магазин магического инвентаря за хрустальным шаром.

* * *

После того как мужчины покинули комнату, Мина и Юлия встали у доски с фотографиями. Одного взгляда на них было достаточно, чтобы Мина почувствовала себя грязной. Алкоголь для рук она забыла на столе.

– И что будет дальше, как ты думаешь? – спросила Юлия.

– Не знаю, – ответила Мина, не отрывая взгляда от фотографий. – Встретили его, во всяком случае, без оваций.

Она потерла предплечье, чтобы удалить омертвевшую кожу, которая, конечно, там уже была, учитывая время суток.

– Но ты и вправду думаешь, что он сможет составить про-

филь? Похоже, он сам не слишком в этом уверен.

Мина пожала плечами:

– Я думаю, что этот человек видит вещи, которые до сих пор проходили мимо нашего внимания. И потом, разве у нас есть выбор? Если, конечно, мы не хотим снова гоняться за греками средних лет. Что касается меня, я дала бы ему шанс. Я хочу работать с Винсентом. Нам нужна соломинка, за которую можно было бы уцепиться, и он вполне подходит на эту роль.

– В таком случае ты должна быть уверена в нем на сто процентов. Сама видишь, сколько среди нас скептиков, которых придется переубедить. Я, конечно, не о Педере. Но Рубен и Кристер, похоже, не едут в этом поезде с нами. Рубена и во-все нет на платформе.

Юлия ушла, оставив ее в одиночестве. Мина вздохнула. Совещание вылилось в катастрофу – трудно было увидеть в этом нечто иное. Даже если Винсенту и доверили составить профиль преступника, коллеги вряд ли станут его слушать. Но Мина не была настроена так просто от него отступить. Во время совещания Винсент вел себя слишком сдержанно и никому ничего не пытался доказать. Но ведь до того он сам говорил ей о групповой динамике и о том, что прежде всего ставит перед собой задачу найти в ней свое место. Жаль, что из этого мало что получилось...

Это Рубен все испортил. Можно ли так предвзято судить о человеке? Уже после встречи в «Ривале» Мина решила,

что будет работать с менталистом, но, похоже, ее решения не имели силы в стенах консервативного полицейского заведения.

Снимки на доске. Взгляд сам собой переходил от одного к другому. Пронзенное мечами окровавленное тело внутри ящика. Белые трусы, майка. Мина не хотела этого видеть. Один из мечей пронзил голову женщины со стороны затылка и вышел через глаз. Классический трюк, только в исполнении безумца.

Квибилле, 1982 год

Яне потерлась туфлей о камень, соскребая глину. Как же она это ненавидит!.. Идея переехать в деревню принадлежала не ей, так почему Яне должна страдать?

– Иди сюда, Яне! – позвал младший брат. – Мы не начнем резать торт без тебя.

Мама уже сидела на лужайке. Как всегда, в платье, которое сшила сама.

А ведь когда-то она их покупала. Сегодня мама, по крайней мере, выбрала одно из самых красивых, с леопардом. Уму непостижимо, где она только умудрилась раздобыть такую ткань. Мама проявляла невероятные способности, когда дело касалось тканей. Шикарное платье, пусть даже домашнего пошива. Если б еще не босые ноги... На голове веноч по случаю дня рождения. Яне вздохнула, стараясь игнорировать замечания брата.

Ей скоро шестнадцать, и половина жизни прошла в этой глуши. Они с мамой прибыли сюда первыми. Летом 1974 года мама уволилась с работы, и Яне пришлось оставить своих стокгольмских подруг только потому, что ее хипповая мама нашла себе компанию на хуторе неподалеку от Квибилле – небольшом халландском⁴ поселке, о котором знать никто не

⁴ Халланд – провинция в Швеции.

знал бы, если б не большая сырная фабрика.

С сыра начинались достопримечательности Квибилле, им же они и заканчивались.

Но Яне жила даже не в самом Квибилле, а в его окрестностях, где не могла ни надеть, ни обуть ничего приличного, потому что повсюду была глина. Она взглянула на туфли – белые подошвы уже не спасти. Как же она все-таки все это ненавидит...

Яне вошла в дом, сняла туфли и, вздохнув, сунула ноги в большие резиновые сапоги. Если мама решила здесь остаться, это ее дело, а у Яне своя жизнь. Она спустилась на лужайку, к маме и брату. И задала свой обычный вопрос:

– Когда мы переедем, мама?

– И тебе доброе утро, детка! – Мама помахала рукой.

– Но ведь у Эрика получилось, – пробормотала Яне. – А мы чем хуже?

Эрик был один из маминых знакомых. Вот уж кто действительно появился ниоткуда... Но Эрик выдержал только полгода. Когда мама забеременела, жизнь на природе сразу ему опротивела. Он сбежал. Ходили слухи, что Эрик вообще не увольнялся из банка в Стокгольме, а просто взял отпуск на несколько месяцев. Другие говорили, что он работает дистрибьютором в какой-то фирме по продаже спортивных товаров. Мама с Яне не знали, чему верить. Мама не имела ни малейшего представления даже о его местонахождении.

– Ты же понимаешь, – сказала она, – как нелегко найти ра-

боту в деревне. Но здесь, по крайней мере, все дешево. И потом, старушка, ты прожила здесь почти столько же, сколько в городе. Ты просто все забыла и в своих фантазиях превратила город в сказку. Поверь мне, это не так. Здесь нам лучше, гораздо лучше, клянусь тебе. Но не будем больше об этом. Сейчас мы приступим к тортю, но сначала – сеанс белой магии.

Мама выглядела усталой, такой уж выдался день. Продолжать спор, портить ей настроение – не самая удачная идея.

– Это мой подарок ко дню твоего рождения, – объявил младший брат и начал представление.

На нем был плащ, который Яне сшила к его прошлому дню рождения и который теперь становился ему мал.

– Я тоже приготовила подарок, – сказала Яне и протянула маме маленький пакет. – Но для начала ты должна прочитать открытку.

В пакете был лист бумаги, весь исчерканный непонятными линиями и буквами. Мама повертела его в руке.

– Но как же я... – озадаченно пробормотала она.

Яне вздохнула. Как же ее бесило, когда люди отказывались даже попытаться...

– Это что-то вроде оригами, – подсказала она.

Мама посмотрела на нее с непониманием.

– О боже, значит, бумажный самолетик или... Ты хочешь, чтобы я его собрала? – Она рассмеялась. – Здорово придумано!

Мама старалась так, что даже высунула кончик языка. Она сгибала лист по линиям, но ничего не получалось. Яне напоролась бедром на сук под одеялом. Вот уже несколько минут она безуспешно пыталась нащупать более-менее удобное положение. Похоже, ей никогда не свыкнуться с этим хутором.

– Готово, – сказала мама. – Хотя... похоже, я все-таки слегка намудрила.

Она держала в руках скомканный лист бумаги с большой буквой «Ф» сверху. Все, включая маму, дружно расхохотались.

– Только так и могла сделать эта кошка, – заметил брат, имея в виду леопарда на мамином платье, чем еще больше рассмешил Яне.

– Ты же сама сказала «бумажный самолетик»... Пунктирными линиями вовнутрь, сплошными наружу, – объяснил брат.

Мама опять развернула бумажку и сложила заново, уже по его инструкции. В результате получился правильный шестиугольник с четко различимой надписью.

– «Наилучшие пожелания ко дню рождения, – прочитала мама. – Последнему в Квибилле».

– Так хочется на это надеяться, – подтвердила Яне, и мама закатила глаза.

– О'кей, сестренка, – сказал брат. – Теперь моя очередь.

Он вытащил откуда-то карточную колоду и с серьезным видом, как будто она была живым существом, помахал ею в

воздухе.

– Запомните этот день, восьмое июля, три часа пополудни, – объявил он полным драматизма голосом. – Потому что вы будете рассказывать о нем своим внукам.

– Ты хоть знаешь, откуда берутся внуки? – спросила Яне, загадочно улыбаясь.

– Возьми карту, – вместо ответа велел ей брат. – Запомни, снова вложи в колоду и перемешай. Только не говори нам, что это.

Он всегда выглядел счастливым, и эта его потрясающая способность казалась Яне вопиющей несправедливостью. Иногда это походило на одержимость. Но брат прожил на хуторе всю свою семилетнюю жизнь и просто не знал ничего другого. Выдумывал фокусы да столярничал в сарае – с чего тут быть недовольным?

Тем более что фокусы у него получались хорошо. И в том, что Яне почти всегда догадывалась, как он это делает, не было его вины. Яне с детства отличалась наблюдательностью. Ей всегда хорошо удавалось уловить в чьих-либо действиях логическую связь. Когда фокус заканчивался, она просто отматывала увиденное от конца к началу, как кинолентку. И при этом, конечно, не забывала изображать удивление.

Она взяла колоду, перемешала, посмотрела на карту и сунула ее обратно. Восьмерка треф. Сама не зная зачем, Яне отметила про себя, что теперь карта оказалась в колоде одиннадцатой или двенадцатой по счету.

– То есть я должна ее запомнить? – раздраженно переспросила она.

Ответом ей был мрачный взгляд. Младший брат придавал фокусам очень серьезное значение.

– Теперь ты, мама. – Он протянул колоду маме. – Перемешай и вытащи любую карту.

Мама сосредоточенно перемешала колоду и вытащила одну карту.

– Ты ведь выбрала первую попавшуюся? – спросил брат и посмотрел на маму так, будто хотел просканировать ее насквозь.

– Да. – Та уверенно кивнула и изогнула одну бровь, стараясь выглядеть серьезной. А Яне была готова лопнуть от смеха.

– Ну, что же... – Брат повернулся к Яне: – Не соблаговолит ли фрёкен открыть нам, какую карту она вытащила?

– За фрёкен ты еще получишь, – пробормотала Яне и громко вздохнула. – Я вытащила восьмерку треф.

– А что держит в руке достопочтенная фру?

Он повернулся к маме, и та показала карту.

Восьмерка треф.

– Черт... – Яне рассмеялась.

– Яне! – строго оборвала ее мама.

Похоже, на этот раз братец ее надул. Это было необычно, но Яне на него не обижалась. Она, может, и смогла бы понять, в чем тут дело, но не чувствовала ни малейшего жела-

ния напрягать мозги. Только не сегодня. Брат поклонился, и они с мамой бешено заплодировали. Каждый раз все заканчивалось именно так.

Все как и должно быть, но Яне чувствовала, что больше не выдержит. Что это лето должно все изменить. Она еще расскажет маме, что не останется здесь ни дня, когда закончатся каникулы. Что ее жизнь станет другой. И мама, конечно же, обо всем скоро узнает. Совсем скоро.

* * *

Винсент наклонился и еще раз пригляделся к шнурку на левом ботинке. Раньше он не был таким беспечным, но сегодня собраться с мыслями никак не получалось. Винсент снял с вешалки куртку.

– Думаешь, мне и в самом деле стоит сходить туда одной? – спросила из кухни Мария.

Она сидела за столом над книгой по методике социологических исследований.

Как ни зубрила Мария социологию, никак не могла перейти на ты с этой наукой. Только хваталась за голову – «надо же, я думала, это про людей...» Но на этот раз ее, похоже, заботило что-то другое. Винсент почувствовал, как в желудке растет холодный ком.

– Ты же знал, что через месяц папе семьдесят. Для «мастера-менталиста» ты на удивление невнимателен. Сейчас же

позвони Умберто и отмени шоу. До этого еще целый месяц, так что проблем, думаю, не возникнет.

Винсент повернулся и посмотрел на жену. Мария сжимала в руках чайную чашку – так, что побелели костяшки. Еще немного – и он успел бы выйти за дверь. Винсенту не хотелось снимать левый ботинок. Он совсем не был уверен, что у него получится завязать этот шнурок идеально. Он остановил взгляд на надписи на керамической чашке жены. «Блестящая киска»... Что-то у Марии сегодня с блеском не очень. Сидит, будто завернутая в грозовое облако. И гром скоро грянет.

– Ты же знаешь, что даты – это не по моей части, – начал он в надежде, что сегодня тот редкий день, когда Мария сможет удовлетвориться относительно простым объяснением, и в этом случае гроза пройдет мимо.

Но Мария сжала чашку так, что та едва не треснула.

– То есть ты хочешь сказать... – фраза оборвалась на полуслове, и голос Марии на некоторое время провалился в ледяное молчание, – ты хочешь сказать, что если б еще осенью, когда планировались эти гастроли, попросил своего агента не ставить шоу на этот день, он бы тебе отказал?

Винсент почувствовал на спине струйку пота.

В конце концов, это смешно. Он виртуозно владел риторическими приемами и мог аргументировать что угодно, поэтому давно утратил всякий интерес к словесным баталиям. И только Марии, с ее примитивной аналитикой, уже не в пер-

вый раз удавалось положить его на лопатки. Ни один из его трюков не срабатывал против ее неумолимой логики. С Ульрикой дело обстояло похожим образом.

Возможно, это было семейное. Кроме того, Мария права, и то, что Винсент ничего не мог сделать в уже сложившейся ситуации, совсем не означало, что ничего нельзя было сделать раньше.

– Скажешь хоть слово?

В грозовой туче что-то блеснуло, и Винсент понял, что пауза слишком затянулась.

– Похоже, я совсем забыл об этом, – сказал он. – Но получилось то, что получилось...

Это прозвучало, пожалуй, до неприличия беззаботно. Винсент вздохнул, наклонился, развязал почти идеальные «бантики» на шнурках и снял ботинки.

– То есть как это? – вспыхнула жена. – Получилось то, что получилось? Не понимаю, как ты можешь быть таким бесчувственным.

Ее голос сорвался на фальцет, и Винсент уже предчувствовал следующий шаг – слезы. Это было хуже, чем молния. Перед слезами Марии Винсент был безоружен. Он прошел на кухню и опустился на стул напротив нее.

Узоры на столешнице напоминали следы. Винсент провел по изящному завитку указательным пальцем. Он думал накрыть руку жены своей, с кольцом на безымянном пальце, но Мария вздрогнула от одного его прикосновения и положила

руки на колени. Винсент избегал встречаться с ней взглядом, зная, что увидит полные слез глаза, дрожащую нижнюю губу...

– Я не хотел быть бесчувственным, – ответил он, глядя в стол. – Но какой бы глупостью ни выглядела теперь моя забывчивость – и я признаю, что это была самая настоящая глупость, – теперь ничего не изменишь. Разумеется, я должен был отметить день семидесятилетия Лейфа в своем ежедневнике, но я этого не сделал. Однако теперь, к сожалению, нам придется исходить из того, что мы имеем.

Мария хлюпнула носом, отпила из чашки зеленого чая и поморщилась. Винсент никогда не понимал, зачем она литрами пьет эту гадость – каждый день, хотя ей это совсем не нравится. Но зеленый чай полезен, а здоровье – ее пунктик. Одно время Мария пыталась привить эту привычку ему и детям, но семья подняла бунт, поэтому эксперимент пришлось свернуть спустя два дня.

Винсент поднялся, подошел к кухонному шкафу и достал свою чашку – такую же, как у жены, только с другой надписью: «Боевой петушок». Он покачал головой. Ему нравилась упругая звукопись этой фразы, но буквы словно прыгали, отскакивая от невидимой горизонтальной черты. Неужели так трудно было выровнять их по линейке?

Содержание надписей тоже вызывало вопросы. Дети не особенно оценили эту шутку Марии, но все возражения наталкивались на железобетонные сентенции, что в сексуаль-

ном просторечье как таковом нет ничего плохого и нужно привыкать к этому.

Ее слова звучали как горькая ирония, особенно с учетом того, как неуютно чувствовала себя Мария в супружеской постели. К примеру, она могла заниматься сексом только с погашенной лампой и наглухо задернутыми гардинами. Так было не всегда, поэтому Винсент подозревал, что Марии неприятен секс именно с ним. И все-таки не верил, что она когда-нибудь решится произнести вслух то, что написано на ее чашке, если ей зададут такой вопрос.

Разумеется, все связанное с открытостью носило сугубо принципиальный характер. Винсент и не требовал от жены, чтобы она жила согласно своим воззрениям. Но она-то верила, что живет именно так, вот что его раздражало. Винсент еще помнил другие времена и другую Марию – потную и взъерошенную, извивающуюся под ним на этом самом столе, по которому он только что водил пальцем.

Винсенту вспомнилась Мина. Интересно, удалось ли полиции обнаружить отпечатки пальцев на ящичке? Возможно, что и нет... Надо будет спросить ее при следующей встрече.

– Ну и что нам теперь делать? – услышал он голос Марии. – С папиным днем рождения, я имею в виду.

Винсент встал, налил себе кофе и снова сел, мельком глянув на ее лицо. Он надеялся, что всплеск адреналина в крови Марии уляжется, прежде чем они продолжат разговор. Но ее лицо оставалось все таким же пунцовым от гнева, и слезы

все так же стояли в глазах.

– Даже не знаю, удастся ли Умберто что-нибудь сделать. Семьсот человек уже купили билеты на шоу. Я не могу подставлять их. Ты сама должна решить, как быть с юбилеем твоего папы. Пойдешь или нет – это твое дело.

Винсент глотнул кофе – страшно горячий.

– Как же я могу не идти? – удивилась Мария. – Что ты вообще обо мне думаешь? Как я могу пропустить семидесятилетие родного отца?

Ее голос сорвался. Винсент не знал, что на это ответить. Они должны были прийти к этому. Сама логика развития ситуации не допускала иных вариантов. Винсент не сможет пойти на юбилей ее отца. Мария будет там одна, с детьми... Что ж, развеется немного. Да и Астон любит дедушку. В конце концов, ничего не произойдет, даже если она останется дома.

Винсент почувствовал на себе пристальный взгляд жены.

– Ты же знаешь, во что обычно выливаются большие семейные праздники с моим участием, – добавил он, опережая ее возражения.

Затем согнул и разогнул пальцы ног. Эта тема вечно вызывала покалывания в суставах. Тем более что сам Винсент давно уже все для себя решил; так что ему за дело, если кто-то до сих пор не может сделать того же?

Тем не менее все начиналось по новой на каждом семейном обеде.

– Я не хочу, чтобы они думали, что у нас с тобой проблемы, – тихо сказала Мария.

Так вот в чем дело... Фасад – это для нее святое. Особенно в глазах родственников.

Винсент слишком хорошо помнил, какой беспрецедентный скандал разразился, когда он оставил Ульрику ради ее младшей сестры. Это было то, чего они никак не могли принять. Но со временем все так или иначе устаканилось. Тому миновало десять лет, и у родственников было достаточно времени, чтобы привыкнуть. Крайне нерационально и спустя десять лет придерживаться прежнего мнения на счет вещей, к которым не имеешь непосредственного отношения. Тем не менее Винсенту становилось все труднее поддерживать контакты с родственниками жены, скорее, поэтому он и позволил своему агенту назначить выступление на эту дату. Неловких ситуаций разумнее избегать – по возможности, конечно.

– Представляю, что вообразит Ульрика, – продолжала Мария. – Она давно ждет, когда же у нас с тобой начнутся проблемы. Когда ты бросишь меня ради другой или вернешься к ней. Она прямо так мне и сказала...

Винсент слышал это уже много раз.

– Ну и что? – перебил он жену. – Ульрика будет распоряжаться твоей жизнью настолько, насколько ты ей это позволишь.

– Но над тобой она ведь давно не имеет никакой власти,

ты сам не раз об этом говорил.

– Мария, у нас с твоей сестрой общие дети. Тем не менее я живу с тобой, а не с ней.

– У нас с тобой тоже ребенок.

– Это так, хотя иногда я сомневаюсь, осознает ли Астон, что у него есть папа. Думаю, он был бы не прочь жениться на тебе.

Мария улыбнулась одними уголками рта, но быстро вернула лицу прежнее мрачное выражение. «Боевой петушок» – тринадцать букв. Семь согласных и шесть гласных. В 1385 году норвежский король Олоф стал королем Швеции. Олоф, или Улоф – второе имя их с Ульрикой сына Беньямина. Чашка Винсента – «Боевой петушок» – 1385 – король Улоф – Беньямин – Винсент. Круг замкнулся. Винсент понял, что следующая ее реплика будет про Беньямина.

– Кстати, передай своей дочери, чтобы никогда не называла меня тетей. Ульрике очень нравится, когда она это делает.

Слезы в глазах Марии высохли, и теперь она выглядела скорее рассерженной, чем огорченной. Что ж, с этим уже можно было худо-бедно справиться.

– Обещаю поговорить с ней, – ответил Винсент, сунул мобильник в карман и поднялся со стула.

– Кстати, когда ты думаешь рассказать о той женщине из полиции? – вдруг вспомнила Мария.

– О какой женщине?

– Я знаю, что ты был в «Ривале» с какой-то женщиной.

– Да, я сам говорил тебе, что у меня деловая встреча.

– Не перебивай меня! – прошипела она.

Новая тема опять ее распалила.

– Ты меня не слушаешь, Винсент. Где ты, о чем думаешь?

Где вы встретитесь с ней в следующий раз и как у вас получилось в последний? Или диваны в «Ривале» недостаточно высокие, чтобы... Я, наверное, должна благодарить тебя за то, что ты до сих пор не привел ее сюда... Пока, во всяком случае...

Винсент закрыл лицо ладонями и попытался успокоиться. Он помнил ее первые приступы ревности, это было нечто по-настоящему ужасное. Но Мария не была такой с самого начала. Ее ревность становилась все ожесточеннее по мере того, как их отношения ухудшались. Винсент приучал себя к этому, но переживал все так же сильно.

Ничего не помогало. Эти обвинения в супружеской измене залегали глубже, чем могли достать рациональные аргументы, и были обращены к чему-то самому сущностному, утробному. Винсент понимал, во всяком случае, что дело здесь не в нем, а в самой Марии. Как, впрочем, и всегда.

– Дорогая, – начал он, внимательно следя за дыханием и пытаясь нормализовать скакнувший адреналин, – мы, конечно, не будем вспоминать двадцатипятилетних юношей с твоего курса. Дело твое, но в последний раз мы с Миной встречались в отделении полиции. Я буду помогать ей... им, группе расследования. Но если ты будешь каждый раз устраивать

сцены, я просто не смогу работать. Что я тогда им скажу, как ты думаешь?

Мария посмотрела на мужа и шмыгнула носом.

– Я хочу телефон этой группы.

– О боже... Да, конечно... телефон... Но я сейчас спешу.

И мне жаль, что я не смогу быть на празднике в честь твоего отца. Я обязательно это как-нибудь компенсирую, даже если пока не знаю как.

Винсент поднялся и неуверенно погладил жену по щеке. На этот раз она его отпустила. Он вышел в прихожую, обулся и завязал шнурки на ботинках. Не так удачно в сравнении с прошлым разом, но сгодится. На покрытой снегом лужайке перед домом нагнулся и перевязал еще раз. Должен же хоть в чем-то быть порядок.

* * *

Мина ехала в такси в отделение судмедэкспертизы в Солъне, но не из здания полиции. Никто на работе не подозревал, что раз в неделю – или когда в том возникает необходимость – Мина ездит в клуб «АА», анонимных алкоголиков. Коллеги здесь ни при чем, тем более что Мина не алкоголик. Просто в ее жизни случился тяжелый период. Однажды она совершила ошибку, за которую до сих пор расплачивается. И это только ее дело.

Клуб располагался на Кунгсхольмене, в каких-нибудь пя-

тистах метрах от здания полиции. Именно поэтому Мина и решила заглянуть в «АА», вместо того чтобы... ехать в другое место, располагавшееся так же близко и выполнявшее в жизни Мины примерно ту же функцию. Если б Мина встретила кого-нибудь из коллег, сказала бы, что возвращается домой с работы.

Выйдя из машины на холод, она поплотней завернулась в пальто. Коллегам совсем не обязательно знать о Мине все. Ей всегда было трудно понять людей, которые доверяют друг другу свои тайны только потому, что работают вместе. Таким Мина быстро дала понять, что ее бессмысленно расспрашивать на любые темы, не имеющие отношения к работе.

Она вошла в здание судмедэкспертизы, надела защитный комбинезон и маску, остановилась перед прозекторской и осторожно постучала.

Мильда Юрт даже не оглянулась в ее сторону. Мина приблизилась и встала рядом с ней, глядя, как замороженная, на ящик на блестящем стерильном столе рядом с телом.

Сам ящик не был особенно стерильным. Кровь, волосы, мозг и другие вещества человеческого организма выделялись пятнами на светлой древесине. Сейчас им занимался мужчина чуть за пятьдесят, предположительно криминалист. Он что-то измерял, присматривался, делал записи, в то время как Мильда исследовала труп. Ящик тоже привезли в отделение судмедэкспертизы, потому что иначе из него пришлось бы извлекать тело, что трудно было сделать, не уни-

чтожив при этом улики.

– Я прослежу, чтобы ее доставили в Линчёпинг, – сказала Мина.

– Спасибо, – ответила Мильда, не отрывая глаз от трупа.

Криминалист вышел, и в комнате остались Мильда с Миной и ассистент Локе – заторможенный молодой человек, с которым Мина за все время своих посещений прозекторской не перекинулась ни единым словом.

– Все-таки это ужас, – тихо воскликнула Мильда. – Не так просто оказалось извлечь ее из ящика. Тело так и застыло в сидячем положении. Вы все еще не знаете, кто она?

– Пока нет, но мы работаем. В крайнем случае разместим объявления в газетах. В самом крайнем, я имею в виду...

– Понимаю.

Мильда оглянулась на ящик. Мина обошла его, внимательно осматривая со всех сторон.

– Ты когда-нибудь видела что-нибудь подобное? – спросила она.

– Я много чего видела, – ответила Мильда, – но это что-то новенькое, должна признаться. Твой коллега Рубен уже был здесь.

– И что говорят криминалисты?

– Что они могут сказать? Ящик в форме куба изготовлен из фанеры, с использованием клея и гвоздей. Некоторые особенности конструкции указывают на то, что изначально он был задуман несколько иначе. Мне это ни о чем не говорит.

Небольшие прорези в стенках соответствуют ширине и толщине мечей, то есть орудиям убийства.

Мильда кивнула на другой стол, с мечами в прозрачных пластиковых футлярах. Мина долго и внимательно их разглядывала. Все мечи выглядели одинаково – металлические, с длинными клинками, на которых сохранились следы крови, и рукоятками с защитными насадками, предотвращающими скольжение руки по лезвию.

Мина сфотографировала их на мобильник. Потом подошла к ящику и сделала несколько снимков с разных ракурсов.

– Думаю, нужна большая физическая сила, чтобы пронзить ими тело, – сказала она.

Мильда кивнула:

– Мечи, конечно, очень острые. Тем не менее, чтобы пронзить ими тело и попасть в отверстия на противоположной стенке... да, думаю, здесь нужны сила и точность.

– И больше никаких странностей ты не видишь? Ну, такого, чтобы бросалось в глаза, я имею в виду.

– Мое дело – трупы, – ответила Мильда. – Насчет ящика расспросишь криминалистов, после того как его обследуют в Линчэпинге. Или присмотришься сама, может, что и увидишь. Думаю, он еще постоит здесь, пока его не заберут.

Мина кивнула и оглядела комнату. Стерильность ощущалась до мурашек на коже. Минимум необходимой мебели и никаких завалов. Запах дезинфицирующих средств щекотал

ноздри. Мина хотела бы жить в такой комнате. Вечное напряжение снялось само собой, по телу разлилось расслабляющее тепло. Неужели именно это ощущают люди, когда так легкомысленно гуляют по грязным улицам?

Мина открыла в телефоне только что сделанные снимки. Уж лучше так, чем вглядываться в пластиковую оболочку. Любую деталь можно увеличить.

– А что это за знаки? – спросила она.

– Знаки? – удивилась Мильда.

– Ну, или как это назвать... Вот, посмотри на рукоятках мечей...

Мильда подошла к столу с мечами и склонилась над пластиковыми футлярами. Тела на другом столе Мина предпочла бы не видеть, но краем глаза следила за тем, что с ними делал ассистент Локе.

– Похоже, ты права, – согласилась Мильда. – На рукоятке действительно какой-то знак. Но я не имею ни малейшего понятия о том, что это может быть.

– И никакой гипотезы?

– Нет, я же сказала. Моя работа – мертвые тела, не мертвые предметы. Дождись результатов экспертизы из Линчэ-пинга.

Мина еще несколько раз щелкнула камерой.

– Позвонишь мне, когда прояснится еще что-нибудь?

– Разумеется.

– Столько здесь простоит этот ящик?

– Думаю, еще несколько часов. Пока не подъедут те, кто заберет его отсюда.

Мина кивнула.

Мильда хорошо делала свое дело. Тут Мине пришло в голову, что и Рубен, которому поручили собрать информацию о ящике, тоже очень толковый полицейский. Его почти фотографическая память не раз выручала группу. Но он, как и Мильда, мыслил в определенных рамках. Для них ящик с мечами был не более чем орудием убийства. Один Винсент мог рассказать о другой стороне проблемы, хотя за все время совещания они не задали ему ни единого вопроса на эту тему. И в том, что касалось ящика, Мина больше полагалась на экспертизу Винсента, чем на то, к чему в принципе мог прийти Рубен.

А значит, пусть думают что угодно, но она приведет менталиста в эту комнату, прежде чем ящик отправят в Линчепинг.

Мина глубоко вздохнула, взялась за дверную ручку и вышла в коридор. Как ни хотелось ей навсегда остаться в этом безопасном, стерильном месте, а выбора не было. От грязи, так или иначе, не спрячешься.

* * *

Таксометр показывал 437 шведских крон.

– Простите, – обратился Винсент к водителю, – не могли

бы вы проехать еще несколько метров?

– Но я остановился как раз напротив подъезда, – проворчал тот.

– Да, и очень хорошо сделали. Спасибо. Но мне бы хотелось, чтобы вы проехали еще несколько метров.

Водитель, которого звали Юсеф, если верить таксистскому удостоверению на ветровом стекле, осуждающе покачал головой. Тем не менее прокатил машину еще на несколько метров вперед. Когда на таксометре высветилось три четверки, Винсент попросил его остановиться. Юсеф пожал плечами, покачал головой, но послушался.

– Вы клиент, и я сделаю все, о чем вы ни попросите. Так лучше?

– Просто замечательно, – ответил Винсент и расплатился.

Выходя из машины, он был вынужден сделать хороший шаг в сторону, чтобы не наступить в лужу, в которой остановилось такси.

За стеклянной входной дверью мелькнуло лицо Мины. Она быстро кивнула Винсенту и провела его в отделение судмедэкспертизы. Никаких рукопожатий – похоже, Мина забыла дома влажные салфетки.

– Спасибо, что так быстро подъехали, – сказала она.

– Конечно, как же иначе? – вежливо отозвался Винсент. – Где ящик? – Он с любопытством оглядел помещение, где был впервые. – И разве не Рубен должен им заниматься?

– Рубен здесь уже был. А ящик у Мильды, нашего суд-

медэксперта; криминалисты уже сделали первичный осмотр. Скоро его отправят в лабораторию в Линчэпинг для более подробной экспертизы, ну а пока у нас есть немного времени. Мне хотелось бы показать его вам, потому что только вы можете увидеть его, так сказать, в другой перспективе. Очень может быть, что это поможет вам составить профиль преступника.

– Не уверен, что вы не шутите, – ответил Винсент.

Они поднялись еще на несколько пролетов, и Винсент покосился на Мину. Что бы там ни было с этим ящиком, давно он не встречал такого интересного человека.

– Сюда.

Они пошли по длинному коридору. Винсент шел позади и наблюдал за темным «хвостом» Мины, прыгавшим у него перед глазами из стороны в сторону. Как будто тем самым она хотела его загипнотизировать.

Они свернули в раздевалку, где надели защитные костюмы, и направились к сверкающей чистотой прозекторской. Комната оставляла впечатление пустой, как обычно в фильмах, только в дальнем углу стоял ящик.

Винсент остановился. Давно он не видел ничего подобного. И в действительности это выглядело иначе, чем на фотографиях, которые показывала ему Мина. Будило воспоминания, которые, как до того думал Винсент, давно уснули непробудным сном. Хотя ему лучше, чем кому-либо, было известно о способности мозга хранить информацию. Ничто

не исчезает оттуда просто так. Все остается и только выживает момента, чтобы объявиться, когда меньше всего этого ждешь. И Винсент, конечно, знал об этом, только как будто не до конца верил.

– Он выглядит меньше, чем на снимках, – задумчиво заметил менталист. – Но это тоже часть иллюзии. Ящик должен казаться меньше, чем он есть на самом деле, чтобы зрители поверили в то, что ассистентка внутри не сможет уклониться от мечей. Что в нашем случае, конечно, не имеет никакого значения.

Ящик стоял на низком металлическом столике, и Винсент присел перед ним на корточки, чтобы лучше видеть.

– К нему можно прикасаться? – спросил он.

– Здесь все зависит от того, хотите ли вы, чтобы криминалисты обнаружили на нем ваши отпечатки, – ответила Мина.

– Веский аргумент, – сказал Винсент, отстраняясь от ящика. – Но для начала немного истории. Первым, кто выступил с этим номером, был полковник Стодаре, и произошло это в Египетском зале, в Лондоне, в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году. Еще год спустя он опубликовал секрет этого фокуса. Правда, в ранней версии вместо ящика была корзина... Черт, что такое нужно сделать с человеком, чтобы заставить его влезть туда?

– Вы не любите закрытых помещений?

– Можно сказать и так. Это у меня от матери. Одна мысль о замкнутом пространстве навеивает на меня кошмары.

Винсент сунул голову в ящик и осторожно, стараясь не дышать сквозь маску, осмотрел отверстия для мечей. Они были не там, где их делают обычно. Если хотят, чтобы ассистентка выжила, по крайней мере.

– Иногда номер заканчивался демонстрацией пустого ящика, – продолжал Винсент, – а потом ассистентка объявлялась среди публики, где ее меньше всего ожидали увидеть. Никогда этого не понимал.

Он боялся запаха – крови, пота, возможно, мочи. Но ничего этого не было. Только темные пятна на необработанной древесине.

– Я не поняла, это более сложный вариант трюка? – спросила Мина.

– Задумано, по-видимому, именно так. Но суть иллюзии в том, что ассистентка, которую пронзили мечами, выходит из ящика живой и невредимой. Если же ящик оказывается пустым, этот эффект тем самым уничтожается. Ее никогда не было в ящике, значит, и мечи не нужны. Правда, проделать нечто подобное с этим ящиком – ни малейшего шанса. – Винсент показал на заднюю стенку, где обычно находился потайной выход: – Отсюда просто невозможно выбраться.

Он поднялся, разминая ноги.

– Стоит ли так далеко заходить, – сказала Мина. – В конце концов, это всего лишь фокус.

– Именно, – согласился Винсент. – Всего лишь фокус, если не заходить так далеко. Что ж, любопытно было взгля-

нуть, даже если мне не все понятно... А мечи?

– Здесь. – Мина показала на прозрачные цилиндрические футляры на другом столе. – Они упакованы, чтобы кровь могла высохнуть. Глупо получилось бы, если б кто-то напоролся на них еще раз. Их тоже отправят в Линчэпинг на анализ ДНК и отпечатков пальцев. Результатов придется подождать.

– В Линчэпинг? – переспросил Винсент.

– Да, в национальную лабораторию судмедэкспертизы, – пояснила Мина.

– Разве что для порядка; не думаю, что эти мечи нам много дадут. – Винсент внимательно рассматривал меч сквозь прозрачный футляр. – Это «Кондор». Сначала я подумал, что обычный фальшион, у них одинаковые клинки... Но нет, такая чешуйчатая рукоять только у «Кондора». Взгляните сюда...

Он поднес пластиковый цилиндр к глазам Мины.

Она наклонилась, взгляделась и кивнула.

– Могу я спросить, откуда вы все это знаете? С трюками более-менее понятно, это ваша профессия. Но...

Винсент рассмеялся:

– В молодости увлекался ролевыми играми.

– Ролевыми играми?

– Да, была у нас команда, собирались и играли в Средневековье.

– О... С этим у вас должно было хорошо получаться.

Винсент рассмеялся, как будто не ожидал такого услышать. Смех прокатился эхом по стерильной комнате.

– Лучше, во всяком случае, чем с мечами из пластика. И потом, какая девушка не мечтает о храбром рыцаре?

– Все верно, я сама была свидетельницей вашей храбрости, – сказала Мина, чувствуя, что краснеет. – Ну, хорошо... то есть вы сказали, что это...

– Большой меч «Кондор», вес около двух кило. Клинок из стали, углеродистой стали 1075, если точнее. Сделан в Эквадоре. Рукоятка – древесина гикори и грецкого ореха...

– О'кей, вы не только ролевик, но и ходячая «Википедия». Но меня больше интересует, почему мечи нам много не дадут. Вы ведь так сказали?

Винсент взвесил футляр в руке, как бы оценивая вес меча, и положил на стол рядом с другими такими же пластиковыми цилиндрами.

– В нем нет ничего необычного, такой можно купить где угодно. Кроме новых, на рынке много подержанных. Очень трудно будет установить продавца или покупателя...

– Хорошо, а ящик? Что вы думаете о нем? Нужны ли какие-нибудь специальные знания, чтобы сконструировать такой?

Винсент склонился над ящиком и сунул в него голову.

– Ящик может дать больше подсказок. Сколько еще людей знают о его существовании?

– Думаете, он сделал его сам? Или заказал где-нибудь?

Винсент встал, услышав, как хрустнули коленные суставы.

– Скорее, и то и другое, – ответил он. – Если он заказал ящик у мастера, то должен был приспособить его под свои цели. Кроме того, он мог купить чертежи, по которым собрал ящик самостоятельно. Для начала неплохо бы разобраться, где нам нужно искать.

– Было бы интересно взглянуть на эти чертежи, – добавила Мина.

– В любом случае, как я уже говорил, злоумышленник должен был на что-то опираться, то есть контактировать с кем-то из тех, кто этим занимается. Могу навести справки, если хотите. Список мастеров не такой длинный. Сегодня же займусь этим, вот только съезжу к своему агенту.

– Буду вам признательна. – Мина кивнула, тряхнув «хвостом». – Сейчас нам кстати любая помощь.

Винсент остановился и снова повернулся к ней.

– Чтобы собрать такой ящик, требуется время, – заметил он. – То есть все это планировалось заранее, расчетливо и хладнокровно. С другой стороны, агрессия, которая за всем этим чувствуется... Это противоречие, вот что сбивает меня с толку. Но не будем спешить с диагнозами, просто я должен как-то это переварить... Что вы решили с цифрой... я хотел сказать, с порезами на ее бедре?

– Пока ничего. Но я просила судмедэксперта поискать в журналах, есть ли другие такие случаи. Мы ведь даже не знаем, цифра ли это. Речь идет всего лишь о гипотезе... вашей

гипотезе.

– Тем не менее имеет смысл проверить. Я много думал над этим и пришел к выводу, что цифра – самое правдоподобное объяснение. Даже если Юлия со мной и не согласна. Возможно, это и есть то направление, на котором нам нужно сосредоточиться, вместо того чтобы тратить время и силы на составление психологических профилей.

Дверь распахнулась, и Мина чудом избежала удара в лоб, прежде чем успела взяться за ручку. На пороге возник Рубен. При виде Винсента глаза его засверкали, как молния в грозовом облаке.

– Что он здесь делает? – Рубен повернулся к Мине.

– Распоряжение Юлии. – Мина равнодушно пожалала плечами. – Я всего лишь делаю то, что мне велели. Сам-то где был?

– Ну... пил чай с одним очаровательным судмедэкспертом. – Рубен как будто смутился и быстро проскользнул в прозекторскую.

Винсент и Мина вышли в коридор.

– Я предвидел что-то в этом роде. – Менталист кивнул, повернувшись к Мине.

– Позвольте мне сказать. – Та тряхнула головой. – Юлия действительно просила вас составить психологический профиль преступника. Но это... как бы поточней выразиться... задание вне официальной схемы расследования, чтобы не возникло конфликта в коллективе. Юлия поручила мне

«опекать вас» – да, да, она прямо так и сказала. Официально мы снова привлекаем к расследованию Яна Бергсвика – того самого горе-психолога, который в прошлый раз направил нас по ложному следу... – Поморщившись, Мина продолжила: – Юлия одобрила ваше вмешательство, но даже она не вполне уверена. Что же касается остальных... они просто не воспринимают вас как своего в группе. Винсент, мне действительно нужна ваша помощь, но я боюсь, что коллеги не станут нас особенно слушать. Прежде всего я имею в виду Рубена. Нам с вами придется вести свое расследование.

– Наверное, мне следует попытаться воздействовать на них своим неотразимым шармом, – пошутил Винсент.

– В прошлый раз вы расточали его вполне достаточно, – сухо отозвалась Мина.

Винсент не обиделся. Социальные игры не были для него чем-то естественным, как для большинства остальных. Поэтому он и занялся их изучением – и настолько преуспел в этом, что стал управлять поведением людей со сцены, научился понимать эти механизмы. Тем не менее срабатывало это чаще всего только там, на сцене. Конфликты в его семье были лучшим тому доказательством. Мине неплохо было бы об этом знать, чтобы не требовать от него невозможного.

– Ну а все-таки, – продолжала она. – Как обстоят дела с психологическим профилем?

– Пока все слишком расплывчато, – ответил Винсент. – Я не готов сделать какие-либо выводы. Хладнокровие и

ярость, сочетание несочетаемого – вот что меня смущает. Это необычно. Я не говорю «невозможно», просто необычно.

Мина наморщила лоб.

– Извините, – сказал Винсент. – Мне надо собраться с мыслями. Мы обязательно поговорим об этом, но позже. Спасибо за возможность взглянуть на ящик. Это было бесполезно. Кстати, вы в курсе, что Рубен хочет с вами переспать? Он так и кричит об этом каждым своим жестом, а судя по тому, как расширились его зрачки...

– Боже мой, Винсент, – перебила его Мина. – Рубен хочет переспать со всеми, и не надо быть менталистом, чтобы это заметить.

Мрачные коридоры отделения судмедэкспертизы огласил залиvistый смех. Винсент был так ошарашен, что даже забыл о своих подсчетах.

* * *

Почти невозможно. Кристер Бенгтсон вздохнул и включил компьютер. Как же тяжело давались ему эти бесконечные списки пропавших без вести людей... Многие удивились бы, узнав, сколько таких набирается за год по всей Швеции. Хотя кое-кто, похоже, исчезает по собственной воле.

Возраст жертвы – что-то между двадцатью и тридцатью годами. Согласно их оценке, по крайней мере. Такое трудно

определить даже по виду живого человека, что уж говорить о трупе... Кристер взглянул на фотографию, которую взял у патологоанатома и которую ему предстояло сличить со снимками разыскных списков. Блондинка, волосы до плеч, голубые глаза. Похоже, была симпатичной при жизни. Он снова посмотрел на монитор. Внешность ни о чем не говорит, в Швеции половина девушек подходит под это описание. При этом Кристер не видел ни одной, которая зацепила бы его каким-либо особенным сходством.

Те немногие женщины, у которых с Кристером до сих пор складывались отношения, были темноволосыми. Должно быть, это что-то фрейдистское, связанное с его покойной матерью-шатенкой. При том что Кристер жил один. Никто из тех, кто пытался с ним сблизиться, не составил ему пары. Уже в самом начале знакомства он знал, что это не по-настоящему и рано или поздно все закончится.

Любовь мимолетна, как и все остальное. Нет ничего постоянного, кроме этой промозглой погоды. Хотя и она не навсегда, если верить Грете Тунберг⁵.

Кристер вернулся к компьютеру. Потянулся за чашкой, глотнул кофе и тут же выплюнул все обратно. Черт... что может быть хуже холодного кофе? На мониторе сменялись лица – молодые, исполненные надежды. Жизнь смахнет с них

⁵ Грета Тинтин Элеонора Эрнман Тунберг (р. 2003) – шведская экологическая активистка, получившая международную известность и признание за продвигание мнения о неизбежном экзистенциальном кризисе для человечества в результате изменения климата.

глуповатое выражение, это вопрос времени. Спасибо матери, которая с самого начала внушила Кристеру, что жизнь – это сплошные разочарования. Если знать об этом заранее, все проходит легче. Неоправданные ожидания – вот главная причина того, что большинство людей живут в вечной депрессии.

На мониторе одно лицо сменялось другим. Кристер снова взял чашку, глотнул – и выругался на собственную забывчивость. Потом выплюнул и мрачно посмотрел на холодный кофе в чашке. Вот она, жизнь... черт...

* * *

Винсент поправил печенья на блюде – два ряда по четыре штуки в каждом. Он сидел у своего агента, в офисе «Шоулайф продакшн» на Страндвеген, и старался не думать о том, что только что видел в отделении судмедэкспертизы. О ящике с этими ужасными дырками. И о Мине рядом с ящиком, с волосами, убранными в темный «хвост».

Поначалу его каждый раз встречали здесь роскошными тортами, фисташковым бискотти с кусочками темного шоколада. Это потом годы совместной работы все упростили – по крайней мере, в плане внешней ритуальности. И тот факт, что сейчас на блюде перед Винсентом лежала домашняя выпечка от «Тёссе», не предвещал ничего хорошего. Дело было, конечно, не в качестве выпечки, а в необычности уго-

щения. У Винсента имелись все основания ожидать от агента неприятный сюрприз.

Умберто приехал в Швецию пятнадцать лет назад и до сих пор не избавился от итальянского акцента. Возможно, он считал, что это делает его речь изящней, и намеренно отказывался совершенствовать свой шведский. И все-таки лучше б он купил обыкновенное печенье «Барелина». Домашняя выпечка, конечно, вкуснее, но при машинной штамповке получаются кружки одного размера. Одно печенье неотличимо от другого, ничего не торчит и не нарушает идеальности ряда.

– Она больше не появлялась?

Винсент покачал головой.

– Ее не было вот уже на двух представлениях. Но это, разумеется, не значит, что она пропала навсегда.

– Тебе нужна охрана, как я уже говорил.

– Нет, нет... к чему такие расходы? Думаю, администрация театра справится с этой проблемой. Все образуется.

– ...как говорил Джон Леннон о Марке Чепмене, – горько закончил фразу Умберто.

– Не будем больше об этом.

Винсент потянулся за печеньем. Белый шоколад и грецкий орех – довольно вкусно, несмотря на асимметрию.

– У нас жалобы, Винсент. – Умберто озабоченно пригладил тщательно подстриженную бороду. – Я о концертах на прошлой неделе, в Линчёпинге и Мальмё.

– Зрительные залы на тысячу сто девяносто шесть и девятысот мест соответственно – и полный аншлаг. – Винсент кивнул. – Аплодировали стоя. Кому-то не понравилось мое шоу?

– Не шоу... – Умберто вздохнул. – Тебе обязательно лежать на полу в гримерной после концерта? С уборщицами чуть не случился сердечный приступ – и в том, и в другом зале.

Винсент взял еще одно печенье, чтобы выровнять ряд. Умберто запустил руку в бумажный пакет, чтобы наполнить блюдо, но Винсент остановил его взглядом. Ничто не должно нарушать порядок.

– Как давно мы с тобой работаем, Умберто? – спросил он. – Лет десять уже, наверное? Мне тяжело даются эти шоу. Все не так просто, как кажется. Поэтому мне требуется время, чтобы прийти в себя, и лучше всего это у меня получается в лежачем положении. Ты ведь давно об этом знаешь.

– Но целый час?.. Кроме того, техники из Карлстада не пришли в восторг от твоей затеи рассортировать их кабели по цвету.

– О'кей. – Винсент кивнул. – Это принимается. Извинись за меня.

Именно в Карлстаде у него не получился номер с гвоздем. Винсент проткнул себе ладонь и, конечно, должен был как-то развеяться после этого.

Умберто сощурил глаза и покачал головой:

– Когда ты наконец откажешься от этого номера? Что будет с турне, если ты себя покалечишь? Что скажет Мария?

– Мария скажет, что это лучшее из того, что могло со мной произойти, – ответил Винсент. – Потому что в этом случае я точно пойду с ней на семейный праздник.

– Праздник, – проворчал Умберто, не особенно вникая в его объяснения.

За окном, на противоположной стороне улицы, появились две молодые женщины в коротких желтых платьях. Они показывали в сторону моря. Наверное, туристки, очарованные ранней стокгольмской весной.

– Ты знаешь, что я с тобой не соглашусь. Я не думаю идти у тебя на поводу и прослежу, чтобы в следующий раз ты приехал на шоу в сопровождении охранника.

– Это смешно, тебе не кажется? – отозвался Винсент. – Я ведь не какой-нибудь там Бенъямин Ингрессо⁶... ну, или тот же Джон Леннон. Не знаю, как тебя в этом убедить, но, так или иначе... спасибо.

Умберто снова посмотрел на Винсента:

– Ты все еще подписываешь гвозди?

– И гвозди, и фотографии, и футболки... здесь все зависит от того, на чем поклонник захочет видеть мой автограф.

– «Художник всегда ставит подпись под своим произведением», – процитировал Умберто и рассмеялся. – Ты сам

⁶ Бенъямин Даниэле Вальгрен Ингрессо (р. 1997) – шведский певец и автор песен.

вырыл себе эту яму.

– Да, да... и, раз уж мы заговорили о шоу, не мог бы ты попросить театрального администратора не ставить газированную воду мне в гримерную?

– Они всего лишь хотят, чтобы тебе было лучше... – Умберто снова оглянулся на окно. – Мы вообще в этом не участвуем, как ты и просил. И если в гримерной появляются вода, фрукты или сладости, то только по инициативе театра. Мы ведь уже обсуждали это.

– Да, но они должны знать, что я не пью газировку перед выступлением. Мне нужен голос, то есть поддержка мышц живота. А после газировки может случиться отрыжка. Лучше выпить простой воды из-под крана.

Женщины на противоположной стороне улицы пошли своей дорогой, и Умберто повернул к Винсенту усталое лицо.

– Это их дело. Ты ведь можешь выпить эту воду и после выступления.

– Но у меня больше нет сил...

Умберто поднял руку с соединенными большим, указательным и средним пальцами.

– Не думаю, что нам стоит продолжать этот спор, – сказал он. – Все – *adesso basta!*⁷ Иногда ты ведешь себя как ребенок. Пьешь ты эту воду или нет, это никому не интересно, о'кей?

⁷ Хватит на этом! (ит.)

Винсент пожал плечами. Ему всего лишь не нравилось, что театр бросает деньги на ветер. И потом, много бутылок – это много этикеток на бутылках, которые надо выровнять в одном направлении.

– Ты помнишь иллюзиониста, с которым вы работали раньше? – сменил тему Винсент. – Ну, того... с ящиками... Распиливание женщин, водяной куб – старая школа. Не знаешь, что он потом сделал со своим реквизитом?

Умберто взял печенье и задумался.

– Ты имеешь в виду Тома Престо? Да... этот не мелочился. Восемь танцовщиц, три грузовика реквизита и непомерно раздутое самомнение. По мне, так слишком затратно. С чего ты вдруг о нем вспомнил?

– Подумалось, как можно на него выйти, если кто-то вдруг захочет купить что-нибудь из его вещей. Ящик с мечами, к примеру.

Умберто затолкал в рот остатки печенья, смахнул с бороды крошки и покачал головой:

– Мы все продали, как только у него не заладилось шоу. Одному французскому коллекционеру, насколько я помню. Думаю, этот реквизит хранится у него в сарае где-нибудь в Ницце. Мне почему-то не верится, что французский коллекционер нашел всему этому более достойное применение. Не знаю, видел ли ты шоу Тома Престо, но человек он был рискованный.

– Вот кто нуждался в контроле с твоей стороны.

– Примерно это говорил мне и коллекционер, но я плохо разбираюсь в трюках. Один этот гигантский аквариум, которым Том...

– Водяная камера, так называл это Гудини, – подсказал Винсент, но Умберто отмахнулся:

– Там, наверное, какая-то секретная дырочка сзади... Если что-то пошло не так и артист не может выбраться из камеры, ассистенту достаточно выдернуть пробку, чтобы вся вода вылилась за несколько секунд.

– Есть такая хитрость. – Винсент кивнул.

– Так вот, ничего подобного у Тома Престо не было. Гордость не позволяла ему подстраховываться. Француз не захотел иметь в своей коллекции такую опасную штуку, так прямо и сказал: «*C'est trop extreme*»⁸. Даже не знаю, в каком сарае теперь этот аквариум собирает пыль, но для тебя могу навести справки... Кстати, насчет сбора пыли... – Умберто хлопнул себя по лбу: – У меня для тебя заваялся рождественский подарок. Одну минуту...

И исчез из комнаты, прежде чем Винсент успел что-либо возразить. Спустя полминуты Умберто появился снова с огромным фолиантом в руках.

– Рождество было несколько месяцев назад. Ты, похоже, заработался; скоро Пасха.

– Я знаю, но это прислали за неделю до Рождества. Все это время она пылилась в офисе. Я просто забыл о ней, извини.

⁸ «Это слишком экстремально» (фр.).

Толстенная книга «Млекопитающие Мексики» была перевязана красной лентой, собранной в изящную розу. На золоченом шнурке висела открытка – «Винсенту. Не совсем ваша тема, но может оказаться интересней, чем вы думаете. От поклонницы». Буквы с завитушками. Каллиграфический почерк, определенно женский. Винсенту показалось даже, что он узнал руку, но так и не смог вспомнить ничего определенного. С обложки скалил зубы мексиканский леопард.

– Спасибо, – ответил Винсент, взвесив в руке книгу на тысячу с лишним страниц. – Это именно то, с чем я собирался сегодня таскаться весь день.

Умберто рассмеялся.

– Это твои фанаты, не мои... Так что мы будем делать с жалобами? Ты не можешь и дальше провоцировать сердечные приступы у работников театра.

– Не волнуйся, – успокоил его Винсент. – Оставшаяся часть турне пройдет без потрясений, обещаю. Если только уборщицы будут заходить в гримерную не раньше чем час спустя после выступления.

Умберто рассмеялся и протянул Винсенту руку:

– Договорились, дорогой амиго.

– Заметано.

Винсент взял книгу под мышку и пошел к двери, по пути захватив со стола бумажный пакет с печеньями.

Мина сидела с прижатой к уху телефонной трубкой. Как все-таки хорошо, что она успела протереть ее алкогелем, перед тем как ответила! Мина слушала, делая отметки на обратной стороне счет-фактуры – ближайшей попавшейся под руку бумажке. Задавала встречные вопросы. Спустя полминуты взглянула на часы и направилась в буфет.

Рубен, спиной к ней, с аппетитом уплетал фрикадельки с салатом. Он отказался от сложных углеводов, после того как прибавка в весе стала очевидной, и не забывал напоминать об этом коллегам перед каждым обедом.

– Ты занимался случаем самоубийства два с половиной месяца тому назад? – спросила Мина в его спину. – Тринадцатое января, Агнес Сеси, двадцать один год.

Рубен замер, не донеся вилку до рта.

– Да, что-то такое было... А в чем дело?

Он поморщился, когда Мина, выдвинув стул, села напротив, закатил глаза и положил вилку.

Мина старалась не думать о грязи, скопившейся в этой комнате, и о всех крошечных существах, от которых сразу зачесалось тело. На работе она держалась, но это забирало столько энергии, что дома вечером Мина без сил падала на диван. Она опустила рукава, чтобы защитить кожу от нежелательных соприкосновений, облокотилась на стол и посмотрела

рела на Рубена:

– Рассказывай.

– Ну... что тут рассказывать? Я и Линдгрэн – он из молодых – прибыли на место первыми. Сразу было ясно, что это самоубийство.

– Откуда?

Рубен снова вздохнул. Тоскливо взглянул на холодные фрикадельки в соусе, уже покрывшемся пленкой. Мина игнорировала его голод. Рубену не следовало обедать в буфете отделения полиции, хотя бы из гигиенических соображений. Он еще будет благодарить ее за это.

– Выстрел в рот. Оружие с ее отпечатками лежало рядом. И никакой верхней одежды, несмотря на зиму. Короче, все признаки того, что она не была в ладах с головой.

– Предсмертная записка?

– Нет, никакой записки. Но Агнес долго лечилась от депрессии. Несколько раз лежала в больнице Святого Георгия. Никто из ее знакомых не удивился, узнав, чем она кончила, включая приятеля, с которым она снимала квартиру.

– Что, совсем никаких подозрений?

– Ты имеешь в виду подругу? Разве поначалу, поскольку предсмертной записки все-таки не нашли. Такие эксцентричные особы обычно оставляют записки. Кроме того, это приятель позвонил в полицию. Но подозрения отпали после того, как мы нажали на него на допросе... Похоже, минутная слабость, если учесть, что все произошло на скамейке в пар-

ке. Почему ты об этом спрашиваешь?

– У тебя есть фотографии? Тела? Места преступления?

– Какого места преступления? Я же сказал, это самоубийство.

Но Мина не слушала. Ей предстояло объяснение с коллегами, но для начала не мешало взглянуть самой.

– Пойдем. – Рубен со вздохом поднялся со стула.

Мина заметила, что он не убрал за собой поднос. Хотела спросить, не работает ли здесь, в буфете, его мама, но воздержалась. Мужчины болезненно воспринимают такие замечания, а Рубен вообще обидчив. Кроме того, Мина нуждалась в его помощи. Он направился к лифту, она – за ним.

Того, что она только что услышала по телефону, вполне хватило бы, но фотографии могли стать хорошей опорой ее версии. Если подозрения Мины подтвердятся, это изменит все.

* * *

– Что случилось? – Юлия вошла в комнату с перекинутым через руку пальто. – Я собиралась домой, но тут позвонила Мина... она мне так ничего и не объяснила.

– Мне тоже, – кисло подхватил Кристер с большой чашкой кофе в одной руке и булкой в другой.

– Ты не прихватил с собой еще одной булочки? – с надеждой спросил Рубен.

Никого не слушая, Мина магнитами крепила новые фотографии к доске, не сняв старые.

– Где Педер? – Она оглянулась. – Я хотела собрать всех.

Рубен пожал плечами и громко хрустнул яблоком, которое взял из вазочки на столе. Мина не могла на это смотреть. Это яблоко пролежало там не один день. Внутренним взором она видела маленьких зловредных зверьков, которыми кишела его кожица и которые сейчас исчезали во рту Рубена. Мина старалась не думать ни о том, что еще было во рту Рубена, ни о том, где еще этот рот был. Ее воображению было бы не под силу представить такую армию бактерий. Мина сглотнула, подавляя подступающую рвоту. В любом случае нужно делать вид, что всё в порядке.

– Он не отвечает на звонки, – сказал Рубен, громко чавкая.

– Ты не заходил к нему? – подавляя раздражение, спросила Мина.

Рубен пожал плечами.

Мина отложила пустую папку и вышла из комнаты для совещаний. Педер обнаружился в своем кабинете. Он храпел, запрокинув голову и откинувшись на спинку стула. Кто-то из коллег нарисовал у него под носом усы.

– Педер! У нас совещание, пойдем!

Педер вздрогнул и заспанно огляделся.

Мина не стала его дожидаться, но, возвращаясь в комнату для совещаний, услышала за спиной шаркающие шаги.

Когда она вошла, коллеги разглядывали новые фотографии на доске. Мина знала, что они ничего не поймут без ее объяснений. Этой идеей она была обязана судмедэксперту Мильде и Винсенту, благодаря которому в голове Мины зародились первые подозрения. Группа все еще была настроена скептически по отношению к менталисту. Теперь это ненадолго. Он незаменим, и уже доказал это.

Педер вошел следом за Миной и устало плюхнулся на стул. Он тер глаза кулаками, перемещая посиневшие мешки. Коллеги хихикали, глядя на его усы, но молчали.

Мина оглядела аудиторию, остановив на каждом пристальный взгляд. Теперь ей предстояло убедить их в том, в чем сама она почти не сомневалась.

Мина глубоко вздохнула и показала на доску:

– Думаю, Винсент прав. Мы имеем дело с серийным убийцей.

Тишина. Они были в растерянности. Мина это предвидела.

– Как вы знаете, я почти не сомневалась, что на бедре у нашей жертвы вырезана цифра, – продолжала она. – Это навело меня на естественные подозрения и заставило искать цифры и на других телах. Я обратилась за помощью к Мильде из судмедэкспертизы – сегодня, когда навещала ее в связи с трупом, найденным в ящике. С ходу Мильда не смогла припомнить ничего такого, но вскоре перезвонила мне и рассказала про Агнес. Агнес Сеси.

Мина показала на фотографию рыжеволосой девушки, полулежавшей на скамейке в парке. Лужицу крови под ее ногами можно было принять за тень. Девушка была без пальто, несмотря на зиму. Справа от нее на земле лежал пистолет, словно только что выпал из ее руки.

– Снимок сделан в парке Берцелли, возле Китайского театра.

– Что-то не похоже на мюзикл, – пробормотал Кристер и пожал плечами в ответ на полные недоумения взгляды коллег.

Мина перевела палец на другой снимок, с видом прозекторской. Теперь эта же девушка лежала голой на металлическом столе, так, что на ее правом бедре отчетливо вырисовывались три линии – одна вертикальная и две сходящиеся друг с другом в нижней точке в виде буквы «V». Оставалось добавить две горизонтальные, сверху и снизу, чтобы получилась римская «четыре».

– Вот еще одна цифра, как и говорил Винсент, – сказала Мина. – И это то, во что вы не верили и что мы с вами пропустили.

Коллеги дружно вытянули шеи. Теперь все смотрели, во всяком случае, заинтересованно. Изогнутая бровь Рубена красноречиво выражала скепсис. Педер хлопал глазами, стараясь сфокусировать взгляд.

Мина снова показала на фотографию в прозекторской:

– Конечно, это было замечено при осмотре и занесено в

протокол вскрытия. Но, с учетом истории Агнес, мы списали порезы на ее психическое нездоровье и не особенно ими занимались.

– Мы решили, что это она сама себя изрезала, и это объяснение все еще не потеряло силы, – скептически заметил Рубен, откидываясь на спинку стула. Он забросил ногу на ногу и раскачивался всем телом.

– Разумеется, такое вполне могло быть, – спокойно согласилась Мина. – Мы с вами видели и более странные вещи. Если бы только еще не это...

Мина показала на другой снимок, а потом – еще на один, в том конце доски, где были фотографии первой жертвы из ящика.

Ничего объяснять не пришлось, снимки говорили сами за себя. Юлия встала и подошла к доске. Еще раз взгляделась в фотографии, на которые показывала Мина.

– Разбитые часы...

Мина кивнула:

– Именно. И у этой жертвы тоже разбитые часы, которые показывают два часа ровно, а часы женщины из ящика – ровно три. Я верю в одно совпадение, но не в два.

Тишина в комнате сгустилась. Каждый старался переварить то, что только что сказала Мина.

– Думаешь, это сделал один человек? – неуверенно спросил Рубен. Теперь он был почти готов прислушаться к версии Винсента.

– А ты как думаешь? – в свою очередь, спросила Мина.

Рубен как будто собирался что-то возразить, но снова закрыл рот. Юлия с серьезным лицом рассматривала фотографии, выставленные Миной.

– Мы должны еще раз пройтись по всему этому с самого начала, – сказала она. – Рассмотреть все до мельчайших деталей. Приготовьтесь к долгому вечеру. Позвоните домой и предупредите, что сегодня не получится вернуться пораньше. Хорошая работа, Мина.

Все закивали. Педер прокашлялся.

– Но если есть жертва под номером три, – начал он, едва ворочая языком от усталости, – и жертва под номером четыре, то этот убийца много чего успел сделать, прежде чем обратил на себя наше внимание, так?

– Вот и я спрашиваю себя о том же, – кивнула Мина.

Она потрогала пальцем папку. Что-то здесь было не так. Нечто такое, что она должна была увидеть, постоянно ускользало от ее внимания. Мина тряхнула головой. Все всплывет на поверхность рано или поздно.

Она вытащила из кармана упаковку влажных салфеток и протянула несколько штук Педеру:

– Вытри под носом, там тебе кое-что пририсовали.

* * *

Винсент с трудом открыл глаза. Большую часть ночи он

просидел за компьютером в поисках информации о возможных продавцах и покупателях ящика и прилагавшихся к нему мечей. Он столкнулся с серьезной проблемой. Количество предложений могло бы удивить непосвященного человека. Желание во что бы то ни стало оправдать ожидания Мины нагнетало стресс. С другой стороны, именно это и держало Винсента на плаву, не давая провалиться в сон.

Спустя пару часов он проснулся от странного звука и долго не мог понять, что это такое. Как будто пение – абсолютный диссонанс. Невообразимые перепады из одной тональности в другую заставили Винсента пожалеть о том, что природа одарила его хоть каким-то музыкальным слухом. Выражение «медведь на ухо наступил» раздражало его своей легкомысленностью. На самом деле речь шла о редком феномене – неспособности человека отличать одну звуковую последовательность от другой. Полная противоположность этому – абсолютный слух, то есть способность узнавать отдельные по высоте звуки даже без соотнесения их друг с другом. Относительный слух означает, что человек может различать интервалы между звуками, не распознавая их по отдельности. И вот сейчас для Винсента настал момент возблагодарить судьбу за то, что наделила его всего лишь относительным слухом.

– ...уууу... те... бя.....

На этом песня, похоже, закончилась. Винсент сел в постели и прищурился. Семья в полном составе стояла в ногах

его кровати. Мария и Астон – с восторженно распахнутыми глазами. Бенъямин и Ребекка – как у подножия собственного эшафота. Винсент сразу почувствовал близость к своим старшим детям. Он ненавидел дни рождения. То есть не дни рождения вообще, конечно, а прежде всего свои собственные.

– ...поздравляя-яем те-е-ебя-я-я...

Астон заорал и схватился за ногу. Сердито оглянулся на Бенъямина, но тот пожал плечами и показал на Ребекку. Та подняла бровь. Астон набычился, но сдержался. Младший сын был венцом иерархии в семье Винсента. Но коварная Ребекка могла причинить и физическую боль, если Астон делал не то, что она хотела.

– Поздравляю, дорогой! – Мария поставила на постель серебряный поднос с тортом домашней выпечки.

Винсента чуть не затошнило. Взбитые сливки – не самое любимое его блюдо по утрам, хотя в семье Марии это, похоже, было традицией. Иначе как объяснить то, что и в годы жизни с Ульрикой Винсент не был избавлен от этого странного ритуала. Он понимал, что торт в данном случае следует воспринимать как символ любви, а вовсе не как орудие атаки на пищеварительную систему, поэтому в конце концов растянул рот в широкой улыбке.

– Астон, пакеты!

Глаза Марии влажно заблестели, когда она осторожно опускалась на край кровати.

В отличие от мужа Мария любила дни рождения. Больше всего свои собственные, но и всех остальных тоже. Астон прыгнул на кровать с двумя пакетами в руках, едва не опрокинув торт.

– Это мы с мамой испекли его вчера вечером! – гордо провозгласил он. – Мы вообще профи по тортам. Получилась та-акая гора сливок...

Каркающий американский акцент на слове «профи» был явным следствием влияния «Ютьюба». На какое-то мгновение Винсенту даже захотелось, чтобы торт соскользнул на пол навстречу своей преждевременной кончине. Он прекрасно осознавал масштабы этой катастрофы. Дело не только в том, что семья лишится сладкого. Мария непременно увидела бы в этом дурной знак, и остаток дня прошел бы под знаком проклятия, что, в свою очередь, означало череду катастроф, которые не замедлили бы последовать одна за другой.

– Вот, папа. – Астон протянул Винсенту пакет, не переставая прыгать на одеяле, и они с Марией обменялись радостными взглядами.

Первый пакет, кое-где перетянутый полосками скотча, выглядел довольно небрежно. Винсент узнал подарочную бумагу – в нее был завернут «Монстер трак», который они с Марией подарили Астону на прошлый день рождения в феврале. Винсент улыбнулся и обнял сына. Кто не любит «Монстер трак»?

Но в пакете оказался галстук. Мария взъерошила волосы на голове Астона. У Винсента было уже два таких галстука, и все дареные. Наверняка Мария выделила детям деньги, предоставив самим выбрать, чем порадовать папу. И они не придумали ничего лучше, как пойти по проторенной дорожке. Их фантазии хватило только на галстук! С другой стороны, если галстук понравился папе в прошлом году, почему в этом надо что-то менять? Тем более что у Винсента есть прекрасная возможность отплатить тем же. Когда Астону исполнится двадцать лет, он получит свой первый галстук.

– Еще один, папа!

Белоснежная шапка из взбитых сливок уже съезжала набок.

– Успокойся, дорогой, – урезонивала Астона Мария.

Она выжидательно смотрела на мужа.

Этот пакет был совсем тонкий и обернут не в пример аккуратно. Винсент с первого взгляда заподозрил руку Марии. В пользу этой версии говорила и наклейка в виде сверкающего сердечка на верхней стороне. Он развернул бумагу.

– Мы поплывем на пароме, папа! Все вместе!

Винсент взглянул на открытку – только не это... Финский паром – можно ли придумать что-либо более кошмарное? Пятьдесят тысяч тонн насквозь пропитавшегося пивом железа. Он оглянулся на Бенъямина и Ребекку – та же боль в глазах. Их лица отражали отчаяние Винсента. Старшие дети обменялись с отцом понимающими взглядами.

Все трое знали, что если Марии пришла в голову «просто фантастическая идея» на тему семейного отдыха, то это необратимо. А значит, в скором времени всем им придется провести целые сутки запертыми в стальном бункере. Винсент взглянул на обратную сторону – срок подарочного сертификата истекал через год. В его распоряжении оставалось двенадцать месяцев, чтобы покинуть страну.

– Попробуй торт, любимый. – Счастливая Мария протягивала Винсенту блюдо с громадным куском, который только что отрезала. – Астон прав, мы по тортам профи. И столько сливок...

Винсент сглотнул и улыбнулся. Это была любовь – и ничего другого. Ему желали добра, а значит, все, что оставалось, – подыгрывать из последних сил.

– Благодарю, дорогая, но, может, мы попробуем торт все вместе, за столом?

Они собрали подарки, бумагу, взяли торт и вышли на кухню.

По пути Винсент захватил себе еще один подарок с полки – двойной альбом «Ксерокс-4» Альва Ното⁹. Он сам перевязал его красной лентой, которую снял, осторожно поддел ногтем первую пластинку, вытащил из конверта, пару минут повертел в руке, предвкушая наслаждение, и только потом поставил на проигрыватель в гостиной. Это было то, что на-

⁹ Alva Noto (Альва Ното) – сценическое имя звукового художника Карстена Николая, работающего в стилях экспериментальной электронной музыки.

до.

Затем взял банку, насыпал в ладонь немного корма для рыбок и направился к аквариуму, где поднес ладонь к самой поверхности воды. Винсент не зря выбрал именно американских евдошек. Не самые красивые рыбки – зато единственные, которых можно кормить с руки. Долго ждать не пришлось. Скоро четыре рыбки, окружив руку Винсента, стали хватать из нее белые хлопья.

– Сегодня будет шумно, – сказал им Винсент. – Прошу прощения заранее. Вы знаете, как это бывает.

И, установив нужный ему уровень громкости, вышел на кухню.

Только в объятиях этой музыки и получалось немного расслабиться. Реакция Марии, судя по напряженным плечам, была противоположной. Она вздыхала каждый раз, когда заставала Винсента с виниловой пластинкой в руках. И в этом Мария тоже не понимала мужа. Она предпочла бы слушать Эда Ширана в музыкальном приложении «Спотифай», которое, в отличие от проигрывателя совсем не занимает места. Но Мария видела красную ленту, которая сегодня обозначала территорию Винсента.

Винсент сел за стол и взял свой кусочек торта. Часы показывали восемь ноль-ноль. Еще шестнадцать часов. Девятьсот шестьдесят минут. Пятьдесят тысяч шестьсот секунд. Потом этот день рождения закончится.

– Может, сегодня поделишься?

Мина покачала головой:

– Сегодня не самый подходящий день для этого. И вообще, я здесь только для того, чтобы слушать, ты знаешь. Вспомни, когда ты видел меня здесь в последний раз?

– Да, да, это так. Меня тоже давно здесь не было. Держался... И вот сейчас я снова здесь. Кофе?

Мужчина с собакой – так его окрестила Мина – держал в руке бумажный стакан. Она даже не знала, как его зовут, а вот прозвище, которым одарила его с первого взгляда, прилипло к нему раз и навсегда. Кроме него в группе были Тетенька в лиловой шали, Сконец и Девушка с дельфином. Мина помнила, как их зовут на самом деле, но имена плохо ассоциировались с людьми в этом странном месте. В конце концов, это был клуб анонимных алкоголиков. При том что сама Мина алкоголиком себя не считала, поэтому и не рассматривала себя как часть коллектива, который, как обычно и бывает в таких местах, сложился быстро и естественно.

Мина покачала головой на бумажный стакан в руке Мужчины с собакой. Ее тошнило при одной мысли о том, какими опасными микроскопическими созданиями кишел не только этот стакан, но и термос, которым пользовались все кому не лень.

Мужчина с собакой пожал плечами и нацедил себе кофе.

Один вид этого напитка заставил Мину брезгливо пожевиться. Глядя на его маслянистую поверхность, она подумала, что не стала бы пить такой даже из самой стерильной посуды.

– Почему пришел так поздно? – спросила Мина и едва не прикусила язык.

Во-первых, ее это совершенно не интересовало. А во-вторых, вопрос вполне можно было истолковать как неприличный.

– Отвозил жену в больницу, ей нужно обследоваться после операции. Сколиоз в тяжелой форме, второй год в инвалидном кресле.

Мина кивнула, еще раз пожалев о своей несдержанности. Вопрос оказался еще более личным, чем она могла подумать. Слава богу, что Мужчина с собакой не стал и дальше углубляться в историю своей жены. Вместо этого он нагнул, налил воды в чашку своему золотистому ретриверу и почесал у него за ушами.

– Как зовут собаку?

Опять – ну что ты будешь делать? Мина не могла взять в толк, с чего вдруг взяла на себя обязанность заполнять паузы между словами. Она терпеть не могла вежливую болтовню ни о чем. Но мужчине вопрос понравился.

– Боссе, – гордо ответил он. – Ему четыре года.

Мина кивнула. Животные – явно не ее хобби по вполне

понятной причине. Лапы Боссе были черными от грязи после небольшой прогулки по улице.

– Привет, рада тебя видеть!

К кофейному столику приближалась Девушка с дельфином и широко улыбалась Мине.

Девушка с дельфином всегда выглядела очень счастливой, что воспринималось почти как симптом с учетом специфики места. В отличие от Мины, которая приносила сюда что угодно, только не безмерную радость. Эту девушку звали Анна, а дельфин, благодаря которому она получила свое прозвище, был вытатуирован у нее на лодыжке. Мина заметила его уже при первой встрече. Она не стала расспрашивать Анну, есть ли у дельфина приятели на других частях ее тела, из опасения, что та разденется перед ней донага. Мина ведь вполне смогла бы прожить даже и без этого дельфина. Но Анна оказала ей большую услугу, поэтому Мина широко улыбнулась ей и кивнула в ответ.

– Спасибо, что вывела меня на Винсента Вальдера, – сказала она. – Моя начальница сразу взяла его в оборот.

Девушка с дельфином засияла:

– То есть это что-то вам дало?

– Думаю, да, – ответила Мина. – Надеюсь на это.

Девушка с дельфином засияла еще ярче. Мина даже испугалась за нее.

– То есть ты все-таки связалась с ним, с Винсентом Вальдером? Как здорово! Я ведь с ним почти не знакома, он такой

мрачный... Сама не знаю, как получилось, что я рассказала тебе о нем. И... еще раз извини, что тогда подслушала. Мне так неудобно...

В тот день Мина решила позвонить Юлии в перерыве между занятиями. Это случилось вскоре после того, как они нашли ящик. А потом подошла Анна и посоветовала связаться с Винсентом. Мина засомневалась поначалу, но быстро осознала, что идея не лишена разумных оснований. В результате знакомство с эксцентричным менталистом не только пошло на пользу расследованию, но и здорово скрасило существование Мины за последние несколько дней.

Жизнь, конечно, порядком усложнилась, зато стала интереснее. И это казалось странным Мине, до сих пор никого близко к себе не подпуская. Она, для которой дистанция была святым понятием, вдруг решила приоткрыть дверку совершенно чужому человеку. Но, насколько это могла осознать Мина, до сих пор ситуация оставалась под полным ее контролем. Разве что говорить по телефону следовало бы тише.

Ретривер Боссе напился и пошел на нее, высунув язык. Мина сжала кулаки, пытаясь совладать со страхом, что удалось ей на протяжении трех-четырех секунд, после чего она все-таки попятилась, почувствовав на своей руке мокрый собачий нос.

– Он добрый... – Заулыбавшись, мужчина почесал у Боссе за ушами.

Изо рта собаки упала капля слюны. Пес подобрался и радостно замахал хвостом. Он, как видно, решил, что им любуются, неправильно истолковав внимание Мины.

– Хммм... – Та еще раз подозрительно покосилась на грязные лапы Боссе.

Стало тихо. Собака осторожно приблизилась еще на шаг.

– В следующий раз я подумываю сделать волка, – услышала Мина голос Девушки с дельфином.

Мина не сразу догадалась, что та имеет в виду татуировку.

– И еще какой-нибудь клевый текст, который я еще не придумала. *Carpe diem*, думаю... Хотя, это, наверное, избыточно? Но все равно красиво. «Лови момент» – вот что это значит. Разве это не то, что всем нам нужно? Жить в настоящем, быть здесь и сейчас...

Девушка с дельфином закатала рукав футболки и показала свое предплечье.

– А знаешь, о чем бы я думала на твоем месте? – перебила ее Мина и ответила, встретив вопросительный взгляд девушки: – Достаточно ли хорошо продезинфицирована игла, чисты ли чернила...

– О, это и в самом деле круто! – оживилась девушка. – Сразу понимаешь, что живешь... по-настоящему. Потому что никто не может сказать, что случится в следующий момент. Может, ты будешь инфицирована и получишь в кровь порцию этих бактерий-убийц. Которые будут пожирать тебя изнутри...

– *Living on the edge*, – сухо перебила Мина.

– Именно! Спасибо! «Жизнь на грани» – именно этого я и хочу. Спасибо за идею! Просто замечательный девиз.

Мина смотрела в восторженное лицо девушки и не знала, о чем с ней теперь говорить. То, что Анна приняла за идею, вовсе не было таковой по замыслу Мины. Той подумалось, что отныне любое ее слово имеет шанс рано или поздно проявиться на предплечье этой девушки в виде инфицированной татуировки.

– Пора в зал! – позвал мужской голос со стороны двери.

Мысленно поблагодарив его за спасение, Мина пошла за остальными.

Квибилле, 1982 год

– Как продвигается работа?

Он вздрогнул от неожиданности, потому что не слышал, как кто-то вошел в хлев.

Мальчик сосредоточенно распиливал доску, стараясь не допустить сколов. Первый кусок, с безобразно торчащим сколом, упал на пол. Мальчик быстро подобрал его, положил к таким же испорченным кускам, набросил на кучу плащ, разукрашенный звездами и мистическими символами, и повернулся.

Она стояла в дверном проеме. Вечернее солнце окаймляло фигуру мамы золотым сиянием. Мальчик сощурился, чтобы лучше видеть.

– Я не могу сказать тебе, чем сейчас занимаюсь, потому что тогда ты поймешь секрет фокуса.

Мама вошла, и полоса света переместилась на его верстак. Частицы пыли висели, медленно перемещаясь, в воздухе. Попав в солнечный конус, они сверкали, как блески, и в этом тоже была своя магия. Мама взяла кисточку со скамейки и помахала ею в воздухе.

– Позволь помочь тебе покрасить, по крайней мере. – Она вытянула шею, пытаясь заглянуть ему за спину. – Я все еще не верю, что ты можешь справиться с этим один. Тебе всего семь лет. Покажи мне другого семилетнего мальчика, кото-

рый занимается такими вещами.

– Ну, не так-то это и сложно, – смутился он. – Я ведь подготовил чертежи, они очень точные. И потом, это единственное, чем я занимаюсь. И сейчас у меня получается лучше, чем вначале. Ты можешь помочь мне, если хочешь, но не подглядывай, пока я не закончу. И на этот раз никаких знаков зодиака, договорились? – Мальчик показал на свой плащ: – Это выглядит как...

– Знаю, знаю... Лес Варгас. – Мама улыбнулась. – Испанский художник.

Она сопровождала разъяснение изящным танцевальным движением, значения которого мальчик так и не понял.

– Лас-Вегас, мама, – поправил он.

И посмотрел на нее. Мама улыбнулась ему светлыми глазами, и напряжение в теле сразу исчезло. Сегодня хороший день. В то же время мальчика не оставляло чувство, что он попался в ловушку.

– Мама, ты... шутишь, да? Нет никакого художника Лес Варгаса.

Это было то, чего он не любил больше всего. Мальчику было трудно понять, когда люди шутят, а когда нет. То же и в школе... сплошной кошмар.

Ему хотелось бы, чтобы эти каникулы продолжались вечно. Тогда он навсегда остался бы на этом хуторе с мамой и Яне.

Мама заморгала.

– Ты прав, – ответила она. – Я пошутила насчет Варгаса. О’кей, путь будет Лас-Вегас. – Снова взмахнула кистью и хитро прищурилась. – Но ты научишь меня какому-нибудь карточному фокусу. Иначе все равно получится немного по-испански.

Мальчик рассмеялся. Никто не любил магию так, как мама, – даже чуточку больше, чем он сам. И в этом он хорошо понимал ее. Как только начинался сеанс, все проблемы решались. Деньги появлялись из ниоткуда. Мир менялся в мгновение ока. Все становилось возможным.

Он оглянулся на кучу распиленных досок. Теперь соберет из этого ящик, из которого сможет вытащить все, что только пожелает.

Все, что угодно, лишь бы мама была счастлива.

* * *

Мокрый снег чавкал под ногами Винсента. По телефону Мина сказала, что нужно поговорить, и предложила прогулку в Роламбсхове. Этот огромный парк находился в нескольких минутах ходьбы от полицейского отделения на Кунгсхольмене, поэтому Мина будет отсутствовать на работе совсем недолго. С другой стороны, риск, что их заметят здесь вместе, тоже не так велик.

Винсент задумался. Молодая женщина в голубом пуховике остановилась в метре от него. Наверное, видела его шоу

по телевизору и теперь не знает, здороваться или нет. Винсент решил ей помочь и помахал рукой первым. Женщина повернулась и ушла, не ответив. Что ж, нельзя выходить победителем из всех ситуаций.

Погода, во всяком случае, была на его стороне. Солнце сияло, на зеленых прогалинах бегали собаки. На улицах снега уже совсем не осталось, только в парке и задержалась зима.

Пять собак – пять хозяев. Итого десять – четное число.

– С днем рождения, – сказал женский голос за его спиной.

Винсент обернулся и увидел Мину. Вот и она туда же... Чертова «Википедия»! Оставалось надеяться, что на этот раз обойдется без подарков и объятий.

– Мы не будем поднимать эту тему, – строго оборвал Винсент.

Игривая улыбка тронула ее губы и почти сразу исчезла. Лицо Мины приняло обычное сдержанное выражение.

– У нас еще один похожий случай, – начала она. – Точнее, более ранний...

И протянула ему две фотографии. Верхняя была селфи из «Инстаграма». Молодая женщина улыбалась в камеру с поднятым бокалом в руке. Вокруг стола позади нее сидели гости, парни и девушки. На столе кучей лежали подарки.

Черт бы побрал эти дни рождения...

– Ее звали Агнес Сеси, – сказала Мина. – Двадцать один год. Снимала квартиру в городе на пару с приятелем. Отец живет в Арвике, мать умерла. Мы классифицировали этот

случай как самоубийство.

Винсент посмотрел на другой снимок. Тело в прозекторской на столе из нержавеющей стали. Фотография обрезана, так что головы не видно.

– И это тоже она, – прошептала Мина. – Взгляните на бед-ро.

Но Винсент и без подсказок заметил эти отчетливые порезы. И не хотел смотреть на них дольше необходимого.

– Как вы видите, и она тоже помечена цифрой. Поскольку на девушке из ящика была тройка, в следующий раз я ожидала увидеть двойку – и ошиблась. На Агнес цифра «четыре», как будто до нее он убил еще трех.

Винсент замер.

– То есть это предыдущая жертва, вы сказали? Полагаете, она умерла раньше той, из ящика с мечами?

Мина кивнула, хлопнув себя по бокам. Ее красная куртка откровенно не справлялась со все еще зимним, несмотря на солнце, холодом. Четыре, три, два... в голове Винсента шел обратный отсчет. Слишком мало статистического материала для таких выводов, но что-то подсказывало ему, что он на верном пути.

– Мерзнете? – Он кивнул на ее куртку.

– Я люблю мороз, – уклончиво ответила Мина.

Винсент понял, что она имеет в виду.

– Возможно, я ошибаюсь, – начал он, – но мне кажется, вы не найдете тел с цифрами «два» и «один». Пока, во всяком

случае.

Мина посмотрела на него и наморщила лоб.

– Думаю, это обратный отсчет, – пояснил Винсент. – Убийства под цифрами «два» и «один» еще не совершены. Понимаете меня? Четыре – три – два – один... и, возможно, ноль.

– Почему вы так думаете? – Ее глаза стали испуганными. – То есть вы считаете... должны произойти еще три убийства?

– Если только вы его не остановите. – Винсент снова пошел по тропинке. – Обратный отсчет – пока я не могу подыскать другого объяснения этой последовательности цифр. Но меня волнует еще один вопрос, не менее важный, которым сейчас самое время озадачиться.

– Что за вопрос? – испугалась Мина.

– Что произойдет, когда он дойдет до цифры «ноль»?

Она замолчала.

– Но ведь это безумие?

Винсент кивнул.

– Пока никакой уверенности, но я должен был озвучить эту версию. Две жертвы – слишком мало статистического материала.

– На этой жертве тоже были разбитые часы, и они показывали два, – добавила Мина.

Винсент что-то промычал, но так и не сказал ни слова. Он предложил бы ей погреться в одном из кафе вокруг площади Норр-Меларstrand, но Мина как будто была вполне доволь-

на парком.

Винсент потер одну о другую руки в перчатках и попытался навести порядок в мыслях.

– Я люблю мороз, – повторила Мина. – Он сразу делает воздух таким чистым, словно никакая грязь не может выжить на холоде.

– Кроме убийцы, которого вы упустили, – поправил Винсент. – Как умерла эта девушка?

– Выстрел в лицо, – ответила Мина, и Винсент автоматически поморщился.

– Не бойтесь, других фотографий у меня при себе нет. Но я не понимаю, почему для убийцы так важно зафиксировать время? Я имею в виду разбитые часы. В обоих случаях они показывают не совсем точное время смерти, но что-то около того.

Прежде чем Винсент успел ответить, в метре от них в воздухе просвистел фрисби, преследуемый черным доберманом. Собака подпрыгнула и приземлилась прямо под ногами Винсента и Мины. Она выглядела счастливой, хвост так и летал из стороны в сторону.

– Не люблю собак, – сказала Мина.

Доберман убежал с добычей в зубах. Винсент проводил его взглядом.

– Ловец пули, – задумчиво произнес он.

– Что? – не поняла Мина.

– Та, застреленная. Такой же классический трюк, как и

ящик с мечами. Точнее, иллюзия. Только куда более древняя – возможно, с конца шестнадцатого века. Впервые задокументирована в книге преподобного Томаса Бирда в тысяча шестьсот тридцать первом году. Кто-то из публики пометил пулю, прежде чем ею зарядили пистолет и пальнули не то в иллюзиониста, не то в его помощника. Тот только вздрогнул и поймал ее зубами... или нет, в ранних версиях – рукой.

– Как такое можно показывать публике? Звучит как кошмар.

– Просто все знают, что пулю нельзя поймать ни рукой, ни зубами. И что ни один человек, будучи в здравом уме, не станет палить в фокусника или его ассистента. Поэтому в голову невольно закрадываются подозрения, будто все это не взаправду. Но если вы спросите меня, что же это такое на самом деле, я отвечу: «Иллюзия». Выступить сегодня с подобным номером, пожалуй, невозможно. Это опасно для жизни; известно двенадцать задокументированных смертельных случаев. Самый первый – с месье де Куле из Лотарингии, который известен и как один из первых исполнителей этого трюка. Он погиб в тысяча шестьсот тринадцатом году, его застрелил один из зрителей во время ссоры. По иронии судьбы, из того самого пистолета, который Куле использовал во время представлений.

Мина пнула небольшой сугроб.

– То есть любой трюк – имитация несостоявшегося убийства?

– Большинство, во всяком случае. – Кивнув, Винсент откашлялся. – Причем в роли жертвы чаще всего выступает женщина. Это ее пронзают мечами или распиливают, перемещая разделенные части тела, – и все ради того, чтобы потом показать, что она не пострадала. И то, что фокусники проделывают это именно с женщинами, не может быть случайностью. Возможно, все дело в том, что женщина меньше и подвижнее мужчины и ее легче запихнуть в ящик. Даже не знаю, насколько можно считать исчерпывающим такое объяснение.

– Но и в реальной жизни жертва обычно женщина, – проворчала Мина, затем нагнулась, зачерпнула ладонью мокрый снег и слепила аккуратный снежок.

– Думаю, главная причина все же залегает глубже, – сказал Винсент и остановился. – Женщина дает жизнь, поэтому ее смерть – большая трагедия. В каждом таком случае умирает не только она, но в ее лице и все человечество, которое ей суждено продолжить. Думаю, именно так это и понимает наше подсознание. Мужчина более... заменим, что ли. Ну и насчет реальной жизни: здесь вы правы. Лучший способ справиться с тем, что тебе недоступно, – уничтожить его.

– И все-таки инсценировка убийства человека меньше всего похожа на волшебство, – заметила Мина. – Если я зарублю кого-нибудь мечом, а потом продемонстрирую этого человека целым и невредимым и тем самым открою, что меч был ненастоящий, кого это может впечатлить?

Она остановилась и взвесила в руке идеальный снежный мячик.

– Вы опять забываете о символическом аспекте, – напомнил Винсент, опасливо косясь на снежок. – Если я распиливаю человека надвое, то тем самым лишаю его жизни, верно? И то, что потом этот человек оказывается живым и невредимым, свидетельствует о том, что я воскресил его из мертвых. Это и есть то, что на самом деле демонстрируют классические трюки, какими бы избитыми они нам ни казались. Власть над жизнью и смертью.

Винсент быстро взглянул на часы. Мина, похоже, не подозревала, что ее обеденный перерыв давно закончился, и Винсент надеялся продержаться еще некоторое время. Они вышли на берег, поросший кустарником. Лодки у причальных мостиков еще не появились, и нетронутая гладь воды выглядела как опрокинутое черное зеркало. Винсент провел ладонью по черным веткам. В перчатках застряли кристаллики льда.

– То есть мы ищем преступника с комплексом Бога, – сделала вывод Мина. – Преступника, которого трюки завели слишком далеко и который начал убивать по-настоящему. Можно так сформулировать ваши профессиональные выводы по поводу профиля? Человек, помешанный на власти и решивший поиграть в Бога?

– Не совсем... – Винсент вздохнул. – Обе найденные женщины не жертвы неудачных трюков. Здесь очень не хватает

последней стадии – воскрешения, которая опущена вполне осознанно. А тот, кого мы ищем, представляется мне конечным безумцем. И в то же время нет.

Мина посмотрела на менталиста и нахмурилась.

– Я много думал об этом, – продолжал Винсент. – С его психикой что-то не так. С одной стороны, он достаточно рационален, чтобы сконструировать ящик, спланировать похищение и пометить тело жертвы цифрой. Но при этом сами убийства несут явный отпечаток безумия. В них нет и намёка на ту хирургическую взвешенность, которой отмечен процесс подготовки.

– Но чтобы провести меч сквозь тело жертвы и попасть в отверстие на противоположной стенке, нужна ведь твердая рука, так? И точность?

– Точность – вне сомнений, а насчет руки... скорее набитая, чем твердая, я бы сказал так. Отсутствует ощущение холодного дистанцирования от содеянного. В его душе бушевала буря, простите... для кого вы слепили этот снежок?

– На случай, если еще какая-нибудь собака захочет ко мне приблизиться.

Винсент старался сохранять невозмутимость, но слова Мины пробудили в нем неприятные воспоминания. Мысли о трюках и смерти, от которых ладони тут же вспотели. Он должен был собраться, любой ценой сохранить ясность мысли. Винсент приложил к щеке перчатку, ощутив на коже колючие льдинки. Он надеялся, что Мина ничего не заметит.

– Сейчас наша главная задача – предотвратить следующие два или три убийства, – сказал он, – вне зависимости от того, что там думают обо мне ваши коллеги. Мне совсем не нравится этот обратный отсчет – но что имеем, то имеем. И мне больше некуда деваться, вы втянули меня в это дело по самые уши. С учетом того, что между первыми двумя убийствами прошло около месяца, в нашем распоряжении примерно столько же времени. А теперь... – Винсент как будто задумался. – Я хотел бы видеть место, где нашли ящик.

– Но там уже побывали криминалисты, – удивилась Мина. – Заградительную ленту давно убрали. Крайне маловероятно, чтобы там осталось что-нибудь, что еще не занесено в протоколы.

– Тем не менее я хочу это видеть. До сих пор мне не приходилось составлять такие профили, но я думаю, что пройти по следу преступника нелишне. Я должен видеть не только как, но и где он действовал. Вы сами-то там были?

– Нет. Педер выехал туда сразу, как нашли ящик. Могу попросить его проводить вас. Вы должны сработаться. Педер как лабрадор – любит всех, включая менталистов.

– Спасибо, – ответил Винсент.

Снова появилась молодая женщина в пуховике. Она остановилась за спиной у Мины на достаточно большом расстоянии, чтобы Винсент не мог разглядеть, кто она такая. На этот раз женщина помахала ему, но Винсент притворился, что ничего не заметил. Сейчас он не хотел видеть никого,

кроме Мины.

– То есть ввязались по самые уши, вы сказали? – Она улыбнулась и бросила в него снежок. – Вот и отлично!

Снежок оставил мокрое пятно на рукаве его куртки и упал на землю.

– Да, как мне кажется... – Его голос дрогнул, когда Винсент посмотрел Мине в глаза. – То есть... я имел в виду расследование.

Он ничего не знал о ее личной жизни, они виделись всего несколько раз. При этом Винсент ощущал присутствие Мины как нечто естественное, и это казалось ему странным. Даже когда Винсент не видел ее, она была с ним. Подспудно, что ли, как и все, без чего он не мог обойтись. Как циркулирующая в жилах кровь или воздух, которым он дышал, сам того не осознавая.

Винсент не мог припомнить ни одного такого случая, когда бы он так относился к новому в его жизни человеку. Скорее, напротив: проходили годы, прежде чем он пускал кого-то в свою жизнь. Но с Миной все вышло иначе. Винсент уже успел привыкнуть к ней. Она была... кровью в его жилах, о которой он не думал. И в этом, похоже, заключалась разница между менталистом и настоящим полицейским.

– Кстати, – сказал Винсент, – тот случай, который вы списали на самоубийство...

– Агнес Сеси?

– Да, она. У нее в теле ничего подозрительного не обна-

ружили? Я имею в виду вещества...

Мина так и застыла на месте.

– Меня с самого начала что-то смущало в этом материале, – пробормотала она. – И теперь я, кажется, знаю, что именно.

* * *

День выдался погожий. Светило солнце, и снег начинал таять.

Он любил хорошую погоду, но и дождь по-своему тоже. Особенно сразу после дождя, когда в воздухе пахнет свежестью. Как будто мама с папой только что застелили свежую постель. Он любил свежую постель. И маму с папой. И любил любить, потому что от этого в желудке разливается такое приятное тепло...

Знал он и что такое боли в желудке, и это было то, чего он совсем не любил. Правда, такое случалось с ним не так часто, но просто недомоганием дело никогда не ограничивалось. Оно непременно переходило в страшную, кошмарную боль.

Мама и папа говорили, что это оттого, что он сует в рот что попало. И он понимал, что родители правы, но уж очень любил пробовать на язык незнакомые предметы. Перекатывать их во рту было почти так же приятно, как и стрелять из рогатки. Не совсем так, конечно, но почти.

– Привет, Билли!

Он наклонился, чтобы погладить маленького кокер-спаниеля, которого встречал на улице каждый день. Собака радостно подпрыгнула и ткнулась носом ему в лицо. Почесав у Билли за ушами, мальчик поблагодарил его хозяйку, как делал это всегда, и продолжил свой путь к поляне в лесу.

Благодарить – это важно. Мама повторяет это, пожалуй, слишком часто, но ведь он так легко все забывает...

На поляне он запустил руку за большой пень. Бутылки были на месте. Иногда их там не оказывалось, и это очень его огорчало. Но он не мог хранить их у себя в комнате, поэтому не оставалось ничего другого, как только надеяться на лучшее.

Мальчик аккуратно расставил бутылки на пне – по три в ряд, на одинаковом расстоянии. Отошел на пятьдесят шагов – до места, которое сам отметил. Здесь была глина; хорошо, что мальчик взял с собой резиновые сапоги. Очень важно на каждой тренировке стрелять с одного и того же расстояния, иначе как сравнивать результаты?

Камушки он выбирал тщательно. Мог часами лежать на гравийной дорожке перед домом в поисках того, что нужно. Некоторые, конечно, тут же совал в рот. Ему нравилось сосать камушки, трогать их языком. И те, которые он взял сегодня, были лучшие. Мальчик взвесил камушки на ладони. Выбрал один – блески так и переливались на солнце. Вытащил рогатку из заднего кармана брюк. Хорошая рогатка, то-

же любимая. Древяк блестит от долгого использования, как отполированное, и идеально ложится в руку. Мальчик обхватил рогатку ладонью. Теперь он с ней единое целое. Осторожно вложил камушек в резинку, прищурил один глаз и... отпустил. Камушек попал прямо в середину этикетки, и бутылка опрокинулась назад.

– Bravo! Отлично!

Мальчик подпрыгнул от неожиданности. Он и не заметил, что за ним кто-то наблюдает. В общем, он ничего не имел против публики. Стрелять вдвойне приятно, если это доставляет кому-то удовольствие.

– А сейчас я попаду в пробку... – Он вложил в резинку следующий камушек. – Вот, смотрите...

Мальчик прищурился еще раз, прицелился... Есть! Камушек ударил прямо в светло-зеленую пробку. Бутылка закачалась и повалилась на бок.

– Вау! Да ты стрелок!

Мальчик любил, когда ему аплодировали. Это вызывало у него приятную дрожь во всем теле. Он взял третий камушек, быстро прицелился и выстрелил. Мальчик хотел в полной мере продемонстрировать свое искусство, прежде чем зритель уйдет, – обычно они не задерживались надолго. И третья бутылка упала так же красиво, как и первые две.

– Ну, знаешь, это заслуживает приза. Ты же будущий чемпион мира! Пойдем, моя машина тут недалеко. Думаю, там отыщется приз, который тебе понравится...

По телу разлилось тепло, словно от большой радости. Мальчик любил призы, хотя в жизни не получил ни одного. Люди почему-то считали, что таким, как он, призы не полагаются.

Радостный, он побежал к машине. Она оказалась большой – значит, и приз должен быть стоящим. Может, даже не хуже огромного резинового гуся, которого мальчику так и не дали в парке «Грёна Лунд»...

– Давай, полезай в машину! Приз там... Сам поймешь, как только его увидишь.

Сердце так и колотилось, когда мальчик сел в машину. Ну, наконец-то – приз! Огромный, самый красивый – приз!

* * *

Мильда Юрт чуть не плакала. Она несколько раз подходила к телефону, чтобы позвонить, но в результате так и оставалась сидеть с трубкой в руке. Она в полиции двадцать пять с лишним лет и до сих пор редко когда ошибалась.

Мильда была аккуратна, относилась к работе со всей серьезностью. Она чувствовала ответственность перед жертвами и их семьями, которые заслуживали правды. Но и полиции, и суду старалась предоставить самую точную информацию, чтобы преступник не ушел от наказания.

И вот с некоторых пор все полетело вверх тормашками.

Не на работе даже, а дома. До сих пор Мильда и мысли не допускала, чтобы это каким-либо образом сказалось на работе. Теперь же становилось все очевиднее, что она дала маху. И этой ошибки, по-видимому, никогда не сможет себе простить...

Она потянулась за фотографией на письменном столе – одним из немногих напоминаний о семье в ее рабочем кабинете. Дома Мильда всю практикувала метод Конмари¹⁰, поэтому выбросила все, без чего, так или иначе, могла прожить и что не добавляло радости в ее жизнь. После развода, вот уже пятнадцать лет как, занималась детьми только сама, поэтому у бывшего мужа не было ни малейшей возможности хоть в чем-то нарушить установленный Мильдой порядок.

Этот снимок был сделан несколько лет тому назад на пляже в Фалькенберге, куда они ездили навесить сестру Мильды. Вера и Конрад выглядят счастливыми, загоревшими. Волосы длинней обычного, лица в веснушках. Мильда придумывала имя каждой веснушке, и детям очень нравилась эта игра. Каждый день – новое имя. Конечно, далеко не всегда получалось уделять им достаточно внимания, потому что Мильда слишком много вкладывалась в свою работу.

Их отец тоже старался как мог. И все же Мильда решила, что будет разумнее с ним расстаться. Было слишком очевид-

¹⁰ Метод Конмари – система организации пространства, созданная японкой Мари Кондо (р. 1984) и позволяющая создать вокруг человека обстановку, в которой всё приносит ему радость; если же вещь, которую он взял в руки, не пробуждает в нем приятных эмоций, от нее надо избавиться.

но, откуда растут ноги у проблем Конрада. Мильда думала, что сделала все возможное, чтобы Конрад не пошел по этой дорожке. Чтобы не стал, как его папа, который в жизни нигде не работал, кроме того шведского бара в Лас-Плайас на Гран-Канария, где он играл на гитаре. Где же она могла допустить ошибку?

До сих пор ведь как будто все получалось. У нее с детьми было все необходимое. Но, похоже, иметь готовые ответы на руках еще не значит решить задачу. Или же все вышло случайно. А может, дело в генетике – слишком все это сложно... В общем, так или иначе, но со временем фокус сместился, и Мильда вот уже много ночей вместо того, чтобы спать, бродила по улицам в поисках Конрада. Неудивительно, что потом никак не получалось сосредоточиться на работе, и Мильда напрочь утратила свою знаменитую зрительную хватку, глаз-алмаз, которым так гордилась.

Но последняя ошибка... нет, этому не может быть никакого оправдания.

Мильда подняла трубку и собиралась уже набрать номер, когда раздался стук в дверь. Она откашлялась.

– Войдите.

На пороге возникла Мина, неся в руках папки по обеим жертвам. Мильда слишком много работала с этими потрепанными бумагами, чтобы не узнать их с первого взгляда. Она кивнула и положила трубку. Необходимость в звонке отпала.

Педер думал о последнем разговоре с Миной. Она просила его о «большом одолжении» – показать Винсенту Вальдеру место находки ящика.

Он сомневался бы гораздо больше, если б не Мина. Педер давно уже ничего не слышал о Винсенте Вальдере и не знал, что тот до сих пор числится консультантом группы. Но Мина нравилась Педеру, и огорчать ее не хотелось. Кроме того, это означало лишний раз отлучиться из дома – подспудное желание, возможно, несправедливое по отношению к жене Педера, которая на это время останется одна с тремя детьми, но что-то в его душе ликовало от радости.

– Мне нужно съездить на работу, – сказал он, целуя Анетту в щеку. – Звони, если что-то будет нужно.

Анетта выглядела не менее измотанной, чем Педер таковым себя чувствовал. Ни он, ни она не спали больше часа за раз с тех пор, как три месяца назад Анетта родила тройню. Педер и не мечтал о таком подарке на Рождество. Молли сосала из бутылочки на руках матери, но соска съехала набок, а Анетта этого не замечала. Педер осторожно поправил соску и сунул в рот дочери, которая принялась жадно поглощать заменитель материнского молока.

– Те двое пока спят. Будем надеяться, что это еще на несколько часов.

Педер оглянулся на Мейю и Майкена, которые лежали в снятых с колес лежаках детских колясок.

– Неудивительно, что они спят, после того, что вытворили всю ночь, – раздраженно ответила Анетта.

– Послушай, мы выживем. Мы сделаем это вместе. Ты не успеешь сказать «хоп!», как сама будешь смеяться над всем этим.

– Хоп!.. Что-то не больно смешно...

– Стисни зубы еще на пару часов. Я вернусь сразу, как только освобожусь. А на следующей неделе обещала быть твоя мама. Нам сейчас как нельзя кстати лишняя пара рук.

– Вот уж никогда не думала, что буду так ждать маму в гости...

– Нам выпало большое счастье, дорогая. Просто сейчас мы слишком устали, чтобы его оценить... Ну, я убегаю. Звони, если что-нибудь понадобится.

– Звони, – упавшим голосом повторила Анетта. – Ха-ха... Не знала, что я замужем за комиком.

Усиленно моргая, Педер пробирался к машине. Он страшно боялся садиться за руль. С легким шлепком открыл банку «Нокко», которую прихватил из холодильника. В отделе энергетических напитков он сейчас первый покупатель. Они – единственная возможность продержаться хоть какое-то время. Вот только почему туда кладут так мало кофеина? Ста восьмидесяти миллиграммов для отца троих детей хватает ненадолго...

По радиции сообщили о пропавшем мальчике, которым сейчас активно занимались коллеги из общего отдела. Роберт, он же Боббан. Страдает задержкой умственного развития. Очень может быть, что никакого преступления здесь нет, как подсказывал Педеру опыт. При известной доле везения мальчик скоро обнаружится где-нибудь в лесу. Или в какой-нибудь другой, не слишком шумной части города. Однажды они несколько дней искали пятилетнего сорванца, который сел в поезд и уехал к бабушке в Копенгаген. И его никто не остановил. А датская полиция даже подбросила его на своей машине от станции до бабушкиного дома. Хорошо, что бабушка связалась со шведской полицией, как только внук появился у ее дверей...

Педер переключил на молодежный канал, который приистрастился слушать регулярно, с тех пор, как стал отцом троих детей. Сворачивая на парковку возле «Грёна Лунд», увидел Мину и Винсента. Менталист пробудил его любопытство, хотел того Педер или нет. Они с Анеттой были на его шоу года три тому назад, и оба вышли из зрительного зала глубоко впечатленные. Педеру так и не удалось разгадать ни одного трюка.

Ветер трепал полы черного пальто Винсента. «Классика» – вот слово, которое первым приходило в голову при виде спутника Мины. Как в черно-белом кино. Уже в отделении полиции Педеру подумалось, что примерно так должен был выглядеть и он сам. Но у Винсента, конечно, не было

дома троих громкоголосых близнецов...

Педер припарковался и поспешил к Мине и менталисту. Он заметил, как вздрогнул Винсент, когда ему в лицо ударил порыв ветра.

– Здравствуйте, Винсент. – Педер приветливо пожал ему руку.

Винсент на несколько секунд задержал ладонь полицейского в своей. Рукопожатие показалось ему на удивление крепким для такого измученного на вид парня.

– Выглядишь неважно. – Мина наморщила нос, кивая коллеге.

– Они просыпались по очереди всю ночь, – пожаловался Педер.

Винсент сочувственно прикрыл глаза. Боже мой... Он по своему опыту знал, что такое трое детей, но в его случае, по крайней мере, разница между самым старшим и младшим составляла десять лет. Страшно даже представить себе, что они вытворяли бы все одновременно. Педер еще хоть как-то держится на ногах...

– Удивительно, что вы вообще сюда приехали, – заметил Винсент не без восхищения. – Сон в высшей степени интересная штука. Известно ли вам, к примеру, что мы до сих пор точно не знаем, каким образом переключаемся в это странное состояние?

– Нет... даже не задумывался об этом.

Педер медленно пошел к парковым воротам. Мина и Вин-

сент последовали за ним.

– Правда, двум исследовательским группам удалось обнаружить нечто, что они назвали «сонной кнопкой», – продолжал Винсент. – Впоследствии ее назвали немурри, что японски означает «сон».

– Вот как...

– Исследования проводились на банановых мухах; у них и был обнаружен ген, управляющий «сонной кнопкой».

– Банановых мухах? – переспросил Педер, указывая на вход.

Он сам удивлялся собственной заторможенности. Обычно Педер воспринимал информацию лучше, даже если спал на ходу.

– Винсент, – раздался сзади голос Мины. – Вы опять в роли ходячей «Википедии»?

Менталист кивнул и замолчал.

Заброшенный по окончании сезона парк аттракционов – жуткое зрелище. Ни смеха, ни криков, ни музыки со стороны большой сцены. Не скрипят качели на фоне непрекращающегося рокота тысячеголосой публики.

– Вот здесь стоял ящик.

Педер показал рукой перед воротами. Потом достал снимки из криминалистического отчета и протянул Винсенту, который тут же принялся внимательно их изучать.

– И что... у криминалистов никаких зацепок? – спросил он. – Ничего такого, что могло быть связано с убийством?

– Больше ничего на сегодняшний день. – Педер потер глаз, в который попала соринка. – Разумеется, они взяли множество проб, но результатов еще надо дожидаться. На этой стадии расследования с учетом специфики места очень сложно определить, какие артефакты имеют отношение к ящику, а какие были здесь до его появления.

– Это так, – кивнул Винсент, обшаривая взглядом землю. – А вы знаете, что систематическое недосыпание чревато серьезными побочными эффектами? – неожиданно спросил он. – Увеличивается риск множества заболеваний, не говоря об ухудшении памяти и ослаблении иммунитета.

– Но... – Педер откашлялся.

– Болезнь Альцгеймера, ожирение, хронический алкоголизм – не самые страшные из возможных последствий, – продолжал Винсент. – В условиях недостатка сна мозг рискует оказаться перегруженным, потому что именно сон помогает нам забывать ненужное.

– То-то я заметил, что не все парковые лошади вернулись домой по окончании сезона, – перебил его Педер. – И мне кажется, не я один...

Последнюю фразу он произнес совсем тихо и глядя на Мину. Но Винсент ее услышал. Он всего-то хотел лишь поделиться полезной информацией – и вот она, благодарность... В глубине души он осознавал, что иногда перегибает палку. Вот и сейчас, похоже, сболтнул лишнего. Но что из сказанного лишнее? На этот вопрос не смог бы, пожалуй, ответить

и сам Педер.

Винсент присел, изучая место, где стоял ящик. Кусочек заградительной ленты рвался на ветру, как будто хотел улететь. Мина стояла рядом, сложив на груди руки и чуть заметно дрожа. Мороз выбелил ее лицо, оставив ярко-красными одни губы. Винсент знал, что Мина не пользуется косметикой, но эти губы так и горели на бледной коже, при том что Винсент не имел ни малейшего понятия о том, как они должны выглядеть в обычном состоянии.

Он прокашлялся и, снова сосредоточившись на месте страшной находки, медленно проговорил, как будто продолжая прерванную лекцию:

– В прежние времена люди садились спать, а не ложились...

Провел рукой в перчатке по круглым камням. Когда ящик нашли, здесь лежал снег. То есть все, что только не смели криминалисты в отчаянной охоте за ничтожнейшими уликами, кануло в Лету вместе с этой зимой. По правде говоря, он рассчитывал на большее. Надеялся на звоночки из подсознания, которое всегда начеку и сохраняет все, что ускользает от нашего внимания.

– Поэтому выставленные в музеях кровати такие короткие, – продолжал Винсент, все еще на корточках. – В семнадцатом столетии доктора полагали, что спать лежа вредно. Якобы пища может переместиться через гортань к голове... Черт, ну и ветер сегодня.

Он поднялся, ощутив сильный щелчок в колене.

– Ваш случай – экстремальный вариант так называемого двухфазного сна. Время сна поделено на два этапа. Когда-то считалось нормой ложиться в восемь вечера, просыпаться около полуночи, бодрствовать около двух часов и засыпать снова.

Винсент внимательно посмотрел на Педера, превратившегося в ходячий вопросительный знак.

– То есть ты такой заторможенный и толстый, потому что мало спишь, – перевела Мина.

– Ага... ну спасибо, обязательно передам жене.

– Как скоро нашли ящик? – спросил Винсент, снова вперив взгляд в землю.

– Рано утром. Его обнаружили пассажиры катамарана из Сёдера, проплывавшего здесь как раз в это время.

– Похоже, скорое обнаружение – это то, на что он рассчитывал, – пробормотал Винсент. – Но убили ее не здесь.

– Похоже на то, – согласился Педер, – для места убийства слишком мало крови. Ящик перевезли сюда, когда она была уже мертва, судмедэксперт в этом почти не сомневается.

Выбор места говорил сам за себя, равно как и вид ящика. Открытая, хорошо просматриваемая площадка, где всегда много людей. Убийца хотел, чтобы ящик бросался в глаза и чтобы тело нашли сразу. Вопрос – зачем? И опять слишком много хорошо продуманных деталей.

– Этот тип ничего не оставляет на волю случая, – сказал

Винсент, повернувшись к Мине. – Он ведь рисковал, когда перевозил сюда ящик, и хорошо бы знать, с какой целью.

Холодный ветер налетел с новой силой. Теперь вид у Ми- ны был совсем жалкий. Винсент мог предложить ей свое пальто, но она, конечно, взяла бы его не раньше, чем после обработки каустической содой. Гораздо разумней при- гласить ее в какое-нибудь местечко потеплее, когда все за- кончится.

– Теперь я увидел все, что хотел. – Винсент вскинул голо- ву. – Спасибо, Педер.

Полицейский слегка покачивался и выглядел так, будто усталость накатила на него с новой силой.

– Пospите часок в машине, а потом поезжайте домой, – посоветовал Винсент, трогая Педера за плечо. – Вам нель- зя рисковать. В вашем состоянии быстрота реакции и когни- тивное восприятие могут снизиться на восемьдесят процен- тов.

– Но... мне нужно домой, – повторил Педер.

– Пospите часок, – настаивал Винсент. – У вас маленькие дети, а статистика автомобильных аварий...

Педер сделал останавливающий жест рукой.

– Вы меня убедили, спасибо.

– Пожалуйста, если действительно убедил, – улыбнулся менталист.

– Только не говорите об этом моей жене.

Педер пригнулся и, преодолевая встречный ветер, пошел

к своей машине.

Мина повела Винсента к своей. Когда садилась за руль, ей пришла в голову хорошая идея.

– Вы очень спешите? – Она повернулась к Винсенту. – Успеете выпить со мной чашку кофе?

Она затаила дыхание. Возможно, предложение прозвучало глупо, но ей не хотелось расставаться с менталистом так сразу. Мине показалось, что глаза Винсента блеснули радостью – или это лучик солнца отразился от зеркальной поверхности машины... В солнечном свете волосы менталиста казались еще светлее, почти белыми. И Мина невольно задавалась вопросом, естественный это цвет или краска. Как бы то ни было, этот оттенок ей нравился.

– Конечно, – согласился Винсент. – «Хассельбакен», наверное, открыт.

Он кивнул на зеленое деревянное здание чуть выше по склону холма, как раз над парковкой. Мина кивнула, снова хлопнула дверцей и сунула ключи в карман.

– Неужели у вас нет сумочки? – улыбнулся Винсент.

– Это необычно, да? – в свою очередь спросила Мина и в тот же момент осознала, что отсутствие сумочки у молодой женщины и в самом деле выглядит необычно.

Они пошли к старому отелю.

– Мне кажется, сумочки – это слишком негигиенично, – Мина пожалала плечами. – Там скапливается масса вещей, которые, в свою очередь, собирают бактерии.

– Разве в карманах не то же самое?

Мина подняла бровь.

– Ради бога, не надо... – Она вытащила руки из карманов. – Не надо подавать мне новые идеи, старых вполне достаточно.

Винсент рассмеялся. Мине нравилось его легкое отношение к ее так называемому комплексу. Вне сомнения, за этим стояло понимание.

Она ведь ни с кем не могла обсуждать эту проблему всерьез. Другое дело – коснуться ее в шутовском тоне, указывая тем самым, что не все так страшно. Что речь идет всего лишь о небольшой странности, которую Мина полностью осознает и контролирует. Тем не менее ни с кем другим у Мины не получалось затронуть эту тему даже на таком уровне.

Винсент оказался прав – отель и в самом деле был открыт. Они устроились в фойе, за дальним угловым столиком, и заказали кофе. Когда принесли чашки, Мина заметила на себе пристальный взгляд Винсента. Он, конечно же, не мог пропустить, как она будет вытирать край чашки салфеткой, точными, выверенными долгим опытом движениями. Коллегам из полиции потребовалось куда больше времени, чтобы заметить эту ее странность, но от внимания Винсента как будто и впрямь ничего не ускользало. Возможно, дело было и в том, что на работе у Мины автоматически включался внутренний прибор самоконтроля.

Винсент тоже взял салфетку и протер свою чашку.

– Никогда не знаешь, где они хранят эту посуду, – объяснил он извиняющимся тоном и подул на горячий кофе.

Напрасно Мина высматривала в его взгляде искорки снисходительности или каких-либо других свидетельств того, что он считает ее сумасшедшей. Ничего такого не было. Она попробовала кофе. Разливающееся по телу тепло казалось вдвойне приятным после прогулки на холодном воздухе. И главное, рядом с Винсентом Мина не чувствовала себя отщепенкой вне людского общества. Если она и была отщепенкой, то только в компании с ним. Очень непривычное ощущение, по-своему приятное.

– Вы довольны прогулкой? – спросила Мина.

– И да, и нет. Там ведь не осталось никаких следов, как вы и говорили. Слишком людное место. Но, – Винсент поднял указательный палец, – похоже, я понял, с какого типа преступником мы имеем дело. Прежде всего мне бросились в глаза две вещи. Во-первых, то, что он не побоялся оставить тело в таком публичном месте, и, во-вторых, никто не заметил ничего особенного. То есть мы имеем дело с преступником, который хорошо умеет сливаться с толпой.

Мина задумчиво хмыкнула, и оба они замолчали. Винсент нарушил тишину первым:

– Вы вообще хорошо знаете историю парка «Грёна Лунд»?

– Совсем не знаю. – Мина покачала головой, повернувшись к официантке, которая хотела было направиться к их столику.

– Это ведь наш старейший парк аттракционов. Шведский «Тиволи»¹¹, так сказать. Основан в тысяча восемьсот восемьдесят третьем году. В тысяча девятьсот двадцать четвертом году у него появился конкурент в лице передвижного парка развлечений «Нёйет», который расположился прямо напротив.

– Теперь, кажется, припоминаю, – оживилась Мина. – Там была какая-то любовная история?

– Именно. Юноша из семьи директора передвижного парка и дочь владельцев «Грёна Лунд» полюбили друг друга. Они поженились и стали совместно управлять сначала «Нёйетом», а потом и «Грёна Лундом». Их дочь Надя оставалась директором парка вплоть до две тысячи первого года.

– Романтика... – Мина прищелкнула языком.

Ей не хотелось, чтобы это прозвучало с иронией. Просто романтика – это тоже не ее.

– Человеческие аттракционы – вот что для меня наиболее интересно во всей этой истории, – заметил Винсент.

– Человеческие аттракционы? – переспросила Мина. – Что-то вроде шоу уродов?

Она поморщилась. Одна мысль о том, что можно показывать людей за деньги только потому, что они не похожи на остальных, приводила Мину в ярость. Интересно, под каким соусом они подали бы ее? «Мина – женщина без бактерий! Вы только посмотрите, как она моется! Понюхайте ее алко-

¹¹ «Тиволи» – парк аттракционов в Копенгагене.

гель!»

– В «Грёна Лунде» можно было увидеть настоящее африканское племя, – пояснил Винсент, отвечая на вопрос Мины. – И сказочный город лилипутов, жителей которого собирали по всем немецким землям. Ну и стриптиз, конечно...

– Лучший семейный отдых, – подвела итог Мина.

Глаза менталиста сузились, как будто он к ней присматривался.

– Люди находят удивительным то, к чему не привыкли, – продолжал Винсент, осторожно опуская чашку на стол. – Они считают, что их нормы должны распространяться на всех, и сильно раздражаются, если кто-то не следует их правилам. Выпавшим из обоймы издавна воздавали почести, но их же привязывали к позорному столбу. Вы ведь тоже не считаете меня вполне нормальным? Я не из тех, с кем приятно поболтать за чашкой глэгга¹² на Рождество, согласитесь. Мы с вами уникальны, Мина, и платим за это. Но запомните одну вещь. Другие могут властвовать над вашей жизнью лишь в той мере, в какой вы им это позволите. Так пусть пялятся и платят за удовольствие, если им так нравится. Пусть болтают, к вам это не имеет никакого отношения.

Мина отвернулась на «Тиволи» у подножия холма, избегая встречаться взглядом со своим собеседником. Моргнула несколько раз. Все-то просто у этого менталиста... Но на самом деле все очень сложно. Она решила было рассказать

¹² Глэгг – шведский вариант глинтвейна.

о клубе анонимных алкоголиков, но передумала. Для этого они с Винсентом Вальдером недостаточно хорошо знают друг друга. И, может, так никогда и не узнают.

– Гении вроде нас с вами всегда за гранью понимания. – Менталист криво усмехнулся.

– Ценю вашу скромность. – Мина улыбнулась в ответ. – Кстати, о гениях... один из них не так давно разговаривал с Мильдой Юрт.

– С Мильдой...

– Нашим судмедэкспертом. Это она проводила вскрытие Агнес Сеси и сообщила мне о порезах на ее теле. Помните, вы еще спросили о каких-то веществах в ее организме?

– Так... – Винсент заинтересованно склонился над столом. – Предчувствую большое «но»...

– Она допустила ошибку, – сказала Мина и тоже облоко-тилась на стол. – Забыла направить пробы на токсикологический анализ, хотя это рутина...

– Ой, – вырвалось у Винсента.

Мина кивнула. Раскаяние Мильды было глубоким и искренним. Она прекрасно осознавала последствия своего проступка.

– Человеческий фактор, – пожав плечами, Мина вздохнула. – Что и говорить, Мильде придется несладко.

Винсент барабанил пальцами по столу. Один и тот же ритмический рисунок, снова и снова. Мина заметила, что начала двигать в такт под столом ногой, и сразу опомнилась.

Она ждала, пока менталист переварит только что полученную информацию.

– Так в чем там дело? – медленно спросил он и перестал стучать.

– Мильда связалась с прокурором, а я проинформировала Юлию. Мы будем требовать эксгумации, и как можно скорее. С учетом обстоятельств решение желательно получить уже сегодня и немедленно взять пробы. Мертвые тела быстро разлагаются. Чем больше задержка, тем выше риск потери материала. Все это ставит перед нами проблемы чисто практического характера – служители церкви, техника, землекопы, наконец, люди, отвечающие непосредственно за захоронения. Криминалисты должны подъехать прямо на кладбище. На то, чтобы организовать такое количество людей, обычно уходят недели.

Винсент поднялся и взял телефон.

– Думаю, что смогу помочь вам, по крайней мере, в двух пунктах. Если возьмете на себя служителей церкви и криминалистов, я позабочусь о технике и землекопах.

– Но это не так просто. Переговоры, разрешение – на это нужно время...

– Вам – возможно, но ведь я не работаю в полиции. Вам ведь не обязательно разъяснять всем и каждому, куда вы звоните. Вы ведь ищете возможность получить разрешение, или как?

Пока они разговаривали, фойе успело заполниться

людьми. Теперь, чтобы поговорить по телефону без помех, нужно было отойти к регистрационной стойке.

– Землекопы? – Мина недоуменно улыбалась. – Не знала, что ваши связи простираются так далеко.

– Вы еще многого обо мне не знаете, – заверил ее Винсент.

И это очень походило на правду. Менталист оставался тайной за семью печатями. Или невскрытым подарком, как подумалось Мине, прежде чем она успела отогнать эту мысль прочь. При этом с ним было легко, и Мина, у которой вечерами едва хватало сил на то, чтобы дойти до кровати, наслаждалась непривычным чувством расслабленности.

Она повертела головой и глотнула кофе в ожидании Винсента.

Когда официантка с кофейником предложила еще, Мина охотно согласилась. Как всегда, тщательно протерла салфеткой край чашки, прежде чем поднести ее к губам. И на этот раз даже не думала ни от кого прятаться. Со стороны входа доносился голос Винсента, но слов она не разбирала. Мина улыбалась, убеждая себя, что разливавшееся по телу тепло – от кофе.

Апрель

Уже у входа в отделении полиции они остановились, и Гуннар бережно взял Мэрту под руку. Он чувствовал, как она дрожала под коричневым шерстяным пальто, слишком теплым для такой погоды. Была уже настоящая весна, и воздух успел основательно прогреться, но пожилых супругов совершенно не заботило, во что они одеты. Гложущее беспокойство, невыносимое ощущение того, что что-то идет не так, заглушало все остальные мысли и чувства.

– В любом случае это не помешает, – заметил Гунар.

Мэрта как будто все еще сомневалась, но муж мягко потянул ее к двери. Он знал, что она думает. После шестидесяти лет совместной жизни Гуннар безошибочно узнавал и этот страусиный инстинкт сунуть голову в песок, и то, как Мэрта пыталась его сейчас в себе побороть. Ничего ведь не случилось, пока они об этом не знают. Гуннар никак не мог с этим согласиться. Он звонил, искал и сутками напролет караулил у телефона. Вспоминал имена, которые она упоминала вскользь, и выходил на людей, с которыми она, быть может, не была даже знакома. Он никогда не придавал им значения, и вот теперь радовался, что они отложились в памяти. Но ее нигде не было. А между тем приближалась Пасха – праздник, который они всегда отмечали вместе...

Гуннар был священником вот уже сорок лет, и чем стано-

вился старше, тем реже разговаривал с Господом. Не то чтобы его вера пошатнулась, совсем наоборот. Она порядком окрепла с тех пор, как он, молодой и восторженный, впервые надел сутану. Просто Гуннар научился воспринимать Господа как должное, и теперь ему не нужно было ничего делать, чтобы ощущать Его постоянное присутствие. Быть может, в этом и выражалась гордыня, за которую Гуннару было суждено понести наказание. Этого он не знал. Знал только, что однажды лодка вернулась без нее, – и с тех самых пор не переставал молиться.

– Простите, – начал он, осторожно приблизившись к окошку регистрационной стойки.

За стеклом сидела молодая женщина с приветливыми глазами. От ее улыбки сразу потеплело на сердце. Гуннар умел радоваться радостью других и сам старался распространять вокруг себя как можно больше радости, как дома, так и во время службы.

Но сегодня в его груди не было места ни радости, ни даже надежде. Хотя Мэрта все еще надеялась, и в глубине души Гуннар не мечтал ни о чем другом, как только о том, чтобы на этот раз она оказалась права. Но он слишком хорошо знал эту тишину, которая словно схлопывалась вокруг, когда Гуннар в отчаянии возносил очередную молитву. Он больше не ощущал присутствия Господа, как ни старался. Ничего, кроме пустоты.

– Мы хотим заявить о пропаже человека, – начал Гуннар,

привлекая к окошку Мэрту, чтобы женщина за стеклом видела и ее тоже.

– Кто этот человек, о пропаже которого вы хотите заявить? – Улыбка на лице женщины сменилась выражением теплого участия.

«Она ведь ко всему привыкла на этой работе», – подумал Гуннар. Эта женщина, каждый день принимавшая такие заявления, просто не могла чувствовать глубину их отчаяния и, быть может, даже не воспринимала их горе всерьез.

Не снимая перчатки, Мэрта достала из сумочки фотографию и просунула в щель под стеклом. Этот снимок они выбирали вместе. Его сделал Гуннар в парке возле их дома в уппланском Весбю, на карусели. Она сидела с мальчиком на руках на деревянной лошади. Это был счастливый день. Ее глаза светились, и не только от солнца. В них отражалось то, что Гуннар называл божественным светом. Она никогда не была верующей – во всяком случае, не так, как он и Мэрта. Разве по-детски радовалась Рождеству и Пасхе, их совместным семейным праздникам. Но с детства любила, когда Гуннар говорил про божественный свет внутри ее. Гуннар надеялся, что женщина за стеклом тоже это разглядит. Поскольку тот, кто несет в себе божественный свет и вдобавок держит на руках такого мальчика, не может исчезнуть добровольно.

– Это наши внучка и правнук, – пояснил Гуннар. – Пару недель тому назад она собиралась на морскую прогулку, да вот так и не вернулась. А на днях мы узнали, что даже и не

отправлялась. Исчезла около месяца тому назад. Линус, ее сын, все это время жил у нас. Он скучает по маме.

– У вас есть основания подозревать, что она могла исчезнуть по собственной воле? – спросила женщина.

Теперь, когда у нее между бровей залегла глубокая морщинка, сомнения Гуннара развеялись окончательно. Слава богу, она воспринимала их всерьез.

– Наверное, нам стоило бы поговорить с кем-нибудь из полицейских, – робко предложила Мэрта и покачнулась.

Гуннар инстинктивно подхватил жену под руку. Давление плюс стресс – не самая подходящая компания для игр.

Следующие несколько минут супруги ждали, а женщина разглядывала фотографию. Наконец она кивнула.

– Вам непременно нужно поговорить с кем-нибудь из полицейских. Сейчас я им позвоню. Как зовут вашу внучку?

– Тува, – ответил Гуннар. – Ее зовут Тува.

* * *

По крайней мере, выглядел он не слишком грубально. Винсент остался доволен. Для его шоу очень важно, чтобы публика могла расслабиться. Даже более того, ему нужна вменяемая публика. Уверенная в себе, с чувством юмора. И гора мускулов со сложенными на груди руками на краю сцены меньше всего этому способствует. Хотя Умберто вряд ли имел возможность выбирать.

Винсент поздоровался с охранником, которого звали Ула.

– Она объявляется, когда я ухожу со сцены, – объяснил он. – Сам не понимаю, как это у нее получается, но она оказывается на сцене, уже когда опускают занавес. И потом проникает ко мне за кулисы.

– И чего она хочет? – спросил Ула.

Винсент пожал плечами, поднялся на сцену и занялся проверкой реквизита для сегодняшнего шоу.

– Я никогда с ней не разговаривал, – ответил он. – Работникам сцены ни разу не удавалось ее остановить. Они не заметили в ней никакой угрозы, но это ведь ничего не значит. Эта женщина ведет себя на редкость целеустремленно. На прошлой неделе я выступал в театре, где был установлен железный занавес, и ей все равно удалось пробраться. Больше всего я опасаюсь, что она испортит что-нибудь из реквизита. Или, чего доброго, пострадает сама.

Ула поднял бровь. Винсент поправил стопку кубиков Рубика и карточную колоду с изображениями знаменитых людей.

– Да, в этом чувствуется что-то нездоровое, – заметил охранник.

– Именно поэтому вы здесь.

– И все-таки я не совсем понимаю. – Ула сложил руки на груди. – Нет, я с удовольствием буду стоять за сценой всю оставшуюся часть турне и следить за тем, чтобы никто посторонний не проник за кулисы как во время, так и после

шоу. В конце концов, это моя работа. Но если она так хочет с вами встретиться, почему бы ей не пройти к служебному входу и не подождать вас там? Рано или поздно вы объявитесь...

Винсенту не нравилась эта привычка складывать руки на груди. Во-первых, эта поза с головой выдавала в Уле охранника. Но, кроме того, есть результаты исследований, и они недвусмысленно подтверждают, что люди со скрещенными на груди руками хуже воспринимают информацию. Человек автоматически замыкается на себе и закрывается от внешнего мира. Неужели Ула этого не понимает?

– Будьте добры, возьмите это в руку. – Винсент протянул охраннику колоду карт. Это был единственный способ заставить Улу сменить позу. – Вот и у меня возник такой же вопрос, – продолжал он. – Почему бы ей не подождать меня на выходе? Единственный ответ, который приходит мне в голову, состоит в том, что ее поведение по большей части нерационально. Хотя одна и та же схема повторяется из раза в раз. Она смотрит одно и то же шоу – сегодня, наверное, будет десятый раз. И после выступления испытывает импульс подняться на сцену, которому в точности следует. Она не планировала вести себя так с самого начала, но теперь просто не может остановиться. Каждый раз ей приходит в голову безумная мысль, что, возможно, именно на этот раз все получится.

Винсент серьезно посмотрел на Улу.

– Само определение безумия основывается на том, что человек совершает те же самые действия, ожидая от них другого результата. И сам я не могу объяснить это ни чем иным, кроме как... проблемами с психикой. И потом, на днях я получил вот это...

Винсент достал из кармана сложенные листки бумаги.

– Письмо? – удивился Ула. – Не знал, что люди до сих пор пишут такие.

– Сейчас этим занимаются разве старики, – объяснил Винсент, – но здесь другой случай...

Он развернул первый листок до середины и протянул Уле. Эмоциональность содержания плохо вязалась с аккуратным, почти каллиграфическим почерком.

«Я видела тебя в утренних новостях, – прочитал Ула. – Ты был там с Йенни и Стеффо и, как всегда, посылаешь мне отчетливые сигналы. Почему я не замечала их раньше? Ты прав, я и ты – мы созданы друг для друга...»

– О-о-о... – протянул охранник и покачал головой.

– До сих пор это не более чем сбитая с толку женщина, которая проецирует свои потребности на то, что видит по телевизору. Не такая уж редкость в наше время, когда люди принимают героев телешоу, даже вымышленных персонажей фильмов за своих настоящих друзей. С тех пор как в моду вошли бесконечные сериалы, которые зрители глотают сезон за сезоном, такое случается сплошь и рядом. Наш мозг просто не создан для того, чтобы отличать художественную

реальность от жизни. А в случае эмоциональной подавленности такие односторонние отношения могут стать жизненно важными. Или же, как в случае автора этого письма, восприниматься как взаимные.

– То есть вы считаете, что это написала она?

– Честно говоря, не знаю. Если б дело ограничивалось только этим письмом, я не стал бы так беспокоиться. Но есть еще одно, и оно написано той же рукой. Одно письмо еще можно списать на временное помрачение рассудка, два – это уже план. Но вы еще не дочитали и это. Вот здесь то, после чего я стал плохо спать.

Винсент развернул оставшуюся часть письма. Ула выпучил глаза.

«...но после той передачи тебя больше не было в утренних новостях. Разлука так затянулась, что я могу объяснить это лишь твоим сознательным намерением. Ты нарочно повернулся ко мне спиной именно тогда, когда я поняла, что мы – одно. И терпеть этого я не стану...»

– Непонятно, что она имеет здесь в виду. – Ула ткнул пальцем в последнее предложение.

– Или насколько серьезно ее намерение, – подхватил Винсент. – Я, конечно, не бог весть какая звезда и действительно не представляю себе реальные масштабы опасности. Но я не хочу встречаться с этой женщиной. И еще меньше – оставлять ее один на один с реквизитом, когда меня нет на сцене.

Ула положил карты на место.

– Думаю, вы преувеличиваете опасность, – сказал он. – Иногда люди ведут себя очень странно. Я охранял «Саннекс»¹³, когда они играли на танцевальном вечере. Вот где были фанаты! Ваша сталкерша – просто голубь в сравнении с ними.

* * *

– Бросай все и марш в комнату совещаний.

Рубен успел заметить в приоткрывшейся двери голову Юлии, которая исчезла, прежде чем он успел отреагировать, и вернулся к тексту на мониторе.

«Малин, вчерашняя встреча стала для меня приятной неожиданностью. Но сейчас я отбываю на секретное задание за границу, где пробуду не меньше шести месяцев. Объявлюсь сразу, как только вернусь...»

Вот так, пусть помучается, потом будет сговорчивее. Не стоит сразу раскрывать им объятия. Этот прием срабатывал у него безотказно. А если в конце добавить, что он может не вернуться вообще...

– Рубен! – позвала Юлия уже из коридора.

Рубен вздохнул и стер все, что было на мониторе. Иногда не отвечать совсем – лучшая стратегия.

В комнате для совещаний его уже ждали Мина, Кристер и

¹³ «Саннекс» – популярная в Швеции музыкально-танцевальная группа.

Юлия. Педер, как всегда, спал за столом в углу. Щеки Юлии горели, словно она только что пробежала стометровку. Хотя, похоже, именно это она и сделала. Но фантазия Рубена не слышала доводов рассудка и продолжала работать в своем направлении. Он уже видел румянец на этих щеках при совсем других обстоятельствах. Тогда юбка на Юлии была гораздо короче, и Рубен лежал под Юлией, обхватив руками ее бедра. Он сел, не сводя с Юлии счастливого взгляда, который она совершенно игнорировала.

Рубен спрашивал себя, по какому случаю подняли тревогу. Последнее внеочередное совещание проводилось всего час назад, когда Мина проинформировала группу об эксгумации тела Агнес Сеси.

– Теперь нам известно, кто был в ящике с мечами, – объявила Юлия, встав во главе стола. – Тува Бенгтсон, двадцати пяти лет, проживавшая в Хегерстене. Ближайшие родственники – дедушка с бабушкой и трехлетний сын Линус. Родителей у нее нет, и давно, – добавила Юлия в ответ на удивленно поднятую бровь Кристера. – У нас только что были ее дедушка с бабушкой по материнской линии, и они утверждают, что бывший гражданский муж Тувы последние три года живет в Лондоне. Разумеется, мы все проверим и перепроверим. У нас пока нет контактов ее друзей, но Тува работала в кафе «Фаб Фика» в Хорнстюлле вместе с неким Даниэлем – пока, опять-таки, без фамилии.

– Я немедленно отправляюсь в это кафе, – заявила Мина,

прежде чем Рубен успел открыть рот.

Юлия задумчиво поджала губы. Она стояла, опершись руками о стол, и Рубен не мог не отметить про себя, каким симпатично округлым становится ее зад, когда она чуть наклоняется вперед. Он попытался даже определить фасон трусов, но ничего подобного сквозь джинсовую ткань не просматривалось. Наверняка стринги, и Рубена совсем не удивило бы, если б Юлия надела их ради него.

– Ты уверена? – Она повернулась к Мине. – Ты на многое способна, но контакты с новыми людьми – не самая сильная твоя сторона, ты согласна? Тебе придется разговаривать с теми, кто еще не знает о смерти Тувы, и после тебя у них не должно возникнуть на этот счет никаких подозрений.

– Не говори так, Юлия. – Рубен откинулся на спинку стула, заведя руки за голову. – Мина достаточно сдержанна и тактична. Но в кафе поеду я. Передо мной кто угодно откроется, ты же знаешь. – Он многозначительно посмотрел на начальницу.

– Хорошо, Рубен, ты меня убедил, – сказала Юлия. – Едет Мина.

Та кивнула, встала и быстро вышла из комнаты.

– Вы двое, – Юлия показала на Кристера и Рубена, которые тоже встали, – собираете информацию о Туве Бенгтсон. Идентификационный номер и другие персональные данные там же, где обычно.

Рубен собрался идти, но Юлия остановила его, схватив за

руку, и подождала, пока Кристер выйдет в коридор.

– Рубен, – тихо сказала она, – я знаю, что ты считаешь себя подарком для каждой женщины. Но может получиться так, что фраза «работать из дома» будет иметь для тебя совершенно новое значение. Если, конечно, у тебя вообще будет какая-нибудь работа. Ты уже использовал все свои шансы, и эта группа может стать для тебя последней. Не думаю, что шведская полиция сможет предложить тебе еще какой-нибудь курс на тему гендерного равенства.

Юлия отпустила его руку и первой вышла в коридор. Рубен смотрел ей вслед. Внезапно у него отпало всякое желание любоваться ее задом. Агрессивные женщины чертовски несексуальны.

* * *

Чтобы добраться до Хорнстюлля от здания полиции на Кунгсхольмене, Мине всего-то нужно было перейти мост Вестербрун. Тем не менее она взяла машину. За мостом справа сразу увидела кафе «Фаб Фика». Отражающееся от оконных стекол солнце мешало разглядеть, кто был внутри. Но Мина не остановилась, а поехала дальше, в сторону площади Гульмарсплан, где должна была забрать Винсента.

Она позвонила менталисту сразу после совещания, потому что не хотела ехать к Даниэлю одна. И пусть коллеги думают, что хотят. Винсент был идеальным подспорьем, пото-

му что видел то, что ускользало от внимания других. При любом опросе полезно иметь рядом такого наблюдателя. Рубена Мина плохо представляла себе в этой роли. Не говоря о том, что с Винсентом было гораздо интереснее.

Она остановилась возле площади – и сразу увидела его. Черная куртка и такого же цвета поло, коричневые ботинки – Винсент не мог подобрать более удачный костюм, если только хотел, чтобы в нем за версту узнавали менталиста. Ну или полицейского по меньшей мере. Мина мысленно улыбнулась. Да, именно так и выглядят в сериалах детективы при исполнении. Как бы намекнуть ему потактичней, чтобы переключил канал? Но тут он увидел ее и заулыбался.

– А тот парень, к которому мы едем, – начал Винсент, садясь в машину, – он что, подозреваемый?

– И тебе доброе утро, Винсент, – отозвалась Мина и сделала удивленные глаза. – Как себя чувствуешь? Всё в порядке?

Во время последнего разговора по телефону они сами не заметили, как перешли на ты.

Менталист смутился и наморщил лоб.

– Прости, – ответил он. – Разумеется, мне хотелось бы знать, как ты себя чувствуешь. Но ты была так воодушевлена, когда приглашала меня на эту встречу... А энтузиазм – штука заразительная. В общем, конечно... привет, Мина! Доброе утро.

– Привет, Винсент!

От площади повернули обратно к Сёдермальму. Винсент услышал, как странно заскрипело под ним сиденье.

– Ты что... кладешь на них пластик? – удивился он.

– Так можно убивать людей, не оставляя следов, – объяснила Мина. – Думаешь, зачем я тебя туда посадила?

Винсент рассмеялся и сосредоточился на дороге.

– Прости, – повторил он, – но что полезного ты рассчитываешь услышать от этого напарника Тувы?

– Ну... о самой Туве, боюсь, меньше всего. В этом плане родственники, друзья и коллеги – самый ненадежный источник информации. Весь мой опыт работы в полиции показывает, как на удивление мало мы знаем о жизни людей, которые живут рядом с нами... Ну или жили. Слишком часто такие свидетельства противоречат тому, что мы видим в домах жертв.

– А что вы обычно видите в домах?

Винсент схватился за подлокотник сиденья, когда Мина меняла полосу движения на мосту Гюльмарсбрун.

– Ну... если, скажем, в холодильнике недостаточно продуктов, это может означать, что человек регулярно посещал кафе или рестораны. Где, помимо прочего, имел возможность кого-нибудь видеть... убийцу, к примеру. А если приглядеться к тому, каких именно продуктов не хватает в холодильнике, можно определить, в какое время суток жертва посещала заведения... ну то есть завтракала она там или обедала. Это важно прочувствовать, понимаешь? К приме-

ру, музыкальные инструменты или незаконченные картины свидетельствуют о хобби. Если Тува и Агнес посещали один и тот же клуб, то они могли встречаться там с убийцей. Сексуальные штучки – тоже хороший индикатор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.